

Алиса Стриже

9 от январа до марта
9 ДИНА ШАГ

Annotation

Леда — простая деревенская девушка, которую хотят принести в жертву жестокой богине. Жить ей осталось всего-ничего, а жить очень и очень хочется. Но как быть? Что можно противопоставить богине, которая принесла в мир вечный холод? Сможет ли Леда выжить, найти любовь и свое место в этом жестоком, холодном мире?

Леда не сразу заметила человека, приближавшегося к ее дому. Окно, у которого она по обыкновению пряла, выходило на вымершую из-за мороза улицу деревеньки. Крыши избышек украшали белоснежные шапки снега, а поднимавшийся из труб дым терялся на фоне пасмурного неба. Никто даже и помыслить не мог выйти в такой холод на улицу. Но человека холод явно мало волновал. Его синие одежды — безобразная клякса на гладкой простыне снега — издали казались не такими уж теплыми, а сам он, качаясь из стороны в сторону, как маятник, упрямо шел вперед. Леда сразу поняла, кто он. Никто кроме него не высунул бы на улицу и носа в такую погоду. И идти он мог только к ней.

Запаниковав, девушка вскочила со своего места у окна и взгляд ее заметался по комнате. Веретено глухо стукнулось об пол, скатившись с ее колен. Девушка глянула не него непонимающе и принялась за дело. Она сдернула с прялки шерсть, смотала нитку и поспешила к сундуку. Из сундука свисал краешек старенького полушубка. Поджав губы и поругав себя за неаккуратность, Леда спрятала полушубок, положила на него пряжу и заперла сундук навесным замком. После этого она выловила свою кошку Мурысю из-под лавки, где та воодушевленно гоняла лапой какую-то бусинку. Своего домашнего питомца Леда отправила на печь.

— Сиди тихо, а то беда будет, — сказала она кошке с надеждой. Кошка ничего не ответила, только зевнула и послушно свернулась калачиком на печи, куда обычно ее не допускали.

Торопясь, Леда глянула за окно. Человек приближался. Теперь можно было разглядеть его тучные очертания и заметить, как сильно он хромает. Леда от кого-то слышала, что «доброжелатели», коих у человека имелось предостаточно, поймали его ночной порой и сломали обе ноги, нос и пару пальцев. Конечно, девушка и сама недолюбливала его, но такой судьбы и врагу не пожелаешь. Расстраивало ее только то, что человек не усвоил урока и продолжил делать то, за что его так все ненавидели. Еще ей было жаль «доброжелателей», которых буквально на следующий же день повесили на городской площади.

Понимая, что беда приближается, девушка глянула в угол комнаты. Там, под потолком, на треугольной полочке стоял перевернутый кувшин и пара оплавившихся, давно потухших свечей. Сердце у девушки подскочило, и она, пододвинув быстрее стул, убрала кувшин. Под ним оказалась деревянная статуэтка богини. Изображена она была мастерски — прекрасное, но злое лицо, длинные распущенные волосы, голова, увенчанная остроконечным колпаком, пышное платье. В ту самую минуту, когда Леда слезла со стула, в дверь постучали. Она сунула кувшин на печь и бросилась открывать.

Вместе со жрецом Мелунасем в единственную комнату скромной избы проник холодный зимний ветер. Мужчина не торопился. Он специально потоптался на пороге, чтобы изба как можно сильнее охладилась, и только потом позволил Леде закрыть дверь. Не здороваясь, жрец обвел комнату хищным взглядом. Девушка замерла, мысленно молясь, чтобы Мелунас не заглянул на печь. Пронесло. Жрец только зыркнул туда своими маленькими, слезящимися глазками и понял, что росту в нем хватит. Лицо незваного гостя покрывали красные волдыри и пласты отслоившейся кожи — признаки частых обморожений. Серые сальные волосы торчали из-под синего, покрытого снегом колпака. На спине красовался горб, в руках он держал трость. Порой Леда удивлялась, как Мелунас

умудряется пешком преодолевать расстояния от одной деревни до другой по морозу с его-то ногами. Впрочем, Мелунаса холод будто бы и не брал вовсе, видимо, расстаралась его любимая богиня.

Жрец закончил осмотр помещения, что-то невразумительно пробормотал, а потом устался на Леду.

— Подай стул старику, оборванка, — сказал он с отвращением. — И воды.

Девушка тут же бросилась выполнять. Она поставила стул поближе к печи, жрец на него взгромоздился, и его теплый балахон заструился к полу сапфировым водопадом. Девушка тайком улыбнулась — никто, кроме Мелунаса, не додумался бы надеть одежду жреца поверх шубы. Пока Леда зачерпывала ему из деревянной кадки воды, он успел сложить руки и прочесть какую-то короткую, но емкую молитву статуэтке в углу комнаты.

— Ишь ты, — сказал он, принимая жестяную кружку у девушки из рук, — полочку смастерила, чтобы такую красоту запрятать. Че запихала-то как глубоко? Вытащи богиню поближе. Ну, давай, оборванка. Чего встала?

Послушно поклонившись, девушка приподнялась на цыпочки и попыталась достать статуэтку, но росту у нее не хватало. Она напряглась, приподнялась еще больше. Статуэтка на секунду пододвинулась поближе, а потом качнулась и с грохотом упала на пол. Девушка тут же кинулась вниз, подобрала ее, прижала к груди и глянула на жреца. Глаза того не предвещали совершенно ничего хорошего.

Он стремительно встал. Леда зажмурилась и тут же получила ощутимый удар по спине тростью. Ей стало больно и горько, захотелось заплакать, но она сдержалась. Жрец вырвал статуэтку у нее из рук и шумно поставил ее на подоконник.

— Вот здесь пускай стоит, раз у тебя руки такие дырявые, — выплюнул он. — Чтоб тебе провалиться! За богохульство — еще минус год. Подвину тебя специально в очереди, чтобы Январь побыстрее прибрала тебя к рукам.

— Хорошо, господин, — покорно опустила голову Леда. — Как скажете.

Внутри у нее поднялось слабое, забитое и задушенное негодование. Она могла бы сказать Мелунасу все, что она о нем думает, могла бы выставить его за дверь. Могла бы, но вместе с этим и не могла. Потому что от его расположения к ней зависел срок ее жизни. Потому она подавила в себе желание сопротивляться, как давила его постоянно на протяжении уже пяти с лишним лет.

— Неблагодарная тварь, — разошелся тем временем жрец. — Богиня избрала тебя для великого дела, а я не вижу в твоих глазах и толики благодарности к ее милости! Хотя я ни в ком ее не вижу! Например, Ирки из соседней деревни. Что ты знаешь про Ирки?

— Я ничего не знаю о ней, господин, — покачала головой Леда, не смея встать с пола. — Я с ней даже не знакома.

— Не знакома? — выплюнул жрец. — А надо было. Может, переняла бы эта дура от тебя хоть немного смиренности. Уж чего-чего, а этого у тебя не отнять. Эта распутная девка сбежала, приблизив еще на год твою церемонию дарения. Ты рада?

— Да, рада, господин, — Леда попыталась сделать свой возглас радостным, но на глаза ее все же навернулись слезы.

— Плачешь? — фыркнул жрец. — Ну плачь, плачь! Неблагодарная девчонка.

Он замахнулся, чтобы ударить Леду еще раз, но передумал.

— Ладно, некогда мне тут с тобой, — сказал он чуть более спокойно. — Мне еще три деревни обойти. Надеюсь, прочие будут благодарнее Ирки. Не каждую девушку приносят в

жертву Январь. Вы — избранные, вы рождены для этого. Так что будь благодарна, девчонка. Чтобы молилась и не смела бежать, поняла меня?

— Да, поняла, господин, — сказала Леда, украдкой утирая глаза.

— Ну, ну, разревелась тут, — сказал жрец почти ласково.

Он обошел девушку и взял в руки ее толстую черную косу. Поправил красную ленту, перевязав ее изящным бантом. Почти по-отцовски погладил девушку по голове и устремился к выходу. Открыл дверь, постоял, глянул — на этот раз как-то сально, неприятно — и был таков. Дверь Мелунас, разумеется, не затворил. Леда утерла быстро глаза, шмыгнула носом и захлопнула ее, да так сильно, что на крыльцо с крыши упала сосулька.

Внутри у девушки все сжималось и разжималось от жалости к самой себе. Она пододвинула стул к окну, упала на него и глянула Мелунасу вслед. Он как раз вышел на дорогу и поковылял, покачиваясь, по своим делам, как к дому подъехала карета. Лошади встали на дыбы, чуть не растоптав его. Жрец повалился на спину и воздел руки, пытаясь защититься. Лошадиные копыта его миновали. Невнятную ругань Мелунаса было слышно даже через бревенчатые стены избышки. Леда, слезы которой высохли от удивления, припала лицом к окну.

Старая сказка

Однажды в пустые земли пришел Творец. Был он весел, юн, но полон любви и мудрости. Он согрел пустующий мир, вдохнул в него жизнь и населил людьми. Долго наблюдал он за тем, как они возводят замки и возделывают поля, однако с каждым мигом становилось Творцу все скучнее и скучнее. Люди научились жить самостоятельно, без его помощи, и обращались к нему лишь с пустячными просьбами. Поколения сменились поколениями, мир рос, развивался и копошился совершенно без его участия. И решил тогда Творец уйти создавать новые миры. Но оставить своих подопечных без присмотра он не решился.

Подумав, он отобрал из людей двенадцать достойных. Для них Творец создал замок глубоко в горах, чтобы никто не мешал им творить свои дела. Людей этих он наделил великими, божественными силами. И вот, оставив своих подчиненных управлять миром, Творец ушел, обещав вернуться — да так и сгинул.

Двенадцать же поделили между собой год, став новыми богами. Каждый взял себе по месяцу и начал в это время управлять миром так, как сам того хотел. Зимние боги обволакивали земли снегом, весенние будили природу, летние заставляли все цвести, расти и колоситься, а осенние пожинали плоды и усыпляли, убаюкивали мир, готовя его к зиме.

Долго и славно правили они, да в один день пришла беда. Мятежный месяц Март взбунтовался, пожелав большей власти. По одному он убил десятерых богов, но проиграл битву последней оставшейся богине — Январю. Она заточила его тело в глыбу льда, не решившись пойти на убийство, и сбросила ее на землю в назидание людям. После этого на мир опустились гнев и печаль богини. Зима длилась целый год, измотав людей и истощив запасы. Дети умирали от холода, люди мучились от голода и болезней, и тогда жрецы взмолились:

— Богиня, верни нам весну, лето и осень, иначе от нас скоро совсем ничего не останется.

И богиня ответила.

— Покуда вы будете каждый месяц приносить мне в жертву черноволосую деву, то месяца будут сменяться. Коль нарушите этот завет — вновь настанет вечная зима.

С тех пор каждый месяц жрецы Январь отправляют ей одну девушку. Пусть поздняя, но приходит весна, пусть дождливое, но приходит лето, пусть холодная, но наступает осень. И как бы жрецы не молились о тепле и урожае, богиня не внимлет их молитвам, будто наказывает их за Мартов мятеж. Много раз спрашивали они ее, к чему ей смерти черноволосых дев, зачем они нужны ей, но и на этот вопрос они не получили ответа.

Это всего лишь легенда. Одна из многих легенд о богах, ставшая началом новой, холодной и суровой эры. Эры морозов, призраков и постоянных жертвоприношений. Эры неурожая. Эры без солнца. Эры правления Январь.

Эта легенда — страшная сказка, которой пугают детей.

Только вот сколько в ней правды?

Часть 1. Жертвенница. Глава 1

Из богатой черной кареты пулей выскочил человек и принялся помогать Мелунасу подняться. Леда застыла, заинтересованно прижавшись к окну. Кошка, до это сидевшая смиренно и тихо, прыгнула с печи и принялась, мурлыкая, тереться об ее ноги. Девушка же смотрела во все глаза на дорогое пальто гостя, на его изящный цилиндр и на то, как он отряхивает одежды жреца. Мелунас что-то невнятно орал, ругался, но слов Леды различить не смогла. Вот жрец замахнулся и огрел помощника по боку своей тростью, вот поднялся с трудом сам, вот отошел, качаясь, на несколько шагов и погрозил кулаком. Человек же вел себя спокойно, даже весело. Он помахал жрецу рукой, отвесил шутливый поклон и вернулся к карете.

Сердце у Леды болело. Она прекрасно понимала — Мелунас ей этого не простит. Пусть в том, что карета чуть не задавила жреца у ее дома и не было вины девушки, но он бы нашел к чему придраться. Леда хорошо его знала. Он ее ненавидел. И она предполагала, что являлось причиной этой ненависти.

Тем временем дверцы кареты распахнулись, и Леда отчетливо увидела нежно-голубую бархатную юбку с золотым узором. Она мысленно прикинула цену кареты, примерную стоимость платья и пришла к выводу, что к ней пожаловали очень богатые гости. Леда бы не удивилась, если бы мужчина оказался каким-нибудь мелким бароном. Джентльмен в цилиндре подхватил даму под руку и она, подобрав свой кринолин, изящно выплыла из кареты.

Очнувшись от оцепенения, Леда снова забегала. Отперла замок на сундуке, вытащила шерсть, нахлобучила ее на прялку. Она умыла лицо в кадке, памятуя о том, как сильно краснеют у нее глаза от даже самых маленьких слез. Отражение в глади воды смотрело на нее неприветливо и казалось ей безобразно припухшим. Стоило ей утереться старым полотенцем, как в дверь постучали.

Гости вошли споро, не стали топтаться на пороге. Видно, мороз их знатно прижал. Джентльмен — высокий, худощавый молодой мужчина с темными барашками волос на голове — доброжелательно улыбнулся Леде. Она бы не назвала его красивым — картину чуть портили торчащие уши и кривоватые передние зубы. Зато жизнерадостности и какого-то приятного обаяния этого человека хватило бы на двоих. А главное — он смотрел на Леду как на девушку, а не как на жертвенницу или простолюдинку.

— Здравствуйте, барышня, — сказал он, подкручивая щегольские темные усы. — Имею честь представиться. Ретео, главный казначей его величества графа Аластра. А эта милая леди, — он указал на свою пухлую, розовую, похожую на поросенка спутницу, — Игрид, моя хорошая подруга.

Девушка фыркнула, посмотрев на Леду с пренебрежением. В глазах ее блеснуло отвращение, с которым некрасивые знатные дамы всегда смотрят на всякую мало-мальски симпатичную простолюдинку. Игрид скинула голубую, подбитую овечьим мехом ретонду и осталась в одном платье. Корсет обнимал ее пухлые формы так крепко и страстно, что его веревки скрипели при каждом движении. Леде только оставалось дивиться, как любовница казначея еще не задохнулась в этом усыпанном бисером и кружевами бархатном капкане.

— Невеста, Ретео, — сказала низким, глубоким голосом девушка, кокетливо запроваля за ушко золотистые колечки волос. — И к чему такие представления? Она же всего-навсего полунищая простолюдинка!

— Нельзя забывать о вежливости, — ласково погладил любовницу по плечу гость, а потом повернулся к хозяйке дома. — А ваше имя, я так полагаю, Леда?

— Да, господин, — девушка постаралась сделать свой поклон поизыщнее.

Колени у нее дрожали от страха. Она знала, зачем приехали эти господа, и теперь всеми силами старалась показать себя с лучшей стороны. Однако ее неудачный книксен только рассмешил Игрид.

— Фу, — сказала она, отсмеявшись. — Простолюдинка, которая пытается вести себя как леди.

— Игрид, милая, давай лучше к делу перейдем, — сказал любовнице Ретео, а потом повернулся к швее. — Видите ли, Леда, на балу моя леди увидела прекрасное платье. Она долго выпрашивала о том, кто его сшил. Таким образом мы и попали к вам. Говорят, что вы творите настоящие чудеса с тканью. Так ли это?

— Господин, я простая швея, — ощутив за себя приятную гордость, сказала девушка. — Однако я шила платья многим знатным дамам, и кое-какой опыт у меня имеется. Если госпожа Игрид хочет красивое платье — я сошью его для нее. Нужно только описать, как оно должно выглядеть, и предоставить мне материалы.

— Отлично, — не обращая на вновь скривившуюся любовницу внимания, сказал Ретео. — Из парчи пошьете? Материалы у нас с собой, можем хоть сейчас принести.

— Конечно, я шью из любой ткани, — пожала плечами Леда.

— Брось, ты же не веришь, что эта замарашка действительно что-то сделает? — спросила Игрид, вставая в стойку. — Посмеялись и хватит. Скорее всего Маргарет меня надула! Ты посмотри только на то, во что она одета?!

Леда вспыхнула, опустив голову. На ней и правда был латаный красный сарафан, который она давно хотела сменить на что-нибудь более пристойное. Однако Ретео, окинув беглым взглядом одежду Леды, вдруг присел на корточки и, сняв цилиндр, всмотрелся в вышивку, идущую по краю подола. Девушка зарделась, а Игрид чуть не задохнулась от возмущения.

— Хватит дуться, — сказал ей казначей. — Ты глянь на эти цветы! Ты сама в жизни так не вышьешь!

Леде на секунду показалось, что Игрид сейчас лопнет от гнева. Она сжала в кулаки свои пухлые пальцы и, гневно насупившись, заявила:

— Ты, Ретео, кобель! Тащишься за каждой юбкой, будто она хоть в алмазах, хоть в дерьме! Ты посмотри на нее! Она же жертвенница. Мы дадим ей денег, а она раз — и все, в руках богини. Видел, кто к ней приходил? Старик был так зол, что, не ровен час, в этот же месяц отправит ее к Январю! А если и не отправит — так я сама за нее, выскочку, словечко замолвлю!

К лицу Леды прилила краска, глаза неприятно защипало. Она прикусила предательски задрожавшую губу и опустила голову, чтобы спрятать наворачнувшиеся слезы обиды. Казначей бросил разглядывать подол ее юбки и покачал головой.

— Знаешь что, — Ретео поднялся, все так же благожелательно улыбаясь, и повернулся к своей любовнице. — Иди-ка ты в карету, дорогая. Я тут буквально на пару минут задержусь, принесу извинения и присоединюсь к тебе.

Игрид фыркнула, развернулась на каблуках и вышла из дома, постаравшись погромче хлопнуть дверь. По вскрику Леда поняла, что ее покарало небесное правосудие — видимо с крыши свалилась очередная сосулька, грозди которых гнездились на самом выступающем коньке. За вскриком последовала сдавленная ругань, но возвращаться дамочка не стала. Повисла тишина.

Не смея поднять глаза, Леда ждала, что же скажет казначей. Терпкий запах духов джентльмена смешивался со вкусным ароматом сложенной у печи поленицы. Леда осторожно подняла лицо, пытаясь понять, злиться ли на нее Ретео. Однако казначей явно не злился, а пребывал в какой-то странной задумчивости. Он крутил головой, осматривая дом.

— Где твои родные, жертвенница? — наконец, спросил он.

— Боги забрали их буквально через год после моего рождения, господин, — сказала грустно девушка. — Братьев и сестер нет, так что я круглая сирота.

— Кто же тебя растил? — удивился мужчина.

— Нашлись добрые люди, господин, — уклончиво ответила Леда, недоумевая, зачем Ретео все это нужно.

— Интересно, — потер подбородок казначей. — Очень и очень интересно. Ну и... сколько же тебе осталось?

Последние слова прозвучали так нерешительно и тактично, что Леда невольно улыбнулась. Ей был приятен казначей. Он, по крайней мере, не обращался к ней как к животному или умирающей больной. Чуть расслабившись, она выпрямила спину и попыталась улыбнуться:

— Господин Мелунас сказал, что всего два года, господин казначей, — ответила она. — Однако, думается мне, после сегодняшнего...

Она запнулась и замолчала.

— Жаль такую красоту отдавать прожорливой Январь, — покачал головой Ретео. — Ты скажи мне, только честно. Обещаю, что никому тебя не сдам. Ты жить хочешь? Прожить нормальную, человеческую жизнь. Завести семью, детей?

Девушка прикусила губу. Она хотела. Больше всего не свете хотела. Однако с тех пор, как к ней впервые пришел Мелунас и назначил дату ее смерти, она потеряла веру в себя. Она работала, чтобы не умереть с голоду, и мечтала, чтобы не сойти с ума. Однако саму себя она давно уже похоронила. Ну что она могла противопоставить воле богини? Что она, скромная деревенская сирота, могла сделать в такой ситуации? Единственное, что ей приходило на ум — это попытаться сбежать. Но куда бежать, если всюду холод и голод? Куда бежать, если ее все равно найдут и убьют?

— Нет так нет, — сказал вдруг Ретео. — Жаль. А то бы я тебе помог. Ну что ж, прости мою Игрид, у нее очень скверный характер. И меня прости, коль чем обидел. Прощай, красавица.

Леда вскинула голову. Вот под ее пристальным взглядом мужчина развернулся и пошел к двери. Вот нахлобучил на свои темные, вихрящиеся волосы цилиндр. Вот остановился и потрепал улегшуюся на сундук кошку. Вот коснулся ручки двери. Вот потихоньку толкнул ее. И тут Леда решила. Ее желание жить обожгло горло, вырвалось наружу:

— Я хочу!

Ретео посмотрел на нее, хитро прищурился и закрыл уже приоткрытую дверь. В глазах его плясали бесенята, а на тонких губах играла коварная улыбочка.

— Что-что? — спросил он. — Я не расслышал.

— Я хочу жить, — повторила Леда, пусть и не так решительно, но зато вполне себе громко.

— Замечательно, — благосклонно кивнул ей Ретео. — Что ж, тогда можешь забыть о том, как выглядит этот старый хрыч Мелунас. Больше ты его не увидишь. Жди. Скоро все узнаешь. И до скорой встречи, красавица. Не скучай тут.

Он вышел и осторожно, памятуя о сосульках, прикрыл за собой дверь. Леда кинулась к окну. Она увидела, как Ретео идет по протоптанной дорожке буквально вприпрыжку. Оставалось только дивиться, чему это он радуется.

На подоконник вскочила Мурьська, и Леда осторожно огладила ее серый, расчерченный темными полосами мех. Кошка ласково прижалась к ней и принялась вылизывать руки. Ретео тем временем дошел до кареты. Заглянул в нее, он получил по голове веером, расхохотался. Какое-то время они с Игрид то ли дрались, то ли кокетничали, но в конце концов она подала ему какой-то сверток. Ретео сунул его под мышку и устремился обратно, к дому Леды. Не прошло и минуты, как он открыл дверь. Поманив швею к себе рукой, он сунул ей нечто, завернутое в коричневую бумагу. Леда приняла сверток, развернула его и увидела красную парчу.

— Подарок тебе за храбрость. — сказал казначей. — Сшей себе платье получше взамен этого сарафана и жди гостей. Дай высший творец решится все к концу января.

— Господин, я не приму, — запротестовала девушка.

— Только попробуй не принять, — напустил на себя дурашливую сердитость Ретео. — Приободришь. Платье тебе кое для чего пригодиться. Так что сшей его, и вспоминай меня добрым словом.

С этими словами он развернулся, закрыл дверь и ушел. Что-то крикнул, запрыгнул в карету. Прежде чем дверца закрылась, Леда заметила, что Игрид еще пару раз огрела его веером. Продрогший кучер щелкнул кнутом и карета, сорвавшись с места, понеслась в сторону города.

Прижав ткани к себе Леда обессилено уселась прямо на пол. Она прекрасно понимала — жрец наверняка припомнит ей то, что его чуть не переехали ее гости. А если он вдруг, по счастливому стечению обстоятельств, забудет об этом — ему напомнит ревнивая Игрид. Да и на Ретео надежды мало, ведь помощь от богатеев простолюдинам сродни сказкам о исполняющих желания золотых рыбках. И даже не смотря на все это внутри у девушки, в самом ее сердце, затеплилась надежда.

Дверь избышки распахнулась в тот момент, когда Леда старательно мела пол. Ее соседка Латена впорхнула в дом как на крыльях, принеся с собой приятный запах молока. Лицо ее излучало такое счастье, что Леда тут же и сама начала улыбаться. Латена была моложе Леды на год, однако уже успела выскочить замуж и родить двух здоровеньких сыновей. Детей она любила, но, имея непоседливый нрав, постоянно оставляла их на свою матушку и уносилась гулять.

— Ледочка, а ты чем тут занимаешься? — спросила Латена, закрывая за собой дверь и хитро на подругу поглядывая.

— Мету, как видишь, — удивилась Леда. — А что я должна, по твоему, делать?

— Мети-мети, радость моя! — буквально запела соседка а потом добавила. — Хотя можешь и не мести. Ты главное рассказывай.

Прервав уборку, Леда повернулась к ней и изобразила на лице недоумение. Латена всегда восхищала ее, и казалась чуть ли не образцом красоты. Русая косица — еще толще, чем ненавистная коса Леды — свисала до самых колен, румяные щеки светились здоровьем. И росту в Латене было на целую ладонь больше, чем в ее коротышке-подруге. Да и телом она вышла ладная, стройная, округлая везде, где надо, из-за чего довольно плоская Леда ей искренне завидовала. Даже девчонкой Латена всегда была лучше, красивее, привлекательнее подруги. Синий сарафан с простенькой вышивкой, сшитый для нее Ледой за небольшую плату, сидел на девушке как влитой. Голову опоясывала красивая желтая лента. Рядом с ней жертвенница ощущала себя еще более ущербной, чем была на самом деле. Тем не менее они дружили с самого детства. Противоположности, как говорят, притягиваются.

— Ну, и долго будешь глазами хлопать? — засмеялась Латена. — Рассказывай давай, как тебе это удалось?

— Что удалось? — испугалась Леда.

С того дня, как ее посетил казначей графа, прошла добрая неделя. Ткани, подаренные мужчиной, девушка спрятала на самое дно сундука. Надежда грызла ее, заставляла сердце сладко сжиматься, но ничего не происходило. Иногда ночами ей снилось, что к ней заявляются жрецы Января, и, прямо на печи, приносят ее в жертву. Но Мелунас не шел сообщить ей о дате ее смерти. От него не было никаких вестей с их прошлой встречи. Впрочем, как и от казначея Ретео.

— Да быть не может! Ты не знаешь? — всплеснула изящными ручками Латена. — Оно и не удивительно! Ты ведь сидишь дома как затворница! Поверить не могу! Вся деревня уже гудит, меня заслали на разведку, а ты сама не в курсе, какое на тебя счастье свалилось!

Сердце у Леды приятно сжалось, но она тут же усмирила его, припомнив о Мелунасе.

— Так что за радость то? — осведомилась она. — Не ходи кругами, Латенка!

— Ну так в двух словах не расскажешь, — растягивая слова, сказала красавица, а потом присела на сундук, свесила ножки и начала свой рассказ. — В общем, может, замечала, что уже как три дня в деревню повадился ходить какой-то странный маленький человечек?

— Да, заметила, — кивнула Леда. — По домам ходил, в окна стучался. Я думала, что, может, милостыню просил...

— Не поверишь, но я тоже так подумала! — звонко чирикнула Латена. — А потом вдруг выяснилось, что он ходит и о тебе, милая моя, справки наводит. Ну так я, не будь дурой, сегодня утром выловила его сама, пригласила. За стол усадила, налила горькой и знатно так расспросила, чего это он так тобой интересуется. Думала — ну как пить дать жених! И знаешь, что он мне сказал?

— Что же? — насторожилась и без того встревоженная Леда.

— Что тебя, дурынду такую, сам граф Аластр хочет в жены взять! — громко взвизгнула от восторга Латена. — Ты представляешь, сам граф! Да с таким женихом тебе никакие жрецы не страшны! Я так рада за тебя! Как у тебя это получилось?

Но Леда не ответила. От слов подруги внутри нее все обмерло. Вспомнились слова Ретео о помощи, вспомнились слова о том, что платье из парчи ей скоро пригодится, вспомнился маленький, шастающий по домам человечек. Латена еще что-то восторженно пищала, но Леда ее не слушала. Все ее надежды на долгую и счастливую жизнь разрушились, превратившись в тупую боль.

— Латена, — спросила она, чуть-чуть придя в себя от шока, — чему... чему ты так радуешься?

Подружка лишь весело фыркнула и махнула рукой:

— Брось, неужто ты веришь в эти рассказы?

— Это не рассказы, это факты, — нахмурилась Леда. — Обе жены графа Аластре умерли, не прожив с ним в браке и года. Ладно бы одна, но две!

— Так не от абы чего умерли-то! — неуверенно решила поспорить Латена. — Первая, вроде, при родах скончалась, а вторая... да Январь с ней, со второй!

— Вторая с лестницы упала, — напомнила ей Леда. — А первая умерла в замке, когда, вдумайся, сам граф у нее роды принимал.

— Да брось, брось все эти дурные мысли, — замахала руками на нее Латена. — Граф ведь вон как медицину у нас в городе поднял! Чего такого в том, что он сведущ в таких делах?!

— А вторая, значит, просто так с лестницы упала? — не унималась Леда. — Просто вдруг взяла, да и свалилась. Хребет себе сломала, и пяти месяцев с графом не пожив?

— Ну а что, в жизни всякое бывает, — сказала наивно Латена. — Да ты сама подумай, что это были за девки? О первой ходили слухи, что ее граф чуть ли не с борделя забрал. Я вообще слышала, что в его замке она служила подстилкой всем и каждому. Уж его-то охальник-казначей точно не раз и не два лазал под ее юбку, зуб даю.

— Зато вторая, как я от тебя же слышала, была богатой сиротой, — парировала Леда. — И, надо сказать, сиротой с отличным образованием и воспитанием.

— Даже богатые сиротки падают с лестниц, — отмахнулась Латена. — Тем более с этой модой на каблуки. Я бы на твоём месте сейчас порхала от счастья, а не припоминала сопровождающие графа несчастья! Ты только подумай — балы, платья, музыка. Все, как ты мечтала! А главное — никаких жрецов.

Леда прикусила губу. Слова эти пробили брешь в пессимизме жертвенницы, и Латена прекрасно это понимала. Прищурившись, она грациозно обошла подругу и, приобняв ее за плечи, сказала.

— Вот ты, Леда, откажешься, и тебя тут же сцапает Мелунас. А подумай, как будет, если ты согласишься. Утром, вместо того, чтобы растапливать печь, дрожа от холода, ты проснешься в огромной теплой постели. Вместо того, чтобы умываться каждое утро снегом,

ты будешь ополаскивать лицо нагретой слугами водой. Вместо того, чтобы месить тесто из скверной муки и жевать жесткий хлеб, ты будешь сидеть за столом и, серебряной вилочкой, кушать какие-нибудь деликатесы. И пряники твои, на каждый из которых ты копишь по два-три месяца, ты будешь отведывать когда тебе в голову взбредет! Да что там пряники — у богатых есть и торты, и пирожные, и всякие иностранные сладости о которых мы, Ледочка, и слыхом не слыхивали!

От мыслей о полном блюде вожделенных пряников, которые Леда любила пуще всего на свете, у девушки закружилась голова. Перспектива стать женой графа вдруг показалась ей не такой уж и страшной. Закралась предательская мыслишка — а вдруг Латена права. Вдруг графа просто преследуют неудачи. Чтобы хоть как-то отогнать эти мысли, она пробормотала:

— С чего это граф вообще задумал жениться на простолюдинке? В чем ему это?

— А у них в роду такая традиция — брать в жены сироту, — сказала небрежно Латена. — Причем не важно, из каких кругов. Богатые сироты у нас в городе кончились, вот, видать, за бедных принялся.

От этих слов у Леды внутри все сжалось. Кончились. Ведь именно кончились, не прожив после свадьбы и года. Иллюзия, навеянная рассказнями подружки, растаяла как снег на жаре. Леду вдруг взяла обида на саму себя — расслабилась, забылась, напридумывала себе не весть что. И тогда она пустила в ход свой последний, самый весомый из всех, аргумент:

— Ладно, а что ты скажешь по поводу других слухах? Что ты скажешь о том, что он поклоняется мятежному Марту?

В глазах Латены мелькнул панический страх. Она тут же, отпустив плечи Леды, отошла от нее в сторонку. Они какое-то время молча смотрели друг на друга. Ощущая стыд за свои слова, Леда опустила голову. Она уже хотела открыть рот, чтобы извиниться перед подружкой — ведь произносить имя мятежника всуе считалось очень дурным поступком, как вдруг кто-то постучал в дверь.

Часть 1. Жертвенница. Глава 3

— Ты брось эти мысли, — сказала тихонько Латена, а потом кивнула на дверь. — Не дай бог кто-то услышал. Если так, то я скажу, что им примерещилось. Только ты больше о НЕМ не говори.

Леда опасливо кивнула и, сглотнув, на ватных ногах поплелась открывать дверь. И думать было страшно о том, что ее слова о Марте мог кто-то слышать. Натянув на лицо улыбку, жертвенница открыла дверь и удивленно застыла.

На пороге стоял, зябко переминаясь с ноги на ногу, мужичок с красным носом. Сначала Леда даже подумала, что перед ней мальчишка, такой он был худенький и маленький. Однако, приглядевшись, она увидела на его бугристом лице глубокие складки. Морщины расходились в разные стороны от уголков его глаз, напоминая трещины на стекле. Он ощутимо качался, пах алкоголем и никак не мог сфокусировать взгляд.

Латена, высунувшись из-за плеча подруги, воскликнула радостно:

— Здравствуйте, мил человек! Вы вернулись? Что ж вы стоите, так ведь все тепло из дома выйдет. Проходите, а то видите, дрожим уже все.

— Да, щас, — сказал мужик и, качнувшись, перевалился через порог.

Дверь за ним девушки тут же захлопнули. Когда мужичок оказался в тепле и принялся оглядываться, Леда наконец поняла, кого видит перед собой. Именно он последние три дня ходил по деревне и стучался в двери.

Мужичок, не теряя времени даром, тут же повернулся к Леде. Он взял ее обеими руками за плечи и попытался сфокусировать свой взгляд на лице. Глаза у него оказались большие, белесые, чуть косящие. Из-за того, что роста в мужичке было на полголовы меньше чем в Леде, ему пришлось даже чуть приподняться на цыпочки, чтобы получше ее разглядеть. Из под шапки-ушанки не выбивалось ни одной волосинки, а один бок душегрейки покрывал снег — видимо, упал спяну. Долго и внимательно он смотрел на Леду, а потом вдруг расплылся в радостной улыбке без одного зуба.

— Да, не брехал этот мерзавец Ретео! — икнув, сказал мужичок довольно. — Таковую красоту графу-батюшке нашел, глаз не отвести!

После этого маленький мужичок отпустил плечи Леды, икнул еще раз и, глянув уже на Латену, добавил:

— Впрочем, видать у вас тут все девки ничего... дааа.... Не то, что наши носатые городские мымры.

И тут, видно что-то вспомнив, он хлопнул себя по лбу ладонью. От души, надо сказать, хлопнул. Шапка свалилась на пол, обнажив почти лысую голову. Подбирать ушанку он не стал, вместо этого полез по карманам и выудил на свет деревянную шкатулку, накрепко перетянутую бечевкой. Откашлялся в кулак, поклонился неловко и церемонно заорал:

— Г... гспожа хорошая, его величество граф Аластр, семеро собак ему на... кхмн... велит вам принять от него этот... эту шкатулку!

— А что там? — нерешительно спросила Леда.

— Да пес его знает, — ткнув шкатулкой девушке в живот, посыльный нахмурился. — А еще... вот дурья моя башка, он велел передать... что же он велел передать-то, етить-

мадрить...

— Вы вспоминайте, вспоминайте, — подбодрила его до этого молчавшая Латена. — Нам очень надо.

— Стало быть... — почесал он в затылке и, обнаружив потерю шапки, заозирался. — Ешкин кот, куда ушанка...

Леда быстро наклонилась, подобрала шапку и нахлобучила ее ему на голову. Маленький человечек посмотрел на нее с рассеянной благодарностью, и добавил:

— В общем, через три дня стало быть... приедет свататься. Велел, чтобы готовились. Больш вроде ничего не забыл. П... прощайте, дамы.

И с этими словами он, пошатываясь, пошел к двери. Врезался в нее, неуклюже открыл, вышел на улицу, закрыл и был таков. Леда с Латеной переглянулись и невольно заулыбались.

— Стало быть, — передразнила его Латена, — надобно открыть шкатулочку-то, а, Ледушка-лебедушка? Ты же мне покажешь, что там? Небось брошь какая-нибудь, или бусы? А примерить дашь?

— А можно открывать-то, как думаешь? — опасливо спросила Леда.

— Нет, надо положить ее к ногам богини нашей Январь и молиться, — фыркнула Латена. — Конечно открывай!

Леда неловко улыбнулась и шутливо пожурела подругу:

— Богохульница.

— От богохульницы слышу!

Шкатулка оказалась небольшой — длинной в ладонь и шириной с указательный палец. Проморенное темное дерево обнимала тонкая, отполированная до зеркального блеска медная оковка. На крышке красовался искусно сделанный узор — два смотрящих друг на друга изящных оленя. Шкатулка явно стояла долгое время, и Леде вдруг стало страшно ее открывать. Ей почудилось, что в шкатулке окажется болотная гадюка, которая тут же на нее кинется. Однако, собрав смелость в кулак, Леда подцепила ногтями узелок на бечевке, размотала ее, и открыла крышку. Открыла, и они с Латеной синхронно ахнули от восхищения.

Внутри шкатулки, на красной бархатной подушечке, возлежал пузатый золотой медальон. Две его крышки подходили друг к другу плотно, как створки раковины. С ужасной осторожностью Леда взялась за цепочку и вытащила украшение из шкатулки. Медальон сначала закрутился, пустив вприпрыжку по комнате солнечных зайчиков, а потом замер, повернувшись к девушке самой красивой своей стороной. Чуть выпуклый рисунок изображал геральдическую лилию, тычинками которой служили крупные рубины.

— Ох, Леда, — протянула Латена тихо. — Как же я тебе завидую-то. Ты проживешь прекрасную, интересную жизнь. А я... я так и состарюсь, похороненная под стиркой, уборкой и рождением детей. Ты будешь меня вспоминать, родная, когда в замок-то уедешь?

— Буду, — сказала неловко Леда. — Если не умру через полгода после свадьбы...

— Да брось ты, брось все это, — сказала ей Латена устало и раздраженно. — Ты глянь, какую красоту он тебе прислал, Леда! Богатство какое! Теперь от тебя девки вылезать не будут — дай посмотреть, дай потрогать, дай примерить! Ну же, коза ты такая, одевай скорее!

— Может, ты все же первая примеришь? — посмотрела на нее с надеждой Леда. — Мне как-то боязно его одевать.

— Да брось, чего бояться-то, — Латена выхватила медальон у нее из рук.

Подруга обошла Леду со спины и, просунув руку под черную косу, соединила на тонкой

шее цепочку. Жертвенница ощутила непривычную тяжесть медальона, и от этого ей почему-то стало спокойнее. Золото оказалось необычно теплым, почти горячим. Леда прикоснулась к нему пальцами и на душе у нее вдруг стало светло и хорошо. Она не радовалась подарку, да и чувство это казалось каким-то чужим, исходящим вовсе не из нее, а из старинного украшения.

— А что, красиво! — Латена обошла подругу и внимательно ее оглядела. — Не с твоим, конечно, драным сарафаном. Вот бы было у тебя красивое платье! Лучше бы с кринолином, конечно, но хотя бы из бархата там, или из шелка, или из парчи.

— Парча! — вспомнила Леда.

С этими словами она кинулась к сундуку и достала с его дна заветную ткань. Латена вытаращила глаза.

— Откуда? — выдохнула она. — Неужто будешь обворовывать тех знатных дам, что у тебя обшиваются?

— Хорошего же ты обо мне мнения, — улыбнулась ей Леда, ничуть не обидевшись. — Не гони коней. Сейчас я тебе всё расскажу!

И она рассказала. И о том, как приходил к ней главный жрец, и о приезде Ретео с любовницей, и о обещании помочь. Латена только головой мотала и удивлялась, как ладно все вышло. Когда Леда закончила, подруга тяжело вздохнула и сказала:

— Знаешь, мне на самом деле уже пора идти. Дашь померить медальон-то? Эх, мужу б показаться...

— Так покажись, — предложила ей Леда, принимаясь искать замочек на цепочке. — Я не против буду. Только смотри не потеряй.

— Да ты что! — тут же обрадовалась Латена. — Вот здорово! Ну, давай я тебе помогу. С меня за это вкусный пряник!

Леда улыбнулась подруге, и та кинулась вместе с ней прощупывать цепочку. Пару минут Латена удивленно крутила украшение и так, и сяк, а потом вдруг сказала ошарашено:

— Леда, а замочек-то пропал...

В ночь перед сватовством Леда никак не могла заснуть. Невеселые думы терзали ее последние два дня. Платье из парчи — красивое, с кружевами и бусинами, с остатками бисера и простенькой вышивкой — лежало на сундуке. Рядом с ним, вытянув свое худое тело, разместилась Мурыська и, довольно щуря светящиеся в ночи глаза, пела свою кошачью песенку. В печи гудел огонь, раздуваемый резвящимся на улице ветром. За окном, насколько Леда видела, падал хлопьями снег.

Медальон не снимался. Длинные цепочки не хватало, чтобы снять его через шею, а замочек странным образом испарился. Латена восхищалась — мол, вполне возможно, что это украшение является древним подарком богов. В исчезновение замочка наивной соседке чудился тот факт, что Аластр и Леда созданы друг для друга. Леда ее мнения не разделяла. Тяжелое украшение казался ей капканом, в который она попала без какой-либо возможности выбраться.

Девушка свернулась на печи калачиком. Мысли плясали в ее голове. Она не знала, радоваться ей или переживать. С одной стороны Латена была права. Права во всем, от и до. Такой шанс выпадал далеко не каждой — стать женой графа, сделать стремительный прыжок из простолюдинок в высший свет. Она понимала — будет как сыр в масле кататься. А балы? Как она всегда мечтала о балах. Бывая в городе по делам, она частенько пыталась заглянуть в окна богатых домов, где дамы, которым она шила платья, танцевали с кавалерами под фортепьяно и скрипку, постукивая каблучками и поедая вожделенные пряники.

С другой стороны за графом Аластром водилась дурная слава. Кто-то говорил, что он алхимик, кто-то, что он — женоубийца, кто-то, что его величество поклоняется мятежному богу. Откуда шли эти слухи Леда не знала, но ими кипела даже их небольшая деревня, достаточно отдаленная от города. Слышала она и то, что отец его был деспотом, у которого ни одной недели не обходилось без казни, и что сын, пусть и не вешал людей направо и налево, пошел в отца. К тому же она понятия не имела, как он выглядит. Однако больше всего пугало Леду другое.

Она ведь его не любила. И он ее тоже.

Ей казалась странной сама мысль о том, что, возможно, через неделю-другую ей придется с этим совершенно незнакомым мужчиной не просто целоваться, а зачать ребенка. Думая об этом Леда покрывалась мурашками. А что, если обидит? А что, если скривится увидев ее тщедушное, худое от постоянного недоедания тело? А что, если посмеется? И как вообще ей на него смотреть при этом? Ведь не по ее воле все это будет, не по любви, а просто по его прихоти.

Желание графа взять ее в жены не укладывалось у нее в голове. Он ведь совсем ее не знал, даже не видел ни разу.

— Аника, давай убежим, — раздался глухой, будто доносящийся сквозь толщу воды голос.

Леда открыла глаза, которые только-только сомкнулись под тяжестью приближавшегося сна, и увидела призраков. Призраки жили почти в каждой избе и время от

времени начинали вспоминать события, что предвещали их смерть. Леда видела своих на протяжении всей своей жизни, и уже успела наизусть выучить их диалог. Если бы призраки не посещали ее изредка, она бы и не знала, как выглядели ее родители.

Но она знала. Вот отец — плечистый, красивый мужчина с носом-кнопкой и встревоженным квадратным лицом. Он сжимает кулаки, обращаясь к маленькой женщине, очень похожей на Леду. Женщина эта качает на руках нечто невидимое, еще не умершее. Леду. Только совсем крохотную, ей и года тогда еще не было. Женщина хмурится, качает головой.

— Нет, — отвечает она. — Куда мы побежим? Зима на дворе, а Леда... посмотри, какая она еще крохотная! Она замерзнет, умрет, стоит слишком долго задержаться на морозе.

— Так оставим ее соседке, она поймет! — протестовал отец. — Оставим, уйдем. Отрежешь себе косу, представишься мужчиной. Найдем... найдем домик в другой деревне, обустроим там все. Буду звать тебя братом. А потом, как перестанут искать нас жрецы, вернемся и заберем дочь.

— Ты же понимаешь, долго мы так не проживем, — покачала головой мать. — Обман раскроется, и тогда меня убьют на месте. И вас вместе с Ледой тоже — как пособников моего преступления. Нет. Не хочу я для вас такой судьбы. Лучше воспитай ее. Воспитай нашу малютку как подобает. Жениха ей найди. Такого же любящего, как ты.

— Себя послушай, Аника! — возопил отец. — Что за чушь ты несешь! Леду, как и тебя... как и тебя, Аника... она такая же как и ты... надо бежать. Надо спрятаться! Надо...

— Тшшшш, — приложила палец к губам мать, а потом, встав с лавки, уложила невидимый сверток с маленькой Ледой в невидимую же колыбель. — Тише, только укачала.

— Нам надо бежать, — еще раз твердо сказал отец. — Я не дам убить тебя.

— Знаешь, я благодарна богу — не знаю, правда, какому именно — за то, что он дал мне хотя бы несколько лет прожить с тобой, — тихо сказала мать, подходя и обнимая отца. — Не каждый мужчина может найти в себе мужество взять в жены жертвенницу. Не каждый мужчина может вынести рождение жертвенной дочери. А ты смог. Ты дал мне... дал мне хотя бы пару лет на то, чтобы пожить так, как я хочу — в любви и ласке. С тобой и маленькой дочкой. Но счастье... счастье — оно кончилось, милый.

Они замерли и прислушались. Леда знала. Ее воображение послушно дорисовало звук копыт у ворот. За матерью приехали. Отец нахмурился. Он сжал своими большими руками маленькие, хрупкие плечи матери. Потом отошел и взял из угла призрачный топор.

— Нет, не надо! — взмолилась мать.

— Без боя я не сдамся, — сказал он, выпрямив спину. — Ты — моя любимая жена. И я не дам убить тебя. Даже если для этого придется отрубить руки всем этим су...

Родители снова вздрогнули, и Леда поняла — постучали в дверь. Отец кинулся ее открывать, а мать с криком повисла на нем, отговаривая от драки. Леда закрыла глаза. Какое-то время до нее доносились странные звуки — охи, крики, ахи. Она знала, что происходит. Знала, но предпочитала об этом не думать.

Через пару минут звуки утихли. Какое-то время царила оглушающая, безобразная тишина, которая всегда сопровождала приход призраков. Они глушили совершенно все звуки, даже самые громкие.

— Аника, давай убежим.

И все повторилось заново. Разговор, благодарности, крики, разговор, благодарности, крики, разговор... Много-много раз. Конца и края не было повторениям. Призраки всегда

приходили надолго. Раз за разом они, не способные смириться с фактом своей смерти, проигрывали последние минуты жизни. Раз за разом, год за годом, они умирали десятки, сотни, тысячи раз.

Леде вдруг стало очень обидно и грустно. Ее хотели принести в жертву, души ее родителей не могли найти покой, и все из-за одного единственного бога, который ради власти поубивал всех остальных. В общем-то, Март был одним из трех существ, к которым она испытывала столь сильную неприязнь. Мелунеса, она презирала и побаивалась. Он унижал и бил ее в течение нескольких лет. Это было сложно назвать ненавистью. Скорее ей было жаль его, бессердечного и всеми презираемого. Последняя же правила миром, и ее статуэтка, накрытая кувшином, стояла на подоконнике. Леда боялась Января. Она не могла даже представить себе, сколько девушек принесли злой богине в жертву за столетия ее правления. Иногда она задумывалась — а почему именно черноволосых? Есть ли в этом какой-то особый смысл? Она спрашивала об этом жрецов — не Меланаса, а других, более вменяемых несчастных людей, которым их статус был в тягость. Но они лишь пожимали плечами.

«Лучше бы она убила Марта, — подумала Леда, вспоминая старую легенду. — Не заточила и сбросила, а убила, как он убил других богов».

Она повернулась спиной к призракам родителей и вдруг ощутила под сорочкой тепло. Исходило оно от медальона на ее шее. С удивлением девушка выудила его из-под одежды. Внутри него что-то светилось зеленым — мягко, тепло, дружелюбно. А еще пульсировало, будто между створками билось, пытаясь вырваться наружу, чье-то сердце. Отогнав странную мысль, Леда на всякий случай прислонила медальон к уху.

И тут случилось то, чего она не могла ожидать. Медальон заговорил. Точнее даже не заговорил, а прошептал всего пару слов. Он произнес их тихо, и звук этот походил на шелест ветра в траве. И слова его были:

«Не грусти».

— Ох Леда-Леда. Не думала я, что посчастливится выдать тебя замуж.

Девушка сидела на стуле у окна, а мать Латены — немолодая, но все еще красивая и стройная женщина — заплетала ей косу. Леда отчаянно клевала носом. Сон не шел к ней весь остаток ночи. Она все слушала и слушала пугливо, не скажет ли еще чего-нибудь странный медальон. Слова мерещились ей в каждом шорохе, но старинное украшение молчало. Уснула она только под утро, и ее практически сразу же разбудили гости.

В маленькой избушке собралось необычно много народа. Леда не могла припомнить, чтобы к ней когда-либо заходило более двух-трех человек, а тут заявилось сразу пятеро. Пришла деревенская староста — толстая как кадушка бабка с красным лицом и носом картошкой. С собой она прихватила свою внучку Аника, еще одну знакомку Леды. Девушка смотрела куда-то в потолок, то и дело мечтательно вздыхая:

— Вот бы и мне графа.

— Ага, разбежалась, — тут же давала ей подзатыльник деревенская староста. — Глянь, какая Ледка ухоженная, даром что жертвенница. А за ее вышивками знатные дамы аж с самой столицы съезжаются. Куда тебе, балбеске до нее!

Восседали они на лавке у печи. Рядом с ними, почесывая торчащую вперед рыжую бороду, стоял отец Латены и оглядывал скромную книжную полку, которую сам же и смастерил. Немногочисленные Ледины книжки, на которые та откладывала годами, интересовали его мало.

— Чет покосилась, — сказал он озабочено. — Мож кажется? Ледка, зачем ж так много-то на нее положила?

— Много? — фыркнула крутящаяся вокруг Леды Латена. — Ага, куда там, много! Две шпучки всего, да какая-то недокнижка... пес знает что в общем.

— А ну не ругайси, — погрозила ей пальцем мать. — А при графе так вообще молчи в тряпочку. И это, лицо сажей намажь. А то как польститься на тебя графов казначей, и будешь знать.

— Вот бы мне казначея графского, — мечтательно выдохнула Аника, за что опять получила от бабки подзатыльник.

— Даже не думай, Аниська, — грозно пророкотала староста. — Графский казначей тебя по сему поваляет да бросит брюхатую. Уж сколько было!

Леда радостно улыбалась, слушая их мирные переругивания. Ей льстило то, что эти люди собрались здесь ради нее, однако в сердце крепко угнездилось беспокойство. И с приближением заката оно только росло, все больше и больше портя настроение.

Муж и отец Латены принесли и накрыли стол — по-простому, по-деревенски — печеный картофель, хлеб, соль и вода. Застелили скатертью с красными снегирями и рябиной, которых Леда старательно вышила еще год назад. Томясь от ожидания, староста расплела косу жертвенницы и переплела ее другим манером, уложив часть волос вокруг головы. Девушку одели в платье. Конечно, парча без кринолина смотрелась не так знатно, но деревенские все равно охали и ахали, глядя на Леду.

— Принцесса, — умиленно сказала Аника. — Как из сказки.

— Смотри выше, королевишна, — возразила мать Латены. — Королевишна, не больше, не меньше!

— Да даже красивее! — хихикнула Латена. — Богиня.

— Цыц, богохульница, — погрозила ей пальцем мать. — Нече с Январь ее ставить. Королевшны вполне хватит. А тебе рано или поздно попадет от какого-нибудь ушастого жреца, егоза ты этакая.

— Интересно, а какой этот граф? — мечтательно протянула Аника. — Красивый, наверное.

— Ишь ты, размечталась, — вновь отвесила ей подзатыльник староста. — Нет в нем ничего красивого. И хорошего мало. Одно то радует, что Ледка за ним будет как за каменной стеной.

— И то верно, — тут же защebetала Латена, уводя разговор в более приятное русло. — Главное — безопасность. И пряники. Да, Леда?

Девушка натянуто улыбнулась шутке. Она то и дело поглядывала на солнце, от чего в глазах у нее плясали пятна. Вот оно легло на крышу соседнего дома и медленно начало уходить все ниже и ниже, пока не скрылось вовсе. Небо окрасилось красным, медленно подкрадывались сумерки. Все собравшиеся напряженно ждали, но ничего не происходило.

На колени к Леде вспрыгнула Мурья и ласково ткнулась носиком в подбородок хозяйки, требуя ласки. Девушка огладила ее шерстку, почесала за ухом. Кошка расслабилась, перешла с колен на подоконник и начала точить об него когти, однако настроение ее вдруг резко переменилось. Мурья вздыбила шерсть, зашипела и стремглав бросилась под лавку. Леда удивленно на нее посмотрела, а потом опасно прижалась лицом к стеклу, чтобы увидеть, что же так напугало кошку. Прижалась, и тут же сердце у нее от испуга подпрыгнуло.

На нее смотрели горячие в вечерней мгле глаза — синие, словно две сапфира. Принадлежали они черной как смоль собаке, чем-то напоминающей волка. Пес смотрел на Леду заинтересованно склонив голову на бок. Смотрел так умно, что у девушки по спине мурашки побежали. Он не вилял хвостом, не рычал, не скалился, а просто сидел спокойно, наблюдая за Ледой.

— Чей это пес? — спросила обеспокоенно жертвенница, отвернувшись от окна. — Раньше я здесь таких не видела. Да и глаза у него какие-то...

— Пес? — мать Латены прижалась лицом к окну, козырьком выставив руку. — Леда, ты не перенервничала ли? Нет тут никакого пса.

— Он здесь был, я точно видела! — сказала Леда. — Пес с синими глазами.

Она выглянула в окно, но за ним и правда уже было пусто, лишь на снегу сохранились отпечатки лап. На темнеющем небе загорались первые звезды.

— Сами боги хотят, чтобы свадьба состоялась, — сказала вдруг староста. — Видишь ли, девочка, черный пес — это, скорее всего, дух Февраля. Говорят часто его видят в тех местах, где какое-то чудо случается. Февраль ведь был добрым месяцем. Добрым и влюбленным в Январь самой чистой любовью. Стало быть, и у вас с графом все выйдет, Леда. Верь моим словам. Старые сказки не врут.

— Жаль, что богиня только одна осталась, — вздохнула Анисья. — Как интересно жили наши предки — у них был шанс в нужный месяц получить помощь от божества.

— И не говори, — вздохнула староста, обойдясь на этот раз без подзатыльника. — А еще сказывали что боги в ту пору обращались животными и ходили по свету, помогая

добрым людям и наказывая плохих.

— Я даже знаю в каких, — оживилась Леда. — В книжке вычитала. Например, Января обращалась белым медведем. Потому он и вышит на флаге столицы. Мол, король служит богине и только ей. А ноябрь обращался аистом, потому что...

Договорить она не успела. С улицы донеслось ржание коней, топот копыт, лай собак и к маленькой избушке подъехала знакомая Леде карета. Кучер натянул поводья, останавливая уставших лошадей. Дверцы кареты распахнулись, и на темную улицу выбрался какой-то здоровый, бородатый дядька.

В доме началась суета. Анисья пугливо подседа поближе к бабушке, Латена вытащила зеркальце и принялась прихорашиваться. Одна Леда припала к окну, с интересом и страхом смотря на улицу. Бородатый громила помог выбраться из кареты дряхлой, согбенной женщине и повел в сторону дома. Вслед за ней выскочил уже знакомой Леде Ретео — все в том же цилиндре и все такой же веселый, но уже без Игрид. И все.

У Леды внутри похолодело. Ретео, разумеется, графом не был, а больше мужчин не приехало. Она сощурила глаза, чтобы повнимательнее рассмотреть бородача, и поняла, что ему ни как не меньше шестидесяти.

«Бежать, — мелькнула у нее в голове предательская мысль. — Обрезать косу и бежать, мотаться по деревьям, только не замуж, только не за старика-женоубийцу!»

И тут случилось то, что чуть охладило ее пыл. Ретео обернулся и что-то крикнул — слов девушка не разобрала. В тот же миг из кареты, держась прямо и с достоинством, вышел еще один человек. Незнакомец решительно закрыл дверцу кареты, прищемив ей конец своего темного плаща. Сделал шаг вперед, дернул застрявшую ткань и чеканно пошел в сторону дома.

Ретео, старуха и бородач уже входили в дом, приветствуя собравшихся.

— Здравствуйте, здравствуйте, — пробасил добродушно бородач. — Как тут чисто. Не врал ты, Ретео, хозяйюшка. А где наша невестка?

— Здесь она! — прочиркала Латена и, сдернув Леду со стула, подвела ее к мужчине. — Вот она! Смотрите, какая красавица!

— Добро, — сказал мужчина, потирая бороду.

В нем было никак не меньше двух метров роста, и, чтобы рассмотреть его лицо, Леде пришлось запрокинуть голову. Лохматая борода торчала клоками, придавая ему какой-то неухоженный вид. Великан отчаянно не помещался в избе, низкий потолок заставлял его стоять склонив голову. Добрые белесые глаза смотрели на Леду с интересом, однако по одежде мужчина скорее напоминал дружинника, чем графа.

— Горн, а ну-ка отойди-ка в сторонку, — Ретео обошел великана и восхищенно глянул на Леду. — Сотню бешеных псов мне на голову! Если бы я не видел вас, леди, в драном сарафане, то решил бы, что вы баронесса или графиня, непонятно как очутившаяся в этой лачуге. Хотя куда уж им до вас! Вы куда красивее!

Он встал на одно колено и галантно поцеловал Леде руку, от чего та покраснела и смутилась.

— А ну отстань от девушки, охальник! — проскрипела, тут же закашлявшись старуха.

— Да-да, госпожа графиня, — тут же ретировался Ретео. — Как вам угодно. А прочих дам хоть можно поприветствовать как полагается?

— Как полагается будешь приветствовать своих пассий, а с этими давай вежливо, — проворчала старуха, и бородатый великан помог ей сесть на одну из принесенных соседями табуреток. — А то люди подумают, что ты Аластров придворный шут, а не казначей.

Старуха Леде сразу понравилась. Пусть она ворчала и кашляла, пусть руки и щеки у нее тряслись, но на губах ее сияла добрая улыбка. К тому же на ней было старомодное бардовое

платье и напудренный парик. Да и пахло от этой престарелой леди мылом и духами. Оказавшись у стола женщина прежде всего приподняла краешек скатерти, глянула на снегирей и с толикой грусти вздохнула:

— Эх, были времена, и я вышивала прекрасных птиц. Впрочем, так ровно у меня никогда не выходило.

Леда улыбнулась от удовольствия и легко поклонилась старухе. Та одобрительно кивнула и представилась:

— София, бабушка твоего будущего мужа, старая... кх... старая перечница и по совместительству графиня.

— Леда, — представилась девушка, а потом добавила. — Швея.

— Швея, значит, — раздался негромкий, но властный голос у нее из-за спины. — Ну здравствуй, швея.

Девушка повернулась и нос к носу столкнулась с последним из гостей. Она сразу поняла, что перед ней стоит граф. Он уже скинул свой теплый плащ и прислонил к стене у входа трость. На вид ему было никак не больше двадцати пяти, но на его лбу и между бровями уже пролегли сухие складочки морщин. Темные глаза смотрели на Леду из под густых бровей довольно недружелюбно. Горбатый нос делал графа чем-то похожим на ворона, длинные же черные волосы были собраны в хвост на затылке, открывая широкий лоб.

Леда поежилась. От Аластра веяло какой-то неприятной властностью и постоянным недовольством. Несколько минут она ждала, что сейчас он скажет о ней что-нибудь дурное, но граф не сказал ровным счетом ничего. Вместо этого он склонил голову в чем-то наподобие поклона. Леда поклонилась в ответ.

— Гости дорогие, присаживайтесь к столу, — сказала добродушно мать Латены. — И вы, ваша светлость граф, присаживайтесь. Деликатесов у нас, конечно, нет...

— И не нужно, — сухо перебил ее Аластр. — Горн, будь добр, сходи в карету за подарками. Мне не терпится поскорее покончить с этим.

— О как, — сказал Горн басовито. — Стало быть уже не хотите просто уйти? А то грозилась весь де...

Ретео наступил ему на ногу, неведомым образом оказавшись рядом. Великан замялся и добавил:

— Да-да, сейчас схожу. Вы только место мне за столом оставьте, чтоб я не стоял.

— Разумеется оставим, — заверил его Ретео. — Иди-иди!

Как только здоровяк ушел, гости начали рассаживаться. Все за стол не поместись. С одной стороны в серединку уселась Лада. По правую руку от нее сел отец Латены, по левую — мать. Напротив девушки, сверля ее темными глазами, уселся граф. Слева от него — его бабушка, справа оставили стул для Горна. Остальные расположились на лавке. Ретео развлекал Латену и Анику какими-то шуточками, деревенская староста хмурилась. Вернулся Горн, сшибив с конька пару сосулк своей головой. Сбросил овечью шубу на сундук, закрыл поплотнее дверь и передал Аластру большую плетеную корзину. Тот поставил ее к себе на колени и сказал матери Латены.

— Что ж, начинайте. Очень уж мне интересно послушать, на ком я собираюсь жениться.

— Цыц, — сказала ему старуха. — Язык прикуси и молчи, сынок. Третий раз уже, а все на одни и те же грабли наступаешь. Начинайте сватовство, матушка. Мы ждем.

Соседка запалила тонкую, длинную свечу, воткнув ее в ломоть хлеба. Перед графом поставили рюмку с водой. Леда знала — в эту воду насыпали по традиции соли. Считалось, что еще до свадьбы жених должен добровольно отведать «слез невесты», чтобы понять, как они горьки и не заставлять ее плакать. Ритуал же сватовства состоял в том, жених должен был покупать у невесты ответы на вопросы о ее прошлом. Причем и жених, и невеста молчали. Говорили за них представители — обычно родители, но если их не было, то просто самые близкие люди. Все это продолжалось до тех пор, пока длинная свеча не прогорит. Если до того, как она потухнет, жених выпивал крепко соленую воду, считалось, что свадьба состоится.

«Наверняка не выпьет, — подумалось Леде, у которой мурашки ползли от хмурого взгляда графа. — Я точно ему не нравлюсь».

— Итак, приступим, — сказала старая графиня и, сунув руку в корзину, выудила из нее нитку малахитовых бус. — Вопрос первый — кто были родители нашей красавицы-невесты?

С этими словами она пододвинула бусы к Леде. Девушка напряглась. Она и не думала, что подарки будут настолько дорогими. Она бы охотно и за ленточку для косы ответила на такой простой вопрос. Нерешительно, испуганно она взяла в руки бусы и кивнула соседке. Та откашлялась в кулак как заповская сказительница, и объяснила:

— Мать Леды родилась в соседней деревне. Она была жертвеницей, как и ее дочь, и точно так же сиротой. Отец же появился на свет в нашей деревне от местной травницы да кузнеца, которого потом казнили за какую-то мелкую провинность. То ли коня он господам неправильно подковал, то ли от сделанного им канделябра дом у кого загорелся — не вспомню уж. В общем отец Леды хорошим человеком был, да только больно своенравным. Женился на жертвенице всем назло, любил ее страшно.

В глазах Аластра блеснул интерес. Заметив это соседка замолчала, улыбаясь. Леда не сразу поняла, что хитрая мать Латены скорее всего хочет выцыганить у графа побольше подарков. Тем временем настала очередь Горна задавать свой вопрос. Он достал из корзины костяной гребень с резьбой и, пододвинув его к Леде, спросил:

— Нам ясно, как умерла ее мать, тут ошибиться сложно. Но как погиб ее отец?

Леда закусил губу. С одной стороны она понимала — ответ их не обрадует. С другой гребень лежал такой красивый, такой хороший, такой ладный. Всем гребням гребень. Она знала — даже если Аластр откажется брать ее в жены, он не вправе вернуть себе подарки. Это была даже не жадность, а скорее желание обладать хоть чем-то красивым. Тем, о чем она всегда мечтала. Пусть какой-нибудь год, а то и месяц до принесения в жертву, но обладать. Осторожно она приняла гребень и, нерешительно прижав его к груди, кивнула.

— Батьку ее убили, — ответил отец Латены. — Пытался не дать жену свою в жертву принести. Вот у этого самого дома и товоть... ужокошили. Кровищи было — море. До сих пор на крыльце кровь в доски вьелась.

Аластр быстро перекинулся странным взглядом с Ретео, а потом повернулся к старой графине и толкнул ее под бок — задавай, мол, следующий вопрос. Она лукаво улыбнулась и, покашляв в платок, сказала:

— Знаю, знаю, любимый мой внук, какой вопрос ты хочешь задать. Хорошо. Спрошу. Не буду над тобой хулиганить.

И она достала из корзины зеркальце. В свете свечи драгоценные камни сверкнули всеми цветами радуги, и Леда открыла рот от изумления. Она видела такое лишь однажды у баронессы, приехавшей к ней из столицы за платьем. Дома у Леды зеркала не было вовсе, да и иметь она его не хотела, но то зеркало тогда крепко запало ей в душу. Девушке подумалось, что в таком даже ее черная жертвенная коса не покажется безобразной. И вот теперь перед ней лежало такое же, только еще краше. Леде и в руки-то его брать было страшно — вдруг разобьет или поцарапает такую красоту. Она уже хотела замотать головой, но соседка положила ей ладонь на плече и шепнула на ухо:

— Бери, дуреха, пока дают. Знаю, какая ты скромная, но хоть раз-то душеньку свою потешь. В случае чего продашь потом, коль голодный год придет.

Сглотнув, Леда кивнула и приняла зеркальце. Посмотревшись в него, Леда увидела свое лицо — впервые, пожалуй, за несколько лет. Большие, обрамленные темными ресничками глаза, пухлые губы, круглое личико и носик кнопкой показались ей какими-то чужими, незнакомыми. Видела она себя в последнее время лишь в отражении воды, а там лицо казалось страшным, пустым, мертвым. Теперь же она видела — она жива. Глаза у нее блестели, на щеках горел румянец, а на красивом лице не нашлось ни единой оспинки, ни единого прыщика. С интересом она глянула на пристально следящую за ней Латену и та показалась ей не такой уж и красивой. Они были хороши одинаково, но каждая по-своему.

— Итак, вопрос, — напомнила отвлекшейся Леде старая графиня. — Не был ли ее отцом тот самый известный мужчина, что зарубил топором трех жрецов Января, и знатно покалечил еще двоих? Прошу вас, милая невеста, кивните или покачайте головой сами. Не след узнавать о таких вещах от ваших знакомых.

Леда помедлила, а потом кивнула. Скрывать не было совершенно никакого смысла — они бы все равно докопались до истины. Подняли бы записи, или спросили Мелунаса. Старый жрец прекрасно знал о похождениях ее отца. За это-то он ее и ненавидел, часто поговаривая, что «от осинки не родятся апельсинки».

После ее кивка глаза Аластра очень нехорошо загорелись. Леда никак не могла понять, что же такое в них плещется — злоба, заинтересованность, азарт? Что-то, чего она не знала, не умела чувствовать, таилось в его душе. И ей совершенно не хотелось знать, что это такое.

Тем временем свеча прогорела наполовину, и настала очередь Горна спрашивать. Он вынул из корзины следующий подарок — веер с кисточкой на ручке. Леде стало смешно. Она не видела надобности в веере, ведь у нее, в отличие от некоторых знатных дам, все зубы были целыми. Еле сдержавшись от улыбки, она посмотрела на Горна, глазами выпрашивая вопрос.

— Я так понимаю, — сказал он, — что ты, красавица, была совсем крохотной, когда осталась без родителей. Как же так вышло, что ты от голода не померла?

Леда приняла веер, открыла его и махнула интереса ради. Он оказался расшит бисером в виде хвоста заморской птицы павлин, о которой она слышала из сказок. Ручка же являлась телом и головой, изогнувшейся книзу и смотрящей не Леду глазом-изумрудом.

«Богат же Граф, — подумалось ей. — Такие подарки какой-то простолюдинке дарит. А вдруг я ему не понравлюсь? И что тогда? Только деньги на ветер выкинет».

— Что ж, мы подсобили, — сказал сосед. — И кормили ее, и одежду кое-какую старую, Латенкину отдавали. Дочка-то наша быстро росла, высоченная она у нас. А Ледочка

маленькая да низенькая, вот и донашивала. Жила она первые года-то с бабкой своей, старой травницей. Но как Леде семь лет стукнуло травница померла. Мы хотели, стало быть, забрать девочку нашу, лебедушку, к себе, да она запротивилась. Такая была балда самостоятельная. Сама и за курыми, и за козой бодливой ухаживала, и дома мела, и хлеб выучилась печь. Ну мы повоевали с ней немного, пару раз попытались у себя запереть, да тщетно — сбегала постоянно. Вот и живет с тех пор одна, самостоятельно. Со всеми на покос ходит, на огороде сама пашет, от усталости валится — а помощь не принимает. И при том, вишь в какую девку знатную вымахала!

Опустив глаза в пол, Леда зарделась. Она никогда не могла без смущенной улыбки слушать, как ее хвалят. Впрочем, кроме подружек да соседей хвалили ее редко. Знатные дамы обычно принимали ее талант к шитью да вышивке как данность, и отвечали на него чаще честной холодной монетой, нежели похвалой. Впрочем, это Леду вполне устраивало. Ей нравился сам тот факт, что они придут на бал, и там их платья будут нахваливать подружки.

— Ишь ты, борец, — сказала с доброй улыбкой старая графиня. — Совсем как наш Аластр.

Леда осторожно подняла на графа глаза и увидела, что он снова недовольно хмурится. Это показалось ей странным. Тем временем старая графиня достала из корзины еще один подарок. У девушки сердце екнуло. Пряники. Да не один, а целая перевязанная лентой картонка, на которой умелой рукой художника был нарисован золотой петушок.

— А где же наша невеста так знатно научилась вышивать и шить? — спросила графиня, пододвигая девушке заветное лакомство. — Да ты открой, девочка, не стесняйся. Вижу же, какими голодными глазами ты смотришь. Не бойся. Никто тебя не обидит.

Со всей возможной благодарностью Леда ей улыбнулась. Свеча почти догорела, и соседка затараторила побыстрее, чтобы успеть рассказать:

— Четыре года назад в нашу деревню приехала старая швея, и потянулась к ней кавалькада городских модниц. У нее обшивался весь город, она славилась как лучшая из тамошних мастериц, потому наши ее даже в деревне. Она уже совсем старая была, приехала умирать в родную деревню. Все смеялась, что ее клиенты найдут и на том свете. Люди к ней ехали, только вот шить она уже не могла — руки тряслись. Потому попросила дать ей учениц. Вот этих трех милых девушек — Леду, Латену и Анику, мы к ней и отправили. Анику она выгнала, сказав, что та безрукая, Латена сама ходить не стала — ей по дому помогать надо было. А Леда прижилась и все-все мастерство у нее переняла. А когда старая швея умерла, то она за нее осталась. И шьет она не хуже, а порой даже лучше старой швеи. Вот, платье что на ней, к примеру, она сама сшила. И платье что на дочери нашей, Латене, тоже ее работа. А еще она читать и писать умеет, вишь сколько книжек на полке...

Граф прервал похвалы соседки, властно ударив по столу рукой. Глаза его метали молнии, но в краешках губ Леда видела слабый отблеск улыбки. Он встал и внутри у девушки все оборвалось. Огонь, чихая, тонул в лужице воска.

«Ну все, Мелунас отправит меня к Январю, — подумала обреченно Леда. — И не будет никакого долго и счастливо».

Лежащие пред ней подарки вдруг показались ей совершенно ненужными, бесполезными. Она решила — вот уедет граф, и она тут же отдаст их Латене с Аникой. Им они нужнее будут чем ей на том свете. Древний медальон на шее девушки вдруг снова, как прошлой ночью, нагрелся и тускло засветился в полумраке. Чтобы скрыть это, девушка в

панике зажала его между ладонями. Теплое золото пульсировало в ее руках, будто пыталось поддержать.

Леда закрыла глаза чтобы не видеть, как погаснет свеча. Закрыла плотно-плотно, так, что круги заплясали под закрытыми веками. Ей показалось, что если она их не откроет, то и не умрет никогда.

— Мне не нужна швея, — сказал граф властно. — Мне все равно, умеет ли она шить, вышивать, вязать, читать, писать или говорить. Мне нужна красивая женщина, которая родит мне здорового ребенка, и хорошо бы сына. Заруби себе это на носу, швея. Свадьба будет в последний день Января. Пошлите, нам еще готовится.

Удивленно открыв глаза, Леда увидела перед собой пустую рюмку и силуэт графа — высокого, злого, жесткого человека, женой которого ей предстоит стать. Свеча погасла и в комнате царила темнота, лишь луна заглядывала в покрытое узорами зимы окно.

— Какая же красота-то, — вздохнула Латена, смотрясь в подаренное графом зеркало. — Не думала я, что когда-нибудь буду держать такую красоту в руках. Нет, Ледка, все же ты везучая!

— Еще какая, — печально сказала Леда, лениво жуя пряник из растерзанной картонки. — Везучее меня только покойники.

— Да брось ты кукситься! — надула губки Латена. — Брось! Будешь расхаживать в красивом платье по замку и делать вот так:

Она открыла веер, и, спрятав за ним свое лицо, похлопала своими длинными светлыми ресницами. Леда слабо улыбнулась и покачала головой.

— На самом деле я уже смирилась со всем этим, — сказала она. — Хотя радостного все равно мало.

— Ох, какие мы привередливые, — фыркнула Латена. — Ей и графа, и украшения, и пряники, и спасение от смерти, а она все чем-то недовольна!

— Ну ты сама подумай, — вздохнула Леда. — С одной стороны кто его знает, этого Мелунаса. Вот предположим, что у него прохудилась на старости лет память. Или, вдруг, на него напали и власть бы над нашим храмом перешла к жрецу поспокойнее. Наше графство приносит жертву раз в год, в конце января. Так?

— Так, — кивнула Латена. — И что это меняет?

— А то, что у меня бы, может, было еще два года свободной жизни здесь, с вами, — сказала Леда. — Лишь бы не принесли в жертву. Но тут выбора было бы два, и оба — смерть. Либо смерть в этом же месяце — если Мелунас все же затаил обиду, либо смерть через год-два, в случае, если забыл. Правильно я говорю?

— Ну правильно, — фыркнула Латена. — Только не говори, что ты предпочла бы этот вариант...

— Так ты до конца-то дослушай, — нахмурилась Леда. — Так вот, а если я иду замуж за графа...

— Да кто тебя, дуру, спросит-то! — нахмурилась Латена. — Идешь конечно!

— Не перебивай, — пожурила ее Леда. — Так вот, если иду замуж, то шанс выжить есть. Маленький, но есть. Посуди сама. Граф может оказаться злодеем и убить меня, как и двух своих прошлых жен...

— Умерла же при родах, Леда! — запротестовала Латена.

— Да дослушай ты, кому говорю, — вышла из себя жертвенница. — Это я... в общем, готовлюсь на всякий случай к худшему. Так вот, если он оказывается злодеем, то я проживу полгода в роскоши и умру. А если нет, то, вполне возможно доживу до старости и все у меня будет хорошо. Так что я, в общем-то, перестала так сильно трястись по этому поводу. Ну и что, что не любит. Может еще полюбит. И я его... возможно... тоже...

— И чтобы дойти до этой простой истины тебе понадобилось так много времени? — тяжело вздохнула Латена. — Хотя такой ты мне нравишься гораздо больше. А то от твоего воя вся деревня всполошилась — думали, что к тебе в избу волчица залезла, съела тебя и теперь на радостях надрывается!

Леда покраснела. Она и правда проплакала весь первый день после сватовства, но уже на следующий собралась с духом и бросила раскисать. Теперь, спустя три дня, этот приступ слабости казался ей большой, детской глупостью. Не зная, куда деть глаза, она взяла из помявшейся картонки последний пряник и принялась жевать его.

— Смотри, растолстеешь и в сани свадебные не поместишься, — подтрунила над ней Латена. — Удивляюсь, как у тебя терпения хватило не съесть их в первый же день.

Слабо улыбнувшись, Леда собрала пальцем крошки со дна коробки и слизнула их. От сладкого у нее заметно поднялось настроение. Однако длилось чувство эйфории не долго. Она уже хотела по-дружески попросить Латену расчесать ей волосы новым гребнем, как с улицы послышался топот копыт. Леда озабоченно выглянула в окно и ее буквально парализовало от страха.

— Кто там пожаловал к будущей графине? — спросила подруга со смешком. — Никак от жениха еще с каким-нибудь подарком. Ну, чего окаменела?

— Латена, мне конец, — выдохнула Леда.

Подруга удивленно поднялась, оставив веер на сундуке, и подошла к жертвеннице. Выглянув в окно, она так же замерла. У дома стоял темно-синий дилижанс храма, и из него уже вылезал, грязно ругаясь, Мелунас.

Часть 1. Жертвенница. Глава 9

Леда не могла поверить своим глазам. Мелунас, которого поддерживали двое высоких мужчин в шубах поверх синих одежд, ступил на землю своими корявыми ногами и покостылял в сторону ее дома. Девушка испуганно заметалась, и Латена тут же взяла дело в свои руки. Она схватила Леду за плечи и, посмотрев ей в глаза, сказала:

— Успокойся. До жертвоприношения еще почти пять дней, они не могут забрать тебя. Скорее всего старый хрыч приехал, чтобы сказать что-нибудь по поводу твоей свадьбы. Успокойся и иди открывать дверь.

— Латена, а вдруг нет, — у Леды сердце заходило от дурного предчувствия. — Вдруг у графа что-то не получилось? Вдруг...

— А ну прекрати это! — чуть ли не крикнула на нее подруга. — С тобой последние годы совершенно невозможно разговаривать! Ты ведь такая была молодец, такая сильная, такая веселая девушка. Но потом будто себя похоронила. Хватит. Я все понимаю, ты боишься...

В дверь постучали, но Латена не остановилась, только запнулась:

— ...ты боишься смерти. Однако ты уже вырвалась, Леда. Ты вырвалась из этого капкана. Так что пожалуйста, я тебя умялю, стань прежней веселой и...

В дверь постучали так, что она задрожала. Леда набрала в грудь воздуха и выпалила:

— Прости, Латена, но ты не понимаешь, о чем говоришь. Тебе-то не назначили дату твоей смерти. Тебя-то никто не заставлял гордиться тем, что ты умрешь на холодном камне. Все, Латена. Отстань. Открыть надо, иначе они сейчас дверь выламывать начнут.

И она, сбросив с себя руки подруги, трясась от страха кинулась открывать дверь. Горбун улыбался как шакал, нашедший умирающую, никому не нужную косулю. От его взгляда ли, или от холода, по спине Леды побежали мурашки. Каких-то пару секунд они смотрели друг другу в глаза, а потом жрец протянул сладко:

— Ну что ж, дорогая моя девочка. Собирайся, милая. От верховного жреца пришло разрешение провести твою церемонию дарения вне очереди, дитя мое. Рада ли ты?

Леда чуть не упала без чувств. От верховного жреца. Это звучало как приговор. С человеком столь высокого ранга мог поспорить король или герцог, но никак не граф. Леда знала, что Мелунас ее ненавидит из-за отца, но никогда не думала, что настолько. За ее спиной тихо ахнула Латена. Сама же жертвенница ничего не сказала. Ее вдруг охватила злоба. Внутри стало горячо а сердце грохотало так громко, будто их у Леды было два и они решили сыграть напоследок военный марш. Захотелось тут же захлопнуть дверь, ударив ей жреца. Потом, может, схватить побрякушки и, накинув полушубок, дунуть прямым в лес. Запутать следы, заплутать, выйти, может, к какой-нибудь деревне. Потом в город. Обрезать косу, продать ценности, купить себе домик где-нибудь у границы королевства и жить под мужской личиной.

В чувства ее привело осознание того, что на груди буквально вибрирует нагретый старинный медальон. Волна гнева и паники схлынула, и она сжала украшение руками. Мелунас все так же улыбался, за спиной у него стояли два длинных крепких жреца. Нет, не удастся ей бежать. Не получится. Не сможет.

«Беги...» — прошептал медальон.

И она, собрав в кулак все свое мужество, со всей силы хлопнула дверью. От этого удара на жрецов обрушился с крыши снег. Пока они мешкали, Леда цапнула с сундука веер, сунула ноги в валенки, схватила полушубок и, открыв дверь, понеслась к дороге. Жрецы оклемались на удивление быстро и пустились вдогонку. В голове у Леды билась лишь одна мысль:

«Почему так рано? Почему за пять дней до жертвы? Почему?»

Не успела она и пяти метров по дороге в сторону леса пробежать, как удача отвернулась от нее. Оскользнувшись, она растянулась на льду, стукнувшись об него лбом. Перед глазами от боли заплясали круги, она прикусила язык. Один из жрецов схватил ее, заломил руки за спину и принялся поднимать, но ноги Леду не слушались.

Девушке казалось, что в момент падения она умерла. Как безвольная кукла она поднялась, встала, сдула прилипшую ко лбу челку и тут до нее донесся цокот копыт. Из оврага вынырнул всадник на серой в яблоках лошади. Несся он галопом, гикая и ударяя животное пятками. Когда он подъехал ближе она рассмотрела знакомый плащ и неизвестно как удержавшийся на его голове цилиндр, из под которого выбивались темные барашки волос.

Ретео на полном скаку натянул поводья, и лошадь с ржанием встала на дыбы. Копыта ее чуть не задели держащего Леду жреца, и тот стремительно отскочил в сторону. За ним последовал и другой, только-только собиравшийся помочь товарищу. А вот Мелунас, все так же злобно улыбаясь, приблизился. Вид у него был как у заполучившего свою добычу зверя, готового вгрызться в ее плоть в любой момент.

— Ишь ты, прискакал, герой, — буквально выплюнул горбун. — Чего прискакал, скачи обратно! Я уже говорил графу, что...

— Подождите, уважаемый, — спрыгнув с лошади, Ретал подошел к Леде. — Буквально пара мгновений, и мы поговорим.

Казначей ласково погладил девушку по растрепавшимся волосам и нахлобучил на ее голову свой цилиндр. Наклонившись, он подобрал шубейку и заставил Леду одеться. Она посмотрела на него с благодарностью, и мужчина тут же обнял ее за плечи, прижав к себе сбоку, будто защищая. От Ретео страшно пахло потом, в том числе конским, и даже сладковатые духи не могли перебить этого запаха. Леда вдруг поняла, что духи откровенно женские, и это заставило ее слабо улыбнуться. Видимо Ретео вырвался по делам прямо из объятий Игрид.

— Итак, — сказал казначей, не переставая доброжелательно улыбаться. — И что же здесь такое происходит?

— А исполнение воли верховного жреца здесь происходит, — сказал Мелунас гневно. — Кто вам дал разрешение мешать нам?

— Не поверите, но нашелся такой человек, — громко сказал Ретео. — Даже два.

Казначей слезал рукой в карман и достал оттуда два конверта, запечатанных сургучовыми печатями. И тут Леда в глазах Мелунаса увидела уже даже не злобу, а что-то наподобие гнева вперемешку с ужасом. Ретео же поклонился и продолжал:

— Эти замечательные господа знали, что храмовые посыльные работают из рук вон плохо и отправили письма господину моему, графу Аластру, своими силами. Не хотите ли ознакомиться? Или мне самому зачитать?

Трясущимися от гнева руками Мелунас взял письма. Медленно он открыл одно, пробежал глазами. Потом открыл и прочел второе. Лицо его посерело и он, кинув оба

письма наземь, плюнул на них и принялся топтать. Пару минут он бесновался, потом ожег глазами побледневшую Леда и, развернувшись, поспешил к дилижансу. За него подошел другой жрец. Он поклонился и сказал высоким, церемониальным голосом:

— Простите нас за это недоразумение, господин. Неделю назад нам пришло письмо от верховного жреца, от отца нашего. Он велел нам забрать из дома жертвенницу и, продержав ее пять дней взаперти под храмом, в последний день января провести по всем правилам ритуал дарения. Мы очень сожалеем, что доставили вам и господину Аластру столько хлопот. Примите наши искренние извинения.

— Да все отлично, всякое бывает, — добродушно сказал Ретео. — Вы, главное, важные письма больше не жгите в камине. А то мало ли, можете вдруг нарушить какую-нибудь волю тех, кто выше вас по статусу, и оказаться в петле.

Жрец побледнел, кивнул и ушел, низко кланяясь. Пока они грузились в дилижанс, Ретео облегченно вздохнул и отпустил наконец боящуюся шевельнуться Леда.

— Ну и проблем же с тобой, а, — со смешком сказал он. — Но не переживай. Мы на твоей стороне, красавица. Не всем нравится то, что графиней станет жертвенница, так что терпи и постарайся, когда выйдешь замуж, не отходить от Аластра. У нашего графа много влиятельных друзей, вслучае чего они придут нам на выручку. Иди домой. Я заходить не буду. Давай, а то дрожишь уже вся.

Леда отдала Ретео его цилиндр и на негнущихся ногах сделала пару шагов в сторону дом. Щелкнул кнутом возница, и синий дилижанс лениво двинулся в сторону города. Лошадь Ретео фыркнула, отвечая на ржание храмовой упряжки. Девушка обернулась и увидела, как казначей поднимает растоптанные письма. Она недоуменно подняла брови.

— Отправлю тем, кто их послал, — усмехнулся Ретео. — Пусть посмотрят, как Мелунас относится к их приказам. Мы с Аластром давно уже пытаемся отправить его в отставку и поставить более вменяемого человека. Теперь, вот, благодаря тебе, есть повод.

Нерешительно улыбнувшись, Леда выдохнула:

— Спасибо.

А потом, развернувшись, поковыляла в сторону своего дома, где ее уже ждала до пределов взвинченная Латена и забившаяся под лавку шипящая Мурыська.

Всю ночь перед свадьбой Леда не могла сомкнуть глаз. Она ворочалась с бока на бок, но никак не могла успокоиться. Когда она забывалась прерывистым, тяжелым сном ей снились всякие гадости. То возвращался дилижанс со жрецами, то Аластр отказывался на ней жениться прямо в храме, то ее начинал варить в котле с кипящим маслом Мелунас. В конце концов, едва дождавшись рассвета, она соскочила с печи и принялась кругами ходить по комнате.

На самом деле ее беспокоило не только то, что она выходила вот так внезапно замуж за почти незнакомого мужчину. Два дня назад граф прислал ей белоснежное платье и нитки, чтобы его ушить. Леда ушила, даже успела вышить немного традиционных свадебных узоров по низу юбки. Однако под платье полагался кринолин, которого у девушки в жизни не было, да и быть не могло. Не имелось у девушки и приличной сорочки, которую она не постыдилась бы надеть под такую красоту. О своих старых, застиранных панталонах Леда вообще старалась не задумываться.

Проблема, однако, решила сама собой. Стоило солнышку выкатиться на голубое, холодное небо, как в дверь постучали. Леда как раз ждала своих подруг и тут же открыла, даже не выглянув окно. Она очень удивилась, когда на пороге обнаружили две незнакомки в добротных полушубках. Одна из них держала кринолин, вторая прижимала к себе здоровенную сумку.

Увидев ее, незнакомки учтиво поклонились и старшая представилась:

— Здравствуйте, госпожа. Меня зовут Лида, а это — Бэка. Граф Аластр прислал нас к вам.

— Что ж, проходите, — сказала удивленно Леда.

Она отошла в сторону, и служанки проскользнули в дом. Они скинули свои дешевые кожаные сапожки, возложили на лавку полушубки и повернулись к Леде. Старшей было уже к тридцати — вроде не девица, но и женщиной не назовешь. Волосы Лилы были заплетены в тугую рыжую косу, доходящую ей до поясницы, щеки покрывали оспинки от прыщей, а на кончике носа красовалась темная родинка. Второй нельзя было дать и пятнадцати — совсем еще девчонка. Она была такая же рыжая и на удивление прыщавая. Обе одеты в одинаковые черные платья и белые накрахмаленные фартуки. Леда предположила, что они — кровные сестры. Девушки же почти одновременно ей улыбнулись, одинаково продемонстрировали красные десны.

— Рады познакомиться с вами, госпожа, — сказала Лида. — Граф Аластр назначил нас вашими служанками. Мы будем помогать вам сегодня готовиться к свадьбе.

Очень непривычным показалось Леде ее обращение.

«А ведь я теперь и правда госпожа, — подумалось ей. — И леди».

— Я тоже рада с вами познакомиться, — неуверенно ответила Леда. — Что ж... и... как вы будете меня... готовить?

Служанки переглянулись и снова заулыбались.

— Что ж, давайте-ка сначала вас причешем, — сказала Лида. — Вы в баню вчера ходили?

— От вас так приятно пахнет, — сказала Бэッカ по-детски просто. — Я думала, что от деревенских девушек плохо пахнет.

— А ну молчи, мелюзга, — поругала ее Ли́ла. — Деревенские почистоплотнее нас будут, — а потом, обратившись к Леде, вежливо попросила. — Садитесь, госпожа, на стул. Сейчас я мигнов вас расчешу и переплету.

Леда на это только пожалала плечами и покорно села. Ли́ла споро расплела ее черные волосы. Очень странным Леде казалось происходящее. Раньше ее изредка расчесывала Латена или ее мать, но кроме них жертвенница никого к своим волосам не допускала. Тем более никому и никогда не позволяла помогать себе одеваться, считая это верхом несамостоятельности.

Служанки молчали. Тишина начинала давить на Леду, и она решила, воспользовавшись случаем, завязать разговор:

— А вы давно у графа работаете?

— Мы-то? — хмыкнула Ли́ла. — Да всего-то две недели. Он нас специально для вас нанял. Раньше мы старой вдове служили, но она как раз на днях преставилась, ведьма старая.

Бэッカ хихикнула, а Ли́ла погрозила ей кулаком.

— Ясно, — расстроилась Леда. — А... что о графе сказать можете?

— А что о нем скажешь, — вздохнула Ли́ла, — граф как граф. Властный, но вроде справедливый. Поначалу думали — все, выкинет нас с Беккой ко псам, отправит дальше работу искать. Хмурый ходил как туча. Ан нет, оставил.

Вопросы у Леды иссякли. Она вздохнула, посмотрела с тоскою в окно — не идут ли подружки. С ними то все было бы повеселее, чем с этими горничными. Однако Ли́ла вдруг, понизив голос, сказала:

— Знаю я, о чем вы спросить меня хотите, госпожа. Знаю, да ответов на ваши вопросы у меня нет. Мы с Беккой, честно говоря, тоже всех спрашивали — а как прочие жены графа померли. Да только вот в замке из старых слуг один кобель Ретео, начальник стражи Горн да старая портниха. Остальные — все как на подбор не больше полугода работают. Как умерла последняя-то жена, он, видать, всю прислугу сменил. Так что не знаю ничего, не спрашивайте даже. У Ретео, вон, выведайте. Он вроде к вашей персоне благосклонно относится. Впрочем, он благосклонен ко всему женскому полу вне зависимости от возраста и положения в обществе.

Леда хотела еще что-то спросить, да тут в дверь постучали. Бэッカ поднялась с лавки, где до этого сидела, и вежливо спросила.

— Госпожа, мне открыть?

— Да-да, это подруги мои пришли, — сказала Леда. — Открой, пожалуйста.

— Хорошо, госпожа, — зарделась Бэッカ и ринулась к двери.

— Давайте-ка вы без пожалуйста, — тихо сказала ей Ли́ла. — Нам очень приятно, да люди вас не поймут. Вы же сегодня графиней станете. К тому же за то, что мы ваши поручения выполняем, нам неплохо платят. Так что приказывайте не стесняясь. Хорошо?

— Хо... хорошо, — запнулась Леда.

Латена, стоило ей войти в избушку, тут же принялась восхищаться прической Леды, Аника мечтательно закатила свое «вот бы и мне служанку». Сами горничные хихикали и перешучивались с подругами Леды. Жертвеннице же казалось, что о ее существовании вообще забыли. В четыре пары рук ее кормили, поили, причесывали, одевали, обували, заплетали и украшали. Шпильки с атласными цветами в прическу, тяжелый криолин,

белоснежные панталоны с кружевами и сорочка, довольно простое свадебное платье светлее снега — все за какие-то пару часов оказалось на ней. Ее опрыскали сладко пахнущими духами, и Леда опознала в них запах, исходивший пару дней назад от Ретео. Видимо, Игрид пользовалась такими же, и от этого девушке стало смешно.

Леде припудрили лицо, подвели специальной краской губы, затенили угольком веки. И вот, когда все приготовления были закончены, ее поставили в центре комнаты и принялись охать и ахать, какая же она красивая. Самой же Леде казалось, что ее будто бы и нет в комнате. Латена есть, Аника есть, сестры горничные тоже есть, даже кошка есть. А она где-то далеко, не с ними, не здесь и не сейчас. Потому, когда к дому подъехала карета, она даже не побежала вместе со всеми к окну, а лишь отрешенно повернулась в сторону двери. Та вскоре открылась и в избушку, которую она покидала навсегда, вошел граф Аластр, ее жених.

Граф выглядел уставшим. Теперь он казался Леде еще более некрасивым, чем на сватовстве. Тени, царившие на обряде, придавали ему таинственности и во многом скрасили его на самом деле непримечательную внешность. Толстые темные волосы все так же перетягивала на затылке синяя лента, обнажая широкий лоб. Черный фрак сидел идеально, как и практически белые брюки, края которых прятались в сапогах до колена. Карие глаза смотрели сердито, сухие губы потрескались а горбинка на носу в дневном свете казалась совсем уж некрасивой.

Служанки и подружки Леды почтительно застыли. Граф вскользь глянул на свою невесту.

— Добро, хорошо постарались, — сказал он ворчливо. — Только обули ее зачем? Идите, вас ждут сани. Не побежите же вы за свадебным поездом. А ты разувайся.

Девушки подобрали юбки, похватали шубки и полушубки, и ушли. Оставшись наедине с графом, Леда растерялась. Она понимала — надо разуваться, их ждут — но не могла пошевелиться. Граф хмурился и ждал. Спасла положение Мурсыска. Кошка прошла вальяжно к графу и принялась тереться об его сапоги. В глазах жениха мелькнуло удивление. Он наклонился и почесал кошку за ухом. Потом снова выпрямился и снова нахмурился:

— Твоя? — спросил он строго.

— Моя, господин, — сказала Леда а потом, решившись, спросила осторожно. — Можно ли мне...

— Можно, — перебил граф, очень осторожно отогнав от себя кошку носком сапога. — У нас в замке много кошек. Одной больше, одной меньше. Пошлешь сама за ней служанок завтра. Разувайся. Долго мне еще ждать?

Леда счастливо улыбнулась, сняла с ног туфельки и подошла к графу. Тот вздохнул, распахнул дверь и одним рывком поднял Леду на руки. Это был еще один свадебный обычай. В сани жених всегда нес невесту на руках, показывая, что готов содержать ее теперь всю жизнь. В памяти Леды всплыл случай, произошедший на свадьбе Латены. Муженек той умудрился упасть и расквасить себе нос. Девушки потом долго смеялись, что так все и будет — надорвется нести он ее, с Латенкиным-то характером. Но Аластр, не в пример оболтусу подруги, нес Леду медленно, важно и легко. Пройдя пол пути он вдруг сощурил глаза и в уголках губ его мелькнуло нечто наподобие улыбки. Он крутанул девушку вокруг себя, от чего у нее захватило дух. Она втянула голову в плечи и даже не пикнула.

— Ишь ты, послушная какая, — шепнул он, снова хмурясь. — И эта девочка удирала от жрецов сверкая пятками? Врал наверное Ретео.

В его голосе прозвучала насмешка, от которой Леда покраснела. Граф тем временем донес ее до саней. Усадил, укутал в шкуры. По традиции — особенно это касалось баронов, графов и герцогов — в кареты укладывали охотничьи трофеи. Считалось, что чем больше шкур, тем теплее будут отношения в семье. Судя по тому, что Леда буквально утонула в лисьих, песцовых, волчьих и даже медвежьих шкурах — брак обещал быть ну очень теплым. Только вот девушка в приметы не верила. Зато погладить лисью шкуру оказалось очень приятно.

Граф тем временем ушел в свои сани — везти их должны были отдельно. Кучер — старик в драной шубейке и шапке-ушанке — оглянулся на Леду. Он дружелюбно ей улыбнулся и, отвернувшись, щелкнул кнутом. Целых шесть гнедых лошадок рысью двинулись вперед, прочь их деревни. Колокольчики, которыми пестрили и сани, и упряжь, весело зазвенели. Чем быстрее они ехали, тем сильнее ветер обвевал лицо. От этого настроение Леды улучшилось. Ей даже захотелось крикнуть, чтобы возница перешел на галоп, но она не решилась.

На санях девушка каталась впервые. Снежная пустыня полей окружила свадебный поезд, и лишь еле различимая по конским следам дорога не давала сбиться с пути. Позади и впереди ржали лошади, звенели бубенцы, гудел ветер и пели люди. Леда оглянулась, и долго наблюдала, как становятся меньше дома ее родной деревни. Ей вдруг показалось, что вместе с ними удаляются и ее проблемы. Она закуталась плотнее в шкуры, обняла пушистый лисий хвост и улыбнулась, наконец, от всей души, от всего сердца. Смерть осталась позади, впереди ее ждала счастливая, долгая жизнь.

Несколько раз они насквозь проезжали маленькие деревушки. Леда продрогла. Шкуры грели, однако изредка ветер проникал и под них. Из-за холма вынырнул, полыхая оранжевыми флагами, замок Аластра. Из-за высоченной крепостной стены, усыпанной бойницами как обрывистый берег гнездами ласточек, выглядывали грязно-красные шпильки крыш. Казалось, что замок отгородился от всего мира, не желая демонстрировать ему свою красоту. Не сразу Леда смогла осознать, что ей придется жить в стенах этого каменного затворника. А когда до нее это наконец дошло, замок скрылся за другим холмом, и они въехали в город.

Сначала шли самые бедные районы — почти деревня, только дома чуть поновее. Люди высовывались из окон, вставали по краям улицы и, снимая шапки, кланялись. Леде от этого стало очень неудобно, непривычно. Обычно она сидела дома и пыталась не привлекать внимания, так что такое отношение оказалось ей в новинку. Потом бедные избышки сменились избами побольше и людей прибавилось. Жители города стояли вдоль улицы живой стеной, подпрыгивая, свистя и вытягивая шеи. А уж когда свадебный поезд въехал на центральную улицу, где дома стояли из камня, народа стало еще больше. На площади же перед храмом собралась целая толпа.

Сани встали. Леда занервничала. Не заставив себя долго ждать, подошел граф. Скинул со своей невесты меха, подхватил на руки и понес к дружелюбно распахнутым дверям храма. Краем глаза Леда заметила, что у входа стоят два хмурых, недовольных жреца. Девушка вся сжалась. Ей вдруг подумалось, что вот сейчас окажется, что граф несет ее вовсе не жениться, а приносить в жертву.

В двери за молодоженами хлынула толпа гостей и зевак. Граф донес Леду до алтаря, поставил на ноги и сделал шаг в сторону. Девушка осторожно обернулась. За ней, на первом ряду сидела подпрыгивающая от нетерпения Латена и ее мать, утирающая глаза носовым платком. Рядом с ними восседал зубасто улыбающийся Ретео, то и дело бросающий хитрые взгляды на как всегда мечтательную Анику. Даже Горн и старая графиня София пришли, и теперь чинно восседали на самом конце первого ряда.

Переминаясь с ноги на ногу от холода, Леда принялась осматриваться. Раньше в храме она не была — жертвенницам не разрешали туда заходить до ритуала дарения. Внутри оказалось довольно красиво. Одна часть храма — молельный зал — находилась под треугольной, украшенной древними фресками крышей. Вторая часть — часть богов —

расположилась в круглой, уходящей вверх острым шпилем башне. Здесь стояли статуи богов и алтарь. Именно в этой части и находилась сейчас Леда.

Сам алтарь был вытесан из белого мрамора и формой своей напоминал ложе. От одной мысли о том, что на нем приносят в жертву девушек, у Леды побежали мурашки по коже. За алтарем стояло полукругом двенадцать постаментов, однако статуй было всего одиннадцать — самая первая слева отсутствовала. Еще десять скрывались под застиранными желтыми чехлами. И только одну Январь — предпоследнюю в ряду — нарочито выдвинули вперед. Прекрасная богиня с длинными волосами вздымала руки к небесам, раскрытые ладони будто бы ловили снежинки.

Из боковой двери вышел знакомый Ледо жрец. Именно он в прошлый раз извинялся перед ними с Ретео. Сухой, худой, не старый, но в годах, а в остальном же ничем не примечательный человек. Под мышкой он держал толстую книгу, синие одежды жреца мешком висели на тощем теле. При его появлении в зале удивленно загомонили. Жрец подошел к алтарю, возложил на него книгу, улыбнулся уверенно жениху с невестой.

— Прошу простить брата моего, Мелунаса, за то, что он не почтил нас сегодня своим присутствием, — вежливо сказал жрец. — У него появились неотложные дела, и за него в этот радостный день буду я. Итак, попрошу тишины. Начнем же церемонию и соединим два любящих сердца в единое целое.

Повисла торжественное, чуть напряженное молчание. Леда заметила, что Аластр бросил незаметный, злобно-торжествующий взгляд на Ретео. Тем временем жрец открыл книгу, откашлялся и начал свою проповедь. Леда почти не слушала. Ее внимание привлекли витражи, украшавшие башню. Боги на них танцевали, пели и давали людям дары, и только одно было заколочено. Напрягшись, девушка незаметно зыркнула на потолок молельного зала. Она сразу нашла то, что искала. На потолке красовалось безобразное пятно белой краски. Марта всеми силами постарались вычеркнуть из пантеона. Забыть, как он выглядит.

— Невеста, вы меня слышите? — позвал ее жрец.

Отругав себя за несобранность, Леда покраснела.

— Да, господин, — сказала она.

— Согласны ли вы взять в мужья сына высшего творца Аластра?

— Согласна, — сказала она взволнованно.

— Замечательно. А вы согласны ли взять в жены дочь Января Леду?

— Согласен, — уверенно заявил граф.

— Есть ли у кого-либо возражения? — спросил жрец у зала.

— Есть! — вдруг выкрикнул кто-то. — У меня есть возражения!

Леда обернулась и к ужасу своему увидела Игрид. Она была все в том же голубом платье, в каком приходила к Ледо в прошлый раз. Игрид вышла вперед, растолкав локтями толпу и встала в горделивой позе. Растерявшись, жрец заглянул в свою книгу — видно, ища выход из сложившейся ситуации. Пробежав пару строк глазами, он посмотрел на Игрид и предложил:

— Что же, выскажите их. Если они покажутся мне достаточно весомыми, то брак будет считаться несостоявшимся.

— Возражение первое, — сказала зло Игрид. — Невеста — жертвенница. Граф, беря ее в жены, отнимает ее у богини нашей Января. Правильно ли это? Не накликаем ли мы тем самым гнев богини?

— Отец наш, верховный жрец Аракей, много дней читал молитвы и спрашивал богиню,

имеются ли у нее какие-нибудь возражения против этого брака, — сказал жрец, выпрямившись и скрестив руки на груди. — И богиня послала ему весточку о том, что возражений не имеется. Я понимаю ваши сомнения. Я тоже сомневался до вчерашнего дня. Но пред самой церемонией мне ночью явился черный пес с синими глазами, призрак Февраля. Я счел это очень хорошим знаком. Так что боги не против того, чтобы эти молодые люди соединились узами брака. Есть ли вам еще что добавить, леди Игрид?

— Да! — разъяренно выплюнула Игрид. — Данная особа, эта Леда, простолюдинка. Причем беднейшая и нижайшая из простолюдинок, чуть ли не нищая. Не сочтет ли его величество король оскорблением то, что в ряды правителей вмешается столь грязная кровь?

— И снова вы не правы, дитя мое, — флегматично ответил ей жрец. — Его величество Вадгрим Второй и, что немаловажно, его жена, леди Вера Арстейн, прислали в храм письме с пожеланием молодоженам счастливых и долгих лет в браке. Король так же выразил свое почтение графу Аластру за столь смелый поступок. Так что, как видите, Леду замечательно приняли как боги, так и правители. Еще...

— Да! Да, еще возражения! — выкрикнула Игрид в отчаянии. — Сейчас! Подождите минуточку... я только...

— Леди Игрид, прошу вас не задерживать церемонию, — попросил жрец. — Я понимаю, вы очень расстроены после смерти ваших родителей и хотели бы оказаться на месте Леды. Однако помните, что зависть — плохой спутник для приличной девушки.

Щеки Игрид вспыхнули, и она опрометью ринулась прочь. Над ней посмеивались. Леда видела, как она, растолкав толпу, выскочила из храма хлопнув дверьми. Жрец тем временем обвел собравшихся чуть сердитым взглядом.

— Есть ли еще какие-либо возражения?

Люди притихли, переглядываясь и перешептываясь. Жрец довольно улыбнулся и провозгласил торжественно:

— Что ж, волей, данной мне богами, я провозглашаю вас мужем и женой. Можете поцеловаться.

У Леды коленки затряслись. Граф повернулся к ней, прищурился и начал приближаться. Дыхание у девушки перехватило. В испуге она закрыла глаза, ожидая поцелуя, однако его не последовало. Граф лишь кратко коснулся ее губ своими а потом шепнул ей на ухо:

— После.

За этим последовал смешок, однако принадлежащий уже не графу. Под свадебным платьем пульсировал теплый медальон, и Леде показалось, что он трясется от смеха. Она распахнула глаза и бросила взгляд на Аластра — не заметил ли? Но тот уже не смотрел в ее сторону, а брал с поднесенной ему подушечки красивые красные туфельки. Склонившись к ногам невесты он помог ей обуться, а потом галантно, хоть и хмуро, протянул ей руку. Леда выдавила из себя благодарную улыбку — она была рада, что он не стал воровать у нее при всем городе первый поцелуй. Приняв руку, она поспешила за ним в сани. Рука графа оказалась хоть и суховатой, шелушащейся, но теплой и скорее приятной, чем отталкивающей.

«Может, не такой уж он и плохой?» — подумала она, а потом, вспомнив о грядущей перспективе первой брачной ночи, погрустнела.

Помещение, в котором проходил пир, являлось чем-то вроде огромной, мрачной тронной залы. На выложенный кусками разноцветного мрамора пол поставили тяжелые дубовые столы, застеленные белыми скатертями. Стены украшали искусно сделанные гобелены, изображавшие рыцарей, прекрасных дам и богов. Над праздничным столом висело две тяжелых кованых люстры с зажженными свечами. Воск капал прямо на кушанья и гостей, но никто, казалось, не обращал на это внимания. Люди, стоило сесть за стол, как с цепи сорвались. Они жрали, пили, пели, ругались и дрались. И это вполне всех устраивало.

Леде же кусок в горло не лез. Она сидела слева от жениха, напряженного и серьезного, и лишь слабо улыбалась. Самой себе она напоминала красивую фарфоровую куклу. Ей все восхищались, все поднимали за нее тосты, все поздравляли, однако разговоров никто не заводил.

В какой-то момент потянулась кавалькада баронов и именитых торговцев с подарками. Чего только Леде не надарили. Броши, серьги, духи, картины — все несли к ее ногам. Главный кузнец города, сообщив, что «и леди следует иметь зубы», вручил ей короткий кинжал с искусно выкованной рукоятью. Хозяин же кондитерской, в которой она каждые пару месяцев покупала пряник, подарил ей каких-то заморских сладостей. Но больше всего Леду удивил Аластр. Граф, ухмыляясь — преподнес ей старинную книгу легенд, и тем самым еще немного вырос в ее глазах.

— Мне сказали, что тебе нравятся книги, — пояснил он, вручая ей фолиант, украшенный драгоценностями. — Что ж, как раз подходящее чтение для девушки. И не сложное, и познавательное.

— Благодарю вас, господин, — сказала Леда, засмутившись.

— Не смей называть меня так при людях, — тут же нахмурился жених. — Зови по имени. Ты теперь моя жена, так что старайся соответствовать. Твоими манерами еще займется нанятая для тебя гувернантка.

Покраснев, Леда пискнула, что все поняла и снова ушла глубоко в себя. Она с ужасом ожидала ночи. Древний медальон пульсировал у нее под одеждой, согревая тело.

За витражными окнами, изображавшими похождения весенних богов — по три окна на каждой стороне зала, два из них заколочены — становилось все темнее. И вот, когда солнце скрылось за горизонтом, в зале поднялось гиканье. Колотя деревянными кружками с пивом по столу, люди требовали отправить молодоженов в спальню. Леду и Аластра подхватили и буквально потащили вглубь замка всей гурьбой. Затолкали молодоженов в распахнутые двери, закрыли их на засов и ушли, оставив наедине.

Леда напряженно окинула комнату взглядом. Слева стояла большая кровать с украшенным резьбой изголовьем. Напротив нее потрескивал в камине огонь, распространяя приятный аромат брошенных на поленья трав. Пол устилал красный ковер, усыпанный беспорядочными каплями воска. Прямо перед Ледой притаился в углу шкаф, сбоку от которого будто паж при короле, красовалось зеркало в кованной раме. В нем отражалась красивая девушка в белом свадебном платье — напуганная и смятенная.

Повисла напряженная тишина. Потрескивали свечи, горел в камине огонь. Граф

смотрел на Леду внимательно, и от этого взгляда у нее по телу бежали мурашки. Как загнипнотизированная, жертвенница испуганно наблюдала за тем, как он сначала стянул с шеи платок, потом принялся по одной расстегивать пуговицы фрака. Видя, что она пребывает в смятении, Граф лишь усмехнулся и сказал:

— Раздевайся. В этом платье ведь нет корсета. Справишься сама.

От этих слов Леда вздрогнула как от пощечины. Чего-чего, а такого мерзкого приказа она не ожидала. Она надеялась, что Аластр все же будет с ней нежен и обходителен. Сказанное графом перечеркнуло все хорошее, что она от него видела. Леде стало очень и очень обидно, однако она промолчала.

«Этот человек вытащил тебя из лап жрецов, — подумала она. — Соберись, тряпка, и потерпи немного. В конце-то концов он имеет полное право делать теперь с тобой все, что захочет».

Нехотя она принялась раздеваться. Расстегнула пуговики на воротнике, нерешительно приподняла юбку и сняла платье через голову, оставшись в одной сорочке и кринолине. С последним ей пришлось повозиться. Не сразу она сумела найти и расстегнуть хитрую застежку. Тяжелая юбка на обручах, будто бы сбудвшись, гулко упала на пол. Ухмылка графа стала еще шире, когда Леда трясущимися руками принялась снимать сорочку, под которой уже совсем ничего не было.

Оставшись в одних панталонах, девушка прикрыла руками грудь и покраснела. Раздеваться дальше было просто не в ее силах. Она застыла, ожидая гнева графа. Однако Аластр злиться не торопился.

— Послушай, так нужно, — сказал он почти мягко. — Будь добра, разденься сама и не заставляй меня применять силу.

На глаза Леды навернулись слезы. Она сжалась, обнимая саму себя, и опустила голову. Ей казалось, что если она пошевелится, то тут же расплачется. Граф тяжело вздохнул и, подойдя к ней, протянул руку. Он хотел, видно, ее как-то встряхнуть, однако пальцы его задели медальон.

Раздался вскрик. Леда непонимающе вскинула лицо, и увидел, что Аластр, отпрыгнув, трясет рукой. Кожа на пальцах стремительно краснела.

— Почему? — удивленно спросил он. — Как он может быть таким горячим? Почему он не обжигает тебя?

Леда удивленно распахнула глаза и глянула на собственную грудь. Медальон сиял, окрашивая все в комнате в зеленые тона. Он пульсировал, почти подпрыгивал на золотой цепочке, однако жара от него не исходило, скорее девушка ощущала приятное тепло. Все внутри у Леды сжалось — вот сейчас граф решит, что она колдунья, и выпроводит ее на улицу, на мороз. Однако к ее немалому удивлению в глазах Аластра загорелся какой-то ненормальный восторг.

— Двенадцать богов, неужели свершилось! — перестав трести рукой сказал он наконец. — Воистину, сегодня великий день!

Он быстро подошел к Леде, встряхнул ее за плечи и спросил, сверкая глазами:

— Он уже светился раньше? Нагревался? Было что-то еще?

— Я... — замямлила Леда, совершенно не понимая, что происходит. — Он...

— Боги, ну почему ты такая мямля! — прикрикнул на нее Аластр. — Впрочем, неважно. Это случилось, и это — главное всего. Боги, да он еще и вибрирует! Это хороший знак. Значит, наконец-то все выйдет!

С силой Аластр чуть ли не швырнул ее на кровать, рывком стянул панталоны. Леда вскрикнула, прикрылась как могла и разревелась. Ее жених даже внимания на это не обратил, лишь принялся расстегивать брюки. Еще минута, и он навис над ней, протянул руки, пытаясь не дотронуться случайно до медальона. И тут случилось то, чего Леда совершенно не ожидала.

— Отстань от нее, урод! — донесся резкий голос из медальона.

Неведомая сила швырнула графа прямо к камину. Не сильно, но достаточно, чтобы он повалился на пол и нелепо вскинутые руки угодили прямо в горячие угли. Аластр, шипя от боли, вскочил на ноги и заметался из угла в угол, тряся дважды обожженной рукой.

Дверь с шумом распахнулась и в комнату влетел Ретео с незнакомой Леде служанкой. Он кинул обеспокоенный взгляд на невесту которая, заливаясь слезами, сжалась на постели в позе эмбриона, потом уставился на мечущегося графа. Ретео схватил Аластра за запястье и осмотрел обожженную руку. Брови казначея от удивления взлетели вверх.

— Аластр, что здесь происходит? — спросил он.

— Медальон, — прошипел граф. — Ретео, у нас вышло. Спустия столько лет!

— Единственное, что у тебя пока вышло, это ожег, — одернул его казначей, а потом повернулся к служанке. — Ки, беги скорее на улицу и принеси таз со снегом в покои графа. А ты, Аластр, иди туда же. Завтра все расскажешь.

— Да как ты смеешь приказывать мне, сукин ты сын!? — взвыл граф.

— Слушай, ты бегаешь и орешь, будто тебя пчела в задницу ужалила, — бесстрашно отчитал его Ретео. — Уймись наконец. Завтра все расскажешь. Иди-иди. И нечего смотреть на меня, как ребенок, у которого отобрали леденец.

— Уволю я тебя когда-нибудь, — взвыл граф, но все же, смилив свою гордыню, вышел из комнаты. — Помяни мое слово, Ретео! Уволю!

Казначей доброжелательно улыбнулся ему вслед, а потом обеспокоенно глянул на всхлипывающую от страха Леду. Тяжело вздохнул, стянул с постели покрывало и накрыл им девушку. Потом сел неловко рядом с ней и сказал беззаботно:

— Не волнуйся, он вечно грозитя меня уволить, но все откладывает. Наверное с тех пор, как я на эту должность поступил грозитя. Можешь мне не отвечать, просто кивай. Здесь случилось что-то странное, да?

Леда обреченно кивнула.

— Хорошо, — заулыбался еще шире Ретео. — Просто отлично. Знай — ты тут не при чем, и мы никому об этом не скажем. Только и ты молчи. Рот на замок, идет?

Девушка кивнула еще раз, вытерла рукой слезы.

— Ты попытайся поспать, — сказал ей казначей, вставая. — Тяжело, конечно, но ты все же попробуй. Утром, возможно, Аластр тебе все объяснит. Ну, сладких снов, красавица.

И с этими словами Ретео ушел, оставив Леду одну.

Леда долго плакала. В медальоне что-то стучало, билось, будто пытаюсь вырваться наружу, однако теперь девушку это пугало до дрожи. Она пыталась снять его, перегрызть цепочку, но ничего не выходило. Золото — мягкий металл, это знают даже простолюдины, испокон веков определявшие подлинность монеты «на зуб». Однако цепочка рваться не хотела. Более того, зубы Леды не оставили на ней и следа. Как бы жертвенница не ухищрялась, медальон не хотел сниматься, и в конце концов ей пришлось с этим смириться.

Чуть придя в себя, девушка зачем-то встала и принялась одеваться. Ничего, кроме свадебного платья, у нее из одежды не было, потому она надела его, не став возиться с кринолином. Пока она одевалась, краем глаза увидела свое отражение в зеркале и ей стало страшно. Девушка подошла поближе, чтобы рассмотреть свое перепуганное лицо.

Леде показалось, что она нее из зазеркалья смотрит мертвец, выбравшийся из могилы. За какой-то час она изменилась до неузнаваемости. Слезы смыли пудру, обнажив мешки под глазами, руки тряслись как у старухи, в волосах беспорядочно торчали искусственные цветы. На бледной коже выступали красные пятна, глаза безумно блестели.

Почему-то увиденное в зеркале привело Леду в чувства. Она шмыгнула носом, вытерла рукавом лицо — только белый рукав пудрой перемазала. Попыталась улыбнуться. Отражение лучше не стало, напротив, оно показалось девушке еще безумнее.

«Только сойти с ума от горя мне не хватало», — подумала девушка, тяжело вздохнув и опустив плечи.

Не зная, как отвлечься от плохих дум, она, глядя на свое отражение, принялась выпутывать из волос шпильки. Цветки, один за другим, ложились на теплую каминную полку. Леда расплела косу, нашла в комнате гребень и, подтащив к зеркалу стул с резными ножками и зеленой подушечкой на сидении, принялась причесываться. Это ее успокоило. Красные пятна потихоньку сходили, кожа становилась привычного цвета топленого молока.

— И что теперь делать? — спросила она у своего же отражения. — Как быть?

Ей хотелось с кем-то поговорить. Раньше в таких случаях она шла к Латене, и та принимала ее у себя, заваривала ромашкового чая и они болтали, порой, много часов к ряду. Но теперь Латены рядом не было, а выговориться уж очень хотелось.

— Может, попытаться сбежать? — спросила она у своего отражения. — Но куда? Вернуться обратно домой, запереться и никого к себе не пускать? Граф найдет меня и вернет. Видимо, я крепко ему нужна. Интересно, что такое случилось...

На этих словах она запнулась и глянула на медальон. Он не подавал признаков жизни, будто бы успокоился и уснул. У нее в голове не укладывалось то, что произошло пару часов назад.

— Интересно, что ты такое? — спросила она у медальона.

Но тот молчал. Девушка фыркнула и, отложив гребень, сняла платье, оставшись в рубашке и панталонах. Из зеркала на нее смотрела теперь не сумасшедшая, а вполне миловидная, только чумазая девушка. Глаза чуть припухшие, вид чуть потрепаный, но безумия как не бывало. Очень хотелось умыться, и Леда принялась искать воду. Разумеется, она ее не нашла. Кувшин, стоявший на столике у постели, оказался пустым и сухим. Тогда

Леда осторожно подошла к двери по потянула за медную ручку.

Дверь оказалась не заперта, и девушка выглянула в коридор, по которому буквально час назад их с графом тащила толпа гостей. В нем царила пугающая полутьма. По всей его длине тянулась красная ковровая дорожка, на каменных стенах висели пейзажи и натюрморты в тяжелых рамах, в скобах скучали незажженные факелы. В самом конце коридора, у стены, стояла высокая фигура.

— Эй, — позвала Леда. — Вы меня слышите?

Фигура не шевельнулась и никаких признаков жизни не подала. Леде стало от этого как-то не по себе, и она вернулась в комнату. Мысль о том, чтобы попытаться подойти к незнакомцу пугала ее. Она даже заперла дверь чтобы неизвестный вдруг не зашел к ней, пока она будет спать. После этого она проверила два окна и поняла, что на обоих стоят кованые решетки. Все пути к побегу были отрезаны.

Пометавшись еще немного из угла в угол, девушка в конце концов залезла под одеяло. Только сейчас до нее дошло, какая постель непривычно мягкая, и какие потрясающе приятные подушки. От ее матраца, набитого соломой, порой сильно пахло потом и гнилью, его приходилось часто выбивать и чистить снегом. Новая же постель источала приятный аромат цветов — видно, ее опрыскали духами. Да и ткань оказалась мягкой и приятной коже.

Леде страшно хотелось пить, она устала, вымоталась, дошла до предела. Ей вдруг подумалось, что жизнь уже почти месяц старательно пробует ее «на зуб». От этой мысли ей полегчало.

«Пусть пробует, я не сломаюсь, — решила она. — Выдержу все и выживу. Стисну зубы, наберусь терпения и выдержу. Все что угодно, только бы не на алтарь, только бы не к злобной богине. Пускай Граф делает со мной что хочет, какая, в общем-то, разница. Только бы остаться в живых. И плакать... плакать я больше не буду».

С этими мыслями она и заснула, уверенная в том, что теперь она испытала на себе совершенно все возможные напасти и готова ко всему. Она даже представить себе не могла, что все эти мелкие неприятности скоро покажутся ей лишь вершиной айсберга.

КОНЕЦ ЧАСТИ 1

— За успех!

— За успех, Аластр, за успех.

Казначей и граф чокнулись высокими фужерами, полными красного вина. Руки Аластра были перебинтованы и он морщился, прикасаясь к чему-либо, но все равно выглядел довольным и расслабленным. Лицо его, не напряженное сердитостью, казалось каким-то рассеянным. Он пригубил вино, а потом осторожно поставил фужер на небольшой столик.

— И как эта простая идея не пришла мне в голову раньше? — спросил сам у себя граф. — Ведь если подумать — это было так логично. Из-за чего-то же она велела убивать черноволосых девушек!

— Да брось, какая раздница, — улыбнулся ему Ретео. — Ну и что, что не додумались раньше. Зато теперь все пойдет как по маслу. Ну, я на это надеюсь. Только уж пожалуйста, не приставай ты к ней больше. Черт с ним, со свадебным обрядом, лишь бы она помогла нам осуществить задуманное.

— Думаешь, стоит ей рассказать? — фыркнул Аластр. — Не смейся. Если она окажется шпионкой, подосланной чтобы вывести меня на чистую воду, то нам обоим не поздоровится. Тебя я, может, и выгорожу, но вот сам останусь без головы.

— Да какая из нее шпионка, Ал, ты сам себя послушай! — развел руками Ретео. — Деревенская девчонка, еще и жертвенница. Наше дело в ее интересах.

— Я бы на твоём месте не был так уверен, — покачал головой Аластр. — Не сочти меня параноиком, но сам подумай. Королева — наша огромная набожная проблема — прислала письмо с пожеланиями нам счастливого брака. Она — и вдруг отдала жертвенницу? Бред. К тому же я навел об этой Леде справки как о швее. К ней ездили одеваться многие наши светские дамы, среди которых ой как много подлиз треклятой Веры Арстейн. Да к тому же к ней даже обращались леди из столицы. И вот это уже меня совсем настораживает. Леди Вера прекрасно умеет плести интриги, с нее станется натравить на шпионку полоумного жреца для отвода глаз.

— Знаешь, может ты и прав, — Ретео выпил залпом остатки вина в своем фужере. — Черт возьми, слава богам я не стал ей сам ничего рассказывать, Ал! Была бы катастрофа, окажись твоя теория правдой.

Граф задумчиво сцепил руки в замок и откинулся в кресле. Черные распущенные волосы упали ему на лицо, глаза закрылись.

— Нам нужно быть с ней очень, очень осторожными, — сказал он тихо. — Иначе почти семь лет стараний пойдут коту под хвост. Кстати о коте... представляешь, она попросила меня взять в замок свою кошку...

— Да уж, — улыбнулся Ретео. — Шпионка — любительница кошек. Смешно, ничего не скажешь. Ты только будь с ней поласковее. Потому что если она окажется все же не шпионкой, то хорошо бы, если она была на нашей стороне...

Проснувшись Леда от стука в дверь. Она не сразу сообразила, где находится. К ее удивлению в комнате было тепло, хотя огонь в камине давно уже потух а угли остыли. Она потянулась, потерла слипшиеся от вчерашних слез глаза, похлопала себя по щекам. За окнами явно давно уже был день, и она удивилась, почему ее так долго не будили. В деревне она вставала на заре, но там ее заставлял подниматься с постели пробирающий до костей холод. Здесь же, в тепле, она расслабилась.

В дверь снова забарабанили, и знакомый голос позвал:

— Госпожа Леда, у вас там все в порядке? Откройте мне, пожалуйста. Это Лила.

— Сейчас, — крикнула ей жертвенница, и вылезла из под одеяла. Пол оказался на удивление теплым, и девушка невольно задумалась над тем, как же обогревается эта комната. Она прошлепала к двери и отодвинула щеколду. На пороге и правда оказалась знакомая ей служанка все в том же черном платье и белом переднике, а так же с полным воды, от которой валил пар.

— Госпожа, вы в этом спали? — ужаснулась она, окинув взглядом девушка. — Наверняка дико вспотели. Неужели в шкафу ничего не нашли для сна?

Леда покраснела. Она так и уснула во вчерашней теплой сорочке и панталонах, в которых вчера выходила замуж. От нее и правда пахло потом, и она правда не додумалась заглянуть в шкаф. А даже если бы и додумалась, то вряд ли смогла надеть что-то оттуда — ей бы казалось, что она своровала. Пока жертвенница размышляла об этом, Лила прошла в комнату, поставила на стул таз и открыла шкаф.

— Так, сейчас я помогу вам умыться, — пробормотала она. — И расчешу волосы, а то они у вас страшно спутались. Не думаю, что у нас хватит времени их заплести. Граф через полчаса ждет вас к столу, так что давайте поторопимся.

Смирившись со своей участью, Леда позволила служанке делать с собой все, что той вздумается. Раздевшись, она обтерла вспотевшее тело мокрым полотенцем, ополоснула лицо, с удовольствием смыв с него остатки слез, и ей стало гораздо лучше. Лила — воистину мастер своего дела — быстро привела в порядок волосы Леды, которые та на ночь так и не заплела. Черные как уголь локоны заструились по спине волнистым водопадом. Лила хитро убрала из с лица при помощи шпилек, вставила на висках несколько искусственных цветочков и осталась своей работой довольна. За волосами пришла очередь платья. В этом служанка была беспощадна. Она споро натянула на Леду серую сорочку, кружевные панталоны и принялась за корсет. К удивлению девушки все оказалось не так плохо — Лила затянула его ленты не так уж и туго.

— Вы, госпожа, счастливица, — сказала ей служанка. — У вас тонкая талия и вы очень худенькая. Вы уж, не считите за наглость, кушайте получше. Худенькой быть хорошо, но не настолько же!

— Хорошо, я постараюсь, — улыбнулась ей Леда.

Вслед за корсетом служанка взялась за кринолин. Леда, которой еще вчера эта тяжелая конструкция доставила множество хлопот, внутренне себя пожалела. Поверх кринолина легла многослойная верхняя юбка кремового цвета, состоявшая практически целиком из

кружев.

— Какое платье вы желаете надеть, госпожа? — спросила Лида.

— А у меня их много? — удивилась Леда.

— Да, разумеется, — хитро улыбнулась служанка. — Графине положено иметь много платьев, и чем больше, тем лучше. Тридцать штук — минимум.

От этих слов Леде стало смешно. До нее вдруг дошло, что она попала в мир, о котором имела очень отдаленное представление. Она знала, что модницы меняют платья часто, но чтобы тридцать штук — это у нее в голове укладывалось плохо. С надеждой заглянув в туго набитый шкаф, Леда окончательно пришла в отчаяние. У нее не было времени на то, чтобы осматривать их все, и она наугад дернула то, которое первым бросилось ей в глаза — ало-черное, бархатное. Лида покорно пожала плечами и вскоре Леда красовалась перед зеркалом.

Ее отражение — чуть смущенное, однако уже вовсе не сумасшедшее — нерешительно улыбнулось, оправив оборки на воротничке-стоечке. Лида подсуетилась и пришилила ей на шею брошку с большим круглым красным камнем.

— Вы похожи не снегиря, госпожа, — хихикнула служанка. — Красная грудка, черная спинка.

Улыбка жертвеницы стала еще шире. Она покрутилась вокруг себя, и тяжелая юбка приятно зашуршала, чуть приподнявшись. В роскошном платье, какие она прежде только шила, Леда почувствовала себя гораздо увереннее.

— Поспешим, — взмолилась Лида. — Граф ждет.

Хорошее настроение Леды тут же улетучилось. Она сжалась, но все же послушно сунула ноги в мягкие черные туфельки без каблука и вышла вслед за служанкой в коридор. Глянула сразу в ту сторону, где вчера ночью видела страшный силуэт. Он все так же стоял у стены не шевелясь, и Лида свернула как раз в его сторону. Подойдя поближе, Леда увидела, что никакой это не человек, а просто ржавые рыцарские доспехи — привет из далекого прошлого. Она остановилась, постучала по ним пальцем и удостоверилась, что в них пусто.

«Вечно ты себе надумаешь, — поругалась она мысленно на самую себя. — Твой главный враг — твоя ищущая во всем подвох голова».

Они прошли до конца коридора и вышли в зал, где вчера проходило пиршество. Здесь царил неприятная прохлада, то и дело пробегали, забираясь под юбку, сквозняки. Большие квадратные столы с лавками убрали, а вместо них принесли один — небольшой, рассчитанный на восемь человек. Четыре места уже были заняты.

Во главе стола сидел Аластр — сутулый, хмурый и как всегда чем-то недовольный. По левую руку от него — спиной к камину и лицом к Леде — сидели Ретео и Горн. На другом краю стола восседала бабушка графа, и жертвенница припомнила, что зовут ее Софией. Не зная, куда себя деть, Леда подошла поближе и сделала неуклюжий книксен.

— Доброе утро, красавица, — поприветствовал ее Ретео. — Ал, будь джентльменом, отодвинь даме стул.

— Вовсе не обязательно, — засмущалась Леда.

Она уже хотела занять один из двух оставшихся стульев — тот, что поближе к старой графине, но Аластр властно поднялся на ноги. Девушка смутилась еще больше. Граф же просто отодвинул стул рядом с собой и, подождав, пока она сядет, вернулся к трапезе.

— Доброе утро, — сухо сказал невесте Аластр. — Надеюсь, ты выспалась.

Приметив, что обе руки у графа перебинтованы, Леда смущенно пискнула:

— Да, господин. Простите меня, что проспала так долго.

— Аластр сам провалялся до обеда, — добродушно сказала старая графиня. — Эх, молодежь! Даже мне, старой перечнице, завидно на вас глядя становится. И бросай называть его господином, девочка. Он ведь твой муж!

— Хорошо, госпожа, — кивнула Леда, краснея еще больше.

— Да ты ешь давай, — Ретео пододвинул к ней блюдо с целой запеченной куропаткой. — Не стесняйся. А то вон какая худая, смотреть страшно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не зная, как себя правильно вести, Леда решила руководствоваться собственным здравым смыслом. Она взяла вилку, нож и принялась отрезать кусок грудки. Положив мясо в тарелку, она добавила к этому пару вареных картофелин и принялась есть так аккуратно, как только могла, осторожно разрезая еду на маленькие куски. Ей очень не хотелось показать себя свиньей за столом.

— Зря я нанял гувернантку, — фыркнул граф. — Стыдитесь, Ретео, Горн, простолюдника ест аккуратнее тебя.

Леда осторожно глянула на казначея, который держал в руках куриную ногу и с удовольствием ее обглаживал. Щеки у него были в жире. Рядом с ним восседал Горн, в бороде которого запуталась рыба кость. Потом она глянула на Аластра и наткнулась на недоверчивый, недовольный взгляд.

— Как хорошо, — сказала старая графиня. — Ты молодец, девочка. Из тебя выйдет толк. А вот я уже наелась. Проводите меня кто-нибудь до комнаты, а то ноги трясутся. Старая стала... скоро придется есть не вставая с постели.

Горн тут же молча поднялся и, придерживая пожилую леди за плечи, увел ее из зала. Вслед за ними убежал и Ретео, быстро протерев лицо платком и сославшись на какие-то срочные дела. Леда осталась наедине с Аластром, и ее охватила легкая паника. Сначала она уронила с вилки кусок мяса, потом у нее упал на пол хлеб, а затем она и вовсе перестала есть, смятенная и раздавленная внимательным взглядом своего жениха.

— Кажется, нам нужно поговорить, — сказал тот. — Послушаете меня, леди графиня?

В его голосе прозвучала легкая насмешка, от которой девушка смутилась еще больше. Граф отложил столовые принадлежности, промокнул полотенцем уголки рта и попытался изобразить на лице если не улыбку, то хотя бы что-то менее хмурое, чем обычно. Леда глядела на него исподлобья ожидая взбучки. Однако граф ругать ее не стал, лишь озадаченно потер большие руки.

— Что ж, давай-ка для начала поговорим о вчерашнем, — начал Аластр почти мягко. — Скажи мне, раньше медальон вел себя странно? Не бойся, все это останется между нами. Это очень важно, так что говори честно.

Леда подумала немного и не нашла причины для вранья. Потому ответила честно:

— Да, господин, бывало, — сказала она.

— Перестань звать меня господином, — вновь нахмурился граф. — Аластр. Еще один раз обратишься ко мне как служанка — видят боги, я велю тебя выпороть.

— Хорошо... Аластр, — испугалась девушка. — Я постараюсь. Только не гневайтесь!

Граф тяжело вздохнул, прикрыл глаза. Было видно, что он злится, но ему вновь удалось взять себя в руки. Аластр посмотрел на нее почти по-доброму, почти расслабленно.

— Расскажи мне о том, как он себя вел... пожалуйста, — последнее слово он выдал из себя с трудом.

Леда постаралась описать все как можно подробнее. Граф слушал, кивал, и глаза у него при этом горели интересом и каким-то азартом. В уголках потрескавшихся губ появился легкий намек на улыбку.

— Так-так, — сказал он, когда девушка закончила. — Значит, скорее всего, он реагирует на твои эмоции? Так?

— Так, — согласилась Леда.

— Замечательно, — кивнул Аластр. — С этого дня ты будешь каждый день докладывать мне о том, что с ним происходит. Видишь ли, это очень важно.

— Хорошо, я... я постараюсь, — удивившись такой просьбе, сказала Леда.

— Знаю, ты меня после вчерашнего, наверное, ненавидишь, — сказал, хмурясь, граф. — Я не намерен извиняться, просто знай — больше я тебя не трону до тех пор, пока ты сама этого не захочешь. Мне плевать на то, что из-за этого свадебный обряд нельзя считать действительным. Тебя такой расклад устроит?

— Устроит, — несмело улыбнулась Леда, а потом добавила неожиданно даже для самой себя. — Спасибо.

— Не за что, — как-то растерялся граф, а потом, собравшись, продолжил. — Жить будешь в той комнате, где сегодня ночевала. Лила и Бекка в твоём распоряжении, не жалея их. Из замка выходить можешь, но не покидай пределов крепостных стен. Все твои вещи тебе принесет Бекка, я уже послал ее за ними. Кошку твою она тоже заберет. Будет жить в хлеву, охранять его от крыс.

— А дом?... — несмело спросила Леда. — С домом моим что станет?

Граф нахмурился, а потом мотнул головой.

— Мне он не к чему. Как скажешь — так и сделаем. Скажешь спалить его до тла — спалим.

— Нет! — воскликнула в испуге Леда. — Не надо его сжигать!

— А я уж думал, что ты совсем покорная, — усмехнувшись, насмешливо сказал Аластр.

Леда тут же опустила глаза, поняв, что дала себе слишком много воли. Граф же сцепил руки в замок и поставил на них свой подбородок, упершись локтями в стол.

— Никто тебя здесь не обидит, — сказал он серьезно и строго. — Пусть только попробует. Я, как ты заметила, не слишком приятный в общении человек, но за своих людей готов перегрызть глотку любому. Так что поскорее определись, на чьей ты стороне, жертвенница Леда. Итак, что мне сделать с твоим домом? Сжечь тебя не устраивает, так что же тогда прикажешь?

— По... поселите туда кого-нибудь, у кого нет дома, — запнувшись, попросила девушка. — В городе много бездомных, так пусть станет на одного меньше...

— И ты предпочтешь отдать его совершенно незнакомому человеку? — удивился граф.

— Госпо... Аластр, — поправилась Леда, — если бы не незнакомые люди, я бы умерла с голоду в детстве...

— Как скажешь, — небрежно отмахнулся граф. — Пошлю кого-нибудь в город. Ты хочешь съездить и проверить позже, как устроится этот новый человек?

— Хочу, — нерешительно кивнула Леда, а потом, набравшись храбрости, спросила. — А... не могли бы вы мне объяснить все же, что вчера такое произошло?

— Понятия не имею, — покачал головой Аластр.

Он постарался сказать это естественно, но Леда знала — он лжет. Уж больно эта версия не вязалась с произошедшим вчера. Ей стало даже чуть обидно из-за того, что он пытается скормить ей столь очевидное вранье, но спорить она не стала.

«Ты должна быть благодарна ему, — подумала она. — Пускай делает что хочет, тебя это не касается. Просто живи и наслаждайся».

Хотела бы она верить в эти свои мысли, но в сердце у нее уже поселилось любопытство.

Это случилось на седьмой день жизни Леды в замке.

Дни шли одинаковые, и под конец недели начали навевать скуку. Утром ее будила Лиля — одевала, причесывала, помогала умыться и вела на завтрак. Завтрак всегда изобиловал приятными сюрпризами. Граф оказался любителем изысканных блюд, что Леду немного удивляло. Аластр вовсе не походил на гурмана, тем не менее абы что не ел. Вскоре к деликатесам пристрастилась и жертвенница — стоило только смириться с тем, что Аластр на нее постоянно хмуро пялился. После завтрака граф обычно задерживал девушку и спрашивал, как вел себя старинный медальон. Леда заученной фразой отвечала, что медальон молчал. Он и правда не подавал с той ночи признаков жизни, хотя Леду это скорее радовало, чем огорчало.

После короткого разговора жертвенница обычно шла заниматься «уроками хороших манер». Нанятая Аластром гувернантка — сухая пожилая женщина в напудренном парике и слишком ярко наrumяненными щеками — взялась за нее очень крепко и всерьез. Спустя пять дней Леда уже знала большую часть придворного этикета и научилась пристойно делать книксен. За этим следовал обед, на котором жертвенница опять наедалась до отвала и отправлялась в свою комнату — вышивать, шить или прясть что-нибудь. В этом уже не было необходимости, однако ей нравилась перспектива носить сделанные собственноручно платья. Граф ворчал, что она пустит по миру придворную швею, но та, кажется, ничего против Леденого увлечения не имела. Они мило побеседовали день на третий после переезда девушки в замок, и остались друг другом довольны.

Вечерами же, после ужина, Леда читала. Подаренная графом книга сказок оказалась довольно интересной, хоть и очень старой. Страницы в ней были тонкими, кое-где края их истрепались, и Леде приходилось быть очень осторожной, когда она листала книгу. Однако имелся один нюанс, который ее откровенно смущал — не хватало части страниц. Причем из сгиба книги кое-где даже торчали уродливые клочки бумаги. Казалось, страницы просто грубо вырывали, не особо заботясь о сохранности фолианта. А ведь книга скорее всего стоила из-за своей старости целое состояние! На одном из таких клочков Леда обнаружила заглавную букву «М», из чего заключила — возможно, на этих страницах были сказки о Марте.

«Ну и правильно, — подумала она. — Наверняка ничего хорошего он в своей жизни не сделал!»

Однако, несмотря на это, ее грызло любопытство. Почему сведения о мятежнике так тщательно стирали из истории? Было ли это просто актом ненависти людей к нему, или его изображения и упоминания о нем истреблялись по какой-то другой причине — Леда не знала. Но ее обуюал интерес. Ей захотелось узнать о боге, которого она все эти годы ненавидела, хоть что-нибудь. Просто чтобы удостовериться, что он действительно был злодеем.

В одно прекрасное утро, после завтрака, Леда не ушла от Аластра сразу же, а спросила осторожно:

— Скажите, а в вашем доме есть еще книги?

— Книги? — удивился граф. — Зачем тебе?

— Читать, — покраснела Леда. — Зачем же они еще нужны?

— Так ты прочла ту, что я подарил тебе? — еще больше удивился граф.

— Да, — пожалала плечами Леда, даже немного обидевшись от такого к себе отношения. — Не так уж там и много было.

— Что ж, в замке есть библиотека, — сказал Аластр настроенно. — Можешь сходить туда и взять что-нибудь почитать. Только не разбрасывай книги. Все, что прочитала, клади на стол, слуги поставят их на место сами. Лила тебя проводит.

— Хорошо, — улыбнулась ему Леда. — Спасибо вам, Аластр.

— Не за что, — хмыкнул граф.

Леда его уже не так сильно боялась. После неудачной брачной ночи граф стал вести себя чуть мягче. Руки у него уже поджили и повязки сняли, однако на сухой коже все еще оставались следы от ожога. Обещание свое граф сдержал — спали они в разных комнатах. Сблизиться с ней он не пытался, ограничивалось их общение обычно парами фраз за столом, что Леду искренне удивляло. Получалось, что она жила в замке просто так, не принося никакой пользы.

Она много раз спрашивала у него, чем она могла бы быть помочь, но он отвечал всегда одинаково: «Просто рассказывай мне, что происходит с медальоном». Леда так и не дозналась ни у него, ни у постоянно ускользающего Ретео о том, чем же это старое украшение так важно. Казначей и граф в голос твердили, что понятия не имеют о его свойствах и что медальон — всего лишь фамильная драгоценность, вдруг оказавшаяся волшебной. Разумеется, это была наглейшая лож, однако других ответов у Леды не имелось.

— А... можно еще вопрос? — замялась жертвенница.

— Спрашиваю, — настороженно посмотрел на нее Аластр, отпивая из стакана воды.

— В есть ли в библиотеке что-нибудь о мятежном боге?

Аластр от этих ее слов благополучно подавился. Он долго кашлял, а потом посмотрел на Леду почти с гневом.

— Так ты веришь этим наглым слухам? — спросил он, мрачней на глазах. — Да ты знаешь, что за хранение всего, что связано с мятежным богом, будь то изображение, книга или личная его вещь, тебя могут тут же, без лишних разговоров, отправить на виселицу?

— Простите, господин, я не знала, — с ужасом замотала головой Леда. — Я не за тем, чтобы навредить вам, о нем спросила!

— Тогда зачем тебе это? — граф поднялся и посмотрел на нее грозно, будто был готов вот-вот ударить. — Говори сейчас же.

— Я... — Леда испуганно сжалась. — Я просто хотела узнать...

— Что именно? — наступал на нее граф.

— Что он за богом был, — ответила Леда честно.

Граф удивленно поднял брови. Испуганная Леда же продолжила сбивчиво:

— Просто его отовсюду вырвали, вырезали... я столько лет его ненавидела... но я ведь ничего не знаю о нем, не то, что о других богах... я просто хотела удостовериться, что он злодей...

— Почему ты ненавидишь его, а не Января? — вдруг в лоб спросил Аластр. — Он ведь не заставлял жрецов приносить ему в жертву девушек.

Леда опустила глаза и застыла, сжав губы. В чем-то Аластр был прав. Она не знала, что ему ответить. Слова графа удивили ее. Многие ненавидели Января, не только жертвенницы.

В деревне, правда, эта тема поднималась только ночью и за закрытыми дверьми.

— Ее я тоже ненавижу, — тихо пробормотала Леда, а потом испугалась своих же слов и зажала себе рукой рот.

Она осторожно подняла глаза и увидела, что Аластр ухмыляется.

— Ты знаешь, что с тобой будет, если кто-то об этом узнает? — спросил он спокойно. — Что будет, скажи я кому-нибудь о том, что ты в один и тот же час призналась в интересе к Марту и ненависти к Январю?

У Леды внутри все похолодело. Граф подошел к ней, сжал руками хрупкие плечи и, заглянув в глаза, спросил чуть мягче:

— Итак, повтори, пожалуйста, что ты сказала только что про Января?

— Я... ненавижу ее... — немея от страха под взглядом карих глаз, промямлила Леда.

— И это ты сказала мне, почти незнакомому человеку? — покачал головой граф. — Осторожнее надо быть. А вдруг бы я оказался религиозным человеком?

— Вы... не похожи... — прошептала Леда, опуская глаза.

— Правильно думаешь, — сказал Аластр довольно. — Обещаю, что об этом разговоре никто не узнает. Однако никому в этом замке больше такого не говори. Особенно слугам, среди них могут оказаться хитрые уши моих недоброжелателей. А за его пределами и подавно помалкивай. Ты меня поняла?

— Да, я все поняла, — кивнула девушка.

— Что ж, — отпуская ее плечи, сказал граф. — Тогда иди в свою комнату.

Леда сделала книксен и уже собиралась уходить, как граф вдруг окликнул ее.

— Подожди, — сказал он. — Пожалуй, я подберу тебе книгу сам. В библиотеке очень много такого, чего ты не поймешь. Я просто избавлю тебя от надобности копаться. Слуги тебе ее принесут. Только верни ее мне потом сама, она из моей личной библиотеки. И будь очень осторожна, книга старинная, ей без малого семь сотен лет. Тебя это устроит?

— Да, — улыбнулась Леда, а потом добавила. — Огромное вам спасибо!

— Перестань меня благодарить, — фыркнул Аластр. — Я ничего такого не сделал.

— Не могу, — улыбка Леды стала еще шире, и она, прежде чем Аластр успел ее поругать, выскользнула в коридор.

Леда захлопнула оказавшуюся довольно тонкой и ужасно старой книгу и с тоской глянула за окно. Денек выдался хмурый, тучи вот-вот грозились в очередной раз осыпать землю снегом. Однако погода Леду в данный момент волновала мало. Больше ее занимало содержание прочитанного сборника сказок. Книга повествовала о похождениях богини Апрель — талантливой лучнице и шпионке, которая каждый раз в свой месяц расправлялась с распоясавшимися бандитами или лихими людьми. Истории о ней Леду зачаровали, но был один нюанс.

Пролистав страницы, девушка нашла нужную иллюстрацию. На ней Апрель, чем-то похожая на Латену, только с короткими волосами — по легенде она обрезала их еще в бытность свою человеком, чтобы отпугнуть от себя неискренних ухажеров, да так и носила с тех пор короткую прическу — была изображена в танце. Ее партнером являлся некий рыжий парень в широком золотистом кафтане. Лицо его покрывали веснушки, а на губах играла хитрая улыбочка. Изображение было очень красивым и нравилось Леде, но оно не подходило ни к одной из представленных в книге сказок. Это очень сильно удивило жертвенницу — зачем рисовать такой шедевр, если он кажется совершенно неуместным. Как назло нумерации страниц не было, и определить, вырвали ли из нее страницы, Леда не могла.

Однако было у нее подозрение, от которого становилось страшно.

«Неужели это Март? — подумала она. — Неужели граф решил, рискнув всем, удовлетворить мое любопытство? Может, не такой уж он и плохой? Только вот откуда у него эта книга?»

Вдруг внимание девушки привлекло какое-то шевеление за окном. Подойдя поближе, она увидела, что во внутренний дворик замка вышли двое: Аластр и Ретео. Даже издалека Леда заметила у них в руках мечи. Настоящие, железные. Мужчины встали друг напротив друга, и у Леды сердце подскочило.

«Неужели будет драка? — заметавшись, подумала она. — Зачем они вышли сражаться на улицу, разве в зале не хватило бы места? Может, что-то случилось?»

Прошла долгая, напряженная минута, и мужчины кинулись друг на друга с мечами. Леда испуганно припала к стеклу, молясь всем богам, чтобы они не покалечились. Пара ударов, пара выпадов, и Ретео отправил Аластра в сугроб. Жертвенница застыла от ужаса, но жестокой расправы над графом не произошло. Ретео протянул ее мужу руку и помог встать. Аластр отряхнулся, и они снова замерли друг напротив друга, снова кинулись в бой. Леда вздохнула. Аластр снова довольно быстро был побежден.

«Либо он плохо владеет мечом, — подумалось Леде, — либо Ретео мастер».

После третьего падения ей стало отчаянно жалко Аластра, и она решила сделать одновременно три вещи — впервые за десять дней в замке выйти во двор, отнести графу прочитанную книгу и попытаться поддержать его боевой дух. Позвав Лилу, она попросила принести ей верхнюю одежду.

Облачившись в красную, подбитую черным мехом ретонду и накинув на голову капюшон, Леда вышла во двор, шурша тяжелой серой юбкой. Под теплыми, искусно сделанными сапожками, в которых ходить было куда как удобнее чем в валенках, скрипел

колючий снежок. Девушка прошла вдоль крепостной стены и вскоре попала во внутренний дворик, вымощенный камнем. Небольшую ее часть очистили, свалив снег к крепостным стенам.

Ретео первым заметил Леду и попытался махнуть приветственно рукой. Разумеется, он отвлекся и граф тут же добрался до него, повалив на землю. Улыбнувшись, Леда подошла поближе и замерла на краю вычищенной слугами площадки у стойки для оружия.

— Поздравляю, — сказал Аластру казначей с широкой улыбкой. — Ты меня поймал. Но скажи за это спасибо вон той милой леди, которая так смущенно на нас с тобой смотрит.

Граф резко обернулся в сторону Леды и помрачнел.

— Зачем пришла? — зло спросил он. — Решила посмотреть на то, как Ретео меня избивает?

— Нет... — замялась Леда. — Просто вышла на прогулку... можно мне еще немножко посмотреть, как вы сражаетесь?

— Ну смотри, — фыркнул граф. — Только ничего интересного ты не увидишь.

— Не слушай его, Леда, — Ретео поднялся и теперь стряхивал со своего камзола снег. — Только что ты стала свидетелем того, что твой муж все же не безнадежен в деле фехтования.

— Ретео, хватит, я и без тебя знаю, что я ужасен, — поморщился граф. — Давай мы просто сразимся еще пару раз и разойдемся. Я уже начинаю замерзать.

Леда недоумевала, как они вообще еще в ледышки не превратились. Пока она одевалась, мужчины успели скинуть свои полушубки и повесить их на стойки для оружия. Леда оглядела пустующие деревянные стенды, в которых наверняка обычно торчали мечи, шпаги, копья и прочие орудия убийства. Единственным, что не убрали на зиму в замок, был массивный арбалет. Заинтересовавшись, Леда подобралась к оружию поближе и осмотрела его. Арбалет был старым, все деревянно ложе в царапинах, а стальная направляющая блестела, отполированная сотнями выпущенных болтов. Рядом с ним на стойке висел колчан со снарядами.

«Интересно, почему его здесь оставили, — подумала Леда. — Может, кто-то вытащил его из замка чтобы пострелять?»

Тем временем мужчины снова заняли свои позиции, а потом стремглав кинулись друг на друга. Красуясь, казначей крутанулся вокруг себя, увернувшись от прямого выпада Аластра. Тот не растерялся и, воспользовавшись моментом, ощутимо дал ему долом меча по мягкому месту. Ретео засмеялся, но все же взялся за дело серьезнее. По широкой дуге он опустил меч на Аластра сверху. Тот парировал и чуть отпрыгнул назад, однако оскользнулся и рухнул на землю, стукнувшись лбом о заледеневшие камни.

— Беру слова обратно, — беззлобно засмеялся казначей. — Ты совершенно безнадежен. Тебя даже бить необязательно, чтобы ты упал.

— Прекрати, — огрызнулся Аластр. — Я просил тебя поучить меня сражаться, а не издеваться надо мной.

— Ну извини, — совершенно неискренне сказал Ретео. — Вставай, а то замерзнешь.

— Хорошая идея была попрыгать на морозе, ничего не скажешь, — проворчал граф, поднимаясь на ноги. — Почему нельзя было заняться этим в замке? В бальной зале полно места.

— Надо же было хоть как-то вытащить тебя на улицу, — сказал казначей. — А то в последнее время ты заперся у себя. Иногда мне начинает казаться, дружище, что ты боишься

солнечного света. Не вампир ли ты часом?

— Ерунда, — фыркнул граф. — У меня много дел.

— Хватит ворчать. Меньше слов — больше дела.

Они сцепились во второй раз. Леда замерла, с интересом и восторгом наблюдая за ними. На этот раз драка вышла долгой. Ретео резво нападал на графа то сверху, то сбоку, то пытался пробить по ногам. Едва-едва успевая отражать удары и вовремя отскакивать, Аластр не имел ни единой возможности атаковать. Красуясь, Ретео крутился будто в танце, и наносил один широкий удар за другим. Леда невольно залюбовалась. Однако спустя пару минут ожесточенного нападения, казначей начал уставать. Да и Аластр тоже ощутимо запыхался, отражая его удары. Они замерли друг напротив друга, тяжело дыша и не решаясь напасть. И тут казначей ухмыльнулся, кинул быстрый взгляд на Леду и хихикнул. В следующую же секунду, бросив меч, Ретео присел и быстрым ударом ноги подсек растерявшегося Аластра. Граф снова упал на землю и тут же, сцапав рукой снег, запустил им в своего казначея. Тот снова заржал, чем вызвал улыбку даже у Леды.

— Вот это было нечестно, — сказал граф, правда, совсем беззлобно.

— Честно, нечестно, — развел руками Ретео. — В настоящем бою все средства хороши.

— Да? — спросил Аластр, и в глазах его загорелись недобрые огоньки. — Ну что ж, тогда и я буду играть нечестно.

С этими словами он встал и уверенно пошел прямо в сторону Леды. Девушка удивленно на него уставилась, но граф лишь усмехнулся ей и взял со стойки арбалет и повесил на пояс колчан. Сбросив на снег перчатки, Аластр щелкнул тетивой и положил в направляющую первый болт. Не долго думая, он навел арбалет на Ретео. Тот шутливо поднял руки.

— Спокойней, дружище! — сказал он. — А вдруг рука сорвется. Я прекрасно знаю, как ты хорошо стреляешь, но вдруг....

Договорить он не успел — ухмыляясь, Аластр нажал на спусковой крючок. Болт воткнулся прямо между камнями точно у сапог Ретео. Леда икнула от неожиданности. Ей не верилось, что он выстрелил, да еще и умудрился попасть с такого расстояния в щель между камнями. Тем временем граф спокойно зарядил второй болт.

— Аластр, прекрати, — попросил казначей, ощутимо пятясь к стене. — А вдруг...

— Мы с тобой в это «а вдруг» играем уже много лет, — ехидно сказал граф. — А вдруг сорвется случайно меч, и отрубит сумасшедшему графу голову? А вдруг, чисто случайно, граф приложит казначея об стенку и расквасит ему нос? А вдруг арбалетный болт попадет в колено? А вдруг дикий зверь на охоте нас услышит, и устроит себе праздничный пир? А вдруг, Ретео, а вдруг?

С этими словами он усмехнулся еще шире — как-то сумасшедше, злобно, язвительно и выстрелил еще раз. Болт пробил дырку в поле камзола Ретео. Леда испуганно охнула, казначей искренне, непристойно выругался. Аластр же опустил арбалет и фыркнул.

— Это было совсем не смешно, — сообщил ему казначей, рассматривая порванную ткань. — Этот камзол стоил мне кучу денег!

— Зато поучительно, — парировал граф. — Никогда не потешайся над тем, что может дать сдачи. И тебе тоже, Леда, урок. Если будешь вечно терпеть издевательства, то ты никогда от них не избавишься. Но стоит показать зубы...

— Очень плохой пример, — фыркнул Ретео. — Зубы надо показывать иначе. Если действовать как ты, то можно сойти за психа. Хорошо хоть я тебя давно знаю, а что подумала о тебе леда?

— Вы хорошо стреляете, — не найдя, что сказать, пискнула Леда.

— Вот видишь, леди на моей стороне, — сказал самодовольно граф, вешая арбалет через плечо.

— Она просто к тебе подлизывается, — рассмеялся Ретео. — Может еще пару раз? Мне понравилось.

— Нет уж, все, хватит на сегодня, — отрезал Аластр. — Хотел бы я, конечно, еще пострелять, но меня ждут дела. Скоро весна, Ретео, семена сами себя не закупают. Спасибо, что поучил меня.

— Да не за что, — удивился Ретео. — С каких это пор ты стал таким вежливым, дружище?

— Заразился от одной особы, — флегматично посмотрел на Леду граф, а потом, развернувшись, добавил. — Встретимся за ужином.

И тут Леда, будто очнувшись ото сна, вспомнила о спрятанной под ротондой книге.

— Постойте, граф! — позвала она.

Аластр остановился и посмотрел на нее, приподняв одну бровь. Девушка быстро добыла книгу из-под одежды, на что Ретео глупо присвистнул. Не обратив на казначея внимания, Леда вручила графу томик и улыбнулась.

— Спасибо. Возвращаю лично в руки, как и обещала.

— Да вы уже книжками обмениваетесь, голубки, — заржал Ретео. — Великие одиннадцать, Аластр, чего такого я не знаю?

— Заткнись, — буркнул граф, а потом посмотрел на девушку с интересом. — И как тебе книга?

— Очень интересная, — вздохнула Леда, а потом добавила, решив прикинуться дурачком, — только, кажется, в ней страниц не хватает и одна иллюстрация лишняя. Жаль, было бы интересно узнать, про что была та история...

— Это какая? — заинтересовался Ретео. — Покажи-ка, что за иллюстрация?

Леда быстро пролистала книгу и показала ему нужную страницу. У казначея глаза на лоб полезли. Он взял книгу и глянул на довольного не пойми чем Аластра почти с ужасом. Глянул, но сказать ничего не успел. Аластр забрал у него книгу и, довольно ухмыляясь, пояснил:

— Я тебе потом все объясню.

— А что такого в этом изображении? — удивилась Леда.

— Да... да так, — спохватился Ретео. — Просто сказка к ней была ну очень пошлой и кровавой. Наверное, даже хорошо, что ее вырвали...

Прошло еще два дня, а Леда все думала о странном изображении в книге. Связае воедино удивление Ретео и то, что Аластр прислал ей этот том сказок сразу после вопроса о мятежном боге, она только укрепила в своем предположении, что тот рыжий парень являлся ни кем иным, как Мартом. Из этого выходило, что у графа имелись запрещенные книги. Удивляло ее еще и поведение Аластра. Граф сначала отчитывает ее и говорит, что признаваться в ненависти к богине опасно, а потом вдруг дает книгу с изображением Марта, при всем при этом не торопится посвящать ее в свои планы.

«Не доверяет? — думала она, лежа на постели и играя с наевшей бока Мурысей. — Раз не доверяет, так почему показал? Я ведь могла бы побежать жаловаться на него жрецам. Его бы казнили и я, как вдова, унаследовала бы замок. Будь я плохим человеком — не было бы проще способа получить огромное состояние!»

Кошка, принесенная из Лединого дома Лилой, бросалась на перо для письма с огромной охотой. Жевала его кончик, впивалась когтями. Девушке вдруг подумалось, что возможно и граф тоже с ней так играет в какую-то странную и жуткую игру, в конце которой, ее, возможно, ждет гибель. Как кошка с мышкой. У мышки есть призрачный шанс сбежать прежде, чем ее съедят. Только вот кошка все же очень жестоко обращается со своей добыей, Аластр же только иногда ворчал, в остальном предоставлял ей полную свободу. Только из замка выходить не давал.

Тяжело вздохнув, Леда глянула за окно. На улице уже давно сгустился мрак. Кошка, наигравшись ушла по каким-то своим делам. Жертвенница задула свечу, и только тогда поняла, что в комнате подозрительно тихо. Пропали завывания вьюги за окном, затихли дрова в камине, комната погрузилась в поглощающий все звуки кисель. Это могло значить только одно — где-то рядом вот-вот появится призрак.

Какое-то время Леда пристально следила за комнатой, но гости все не появлялись. Уже решив, что ошиблась, она расслаблено перевернулась на другой бок и чуть не свалилась с постели от неожиданности. Прямо рядом с ней, поверх одеяла, лежала девушка и смотрела куда-то в пустоту совершенно бессмысленным взглядом. До Леды не сразу дошло, что незваная гостя просвечивает. Она оказалась довольно худой и некрасивой. Ее губы были глупо приоткрыты, из-под них торчали острые резцы — прямо как у кролика. Девушка держалась за уже начавший округляться живот, однако в этих прикосновениях не было ни капли любви. Ее пальцы блуждали по коже, то и дело надавливая. Леде подумалось, что ребенку должны были быть весьма неприятны такие тычки.

Вдруг голова призрака дернулась. Она повернулась на спину, осторожно встала, потеряла что-то на шее. Только сейчас до Леды дошло, что на незнакомке такой же медальон, как и на ней самой. Призрачная девушка невесомыми шажками прошла к двери и прислонила к ней ухо. Послушала какое-то время, потом, прихватив с каминной полки призрачный канделябр, вышла в коридор. Леда, будто зачарованная, поспешила за ней. Ей было интересно, куда же идет незнакомка. Жертвенница подумала, что призрачная леди вполне могла бы быть одной из покойных жен графа.

Вслед за своей провожатой она, прижимаясь к стенам, спустилась по лестнице в

подвалы. В этой части замка Леда еще не была. Здесь стояло много старых, покрытых ржавчиной рыцарских доспехов, на стенах, сложенных из огромных, ровно отесанных глыб, висели мечи и щиты, обычные красные дорожки отсутствовали. Факелы здесь не горели, и все, что видела Леда, это небольшой кусочек коридора позади и впереди себя. От этого ей становилось жутко, но она все равно упрямо шла за призраком.

Помимо оружия изредка на стенах попадались картины. Это были преимущественно пейзажи или сцены охоты. В очередной раз девушка удивилась тому, что за неделю в замке не видела ни единого портрета. Ее удивляло это. Она всегда мечтала, что художник нарисует ее, и картина сохранит память, даже когда самой Леды уже не станет. Ее удивляло, почему граф не хотел воспользоваться услугами людей искусства и запечатлеть для потомков хотя бы себя.

Тем временем они прошли еще два поворота. Леда уже хотела плюнуть и возвратиться в комнату — не дай боги заблудиться и нарваться на кого-нибудь, как потом объяснять, как она попала в подвалы? И тут призрачная леди остановилась наконец у обшарпанной двери. Прижалась к ней ухом и глаза у нее забегали. Незнакомка легко потянула за ручку, однако дверь не открылась. Призрак этого не заметила, и просто прошла сквозь нее. Леда поняла, что в момент перед смертью призраку все же удалось открыть дверь и проникнуть внутрь.

«Интересно, какая это из двух жен? — подумалось Ледде. — Живот вроде не слишком большой, значит наверное вторая. Та, что упала с лестницы».

Не долго думая жертвенница попыталась открыть дверь, но та оказалась заперта. И тут до Леды донесся крик.

— Нет, не приближайся! — заорал призрак из-за двери противным визгливым голосом. — Не смей подходить ко мне! Я не знала... мне... ааааааааааааа!

После этого все стихло. Леда затаила дыхание, ожидая еще каких-либо звуков, но их не последовало. Тогда жертвенница еще пару раз дернула за дверную ручку. Ей казалось, что она узнает что-то страшное об Аластре, если ей только удастся попасть в эту комнату. Однако дверь не поддавалась, и Леда, тяжело вздохнув, уже хотела уходить, как вдруг на ее плече опустилась тяжелая рука.

— Ну, и что же мы здесь делаем?

Разумеется, за ее спиной стоял Аластр. Леда даже поначалу не узнала его. На нем была белая сорочка с широким воротом и легкие брюки. Он распустил свои волосы — черные как уголь, жесткие, чуть ниже плеч — и теперь они падали на узкое бледное лицо. Да к тому же, не смотря на встречу в столь проблемном на ее взгляд месте, он выглядел довольным. Видно, призрак скрыл его шаги от девушки, и он довольно давно неслышно следовал за ней.

— Кажется, ты познакомилась с Мери, — сказал граф. — Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Не переживай, я покажу тебе, чего так напугалась моя вторая жена. Думаю, тебе все же можно доверять.

Он снял с пояса объемную связку ключей и сунул один из них в замочную скважину. Замок щелкнул, граф открыл дверь. Леда заинтересованно и пугливо глянула за нее, и увидела лестницу, идущую вниз. Осторожно забрав у своей жены канделябр, граф спокойно спросил:

— Давай немного подождем, пока призрак появится. Увидишь, что послужило причиной ее смерти. А пока... Итак, Леда, умеешь ли ты хранить секреты?

— Да, — удивилась девушка.

— Скажи, ты поняла, зачем я дал тебе почитать ту книгу?

Прикусив губу, Леда крепко задумалась. Ей хотелось получить ответы на накопившиеся у нее вопросы, но одновременно с тем и не хотелось подтвердить свои опасения. Она предполагала, что может находиться внизу.

— Да, думаю, поняла, — в конце концов решила она. — На той картинке ведь был Март?

— Да, — кивнул граф. — Еще вопросы есть?

— Вы ведь сказали, что такие вещи нельзя хранить, — потупившись, осторожно сказала Леда.

— Именно, — не стал спорить Аластр. — Однако порой чтобы добиться блага нужно нарушать правила. А иногда и не только правила, но и законы. Тебе сложно это понять, но...

— Нет, я понимаю, — сказала Леда осторожно, а потом, подумав, добавила. — Это как для жертвенницы сбежать и скрываться. С одной стороны ты становишься преступницей, а с другой ты просто напросто пытаешься спасти свою жизнь.

— Хорошая мысль, — похвалил ее Аластр. — Правильная.

— Однако я не понимаю, какого блага можно добиться, храня у себя запрещенные книги? — осторожно спросила Леда.

— Через пару минут все узнаешь, — сказал Граф с загадочной ухмылкой. — Но до того скажи, почему ты не сбежала? Люди, которые выступали в роли твоих родителей на сватовстве сказали, что ты — борец. По крайней мере у меня возникло такое чувство. Сложно поверить, что маленькая девочка выжила практически в одиночку в этом злом и холодном мире. Но ты вовсе не похожа на борца. Не протестуешь, не дознаешься, все принимаешь как должное. Почему так? Или твои родные вралли?

— Не вралли, — потупилась Леда. — Просто... просто это сложно объяснить. Понимаете, я всегда, все свое детство и юность думала, что я — особенная. Что мне все

нипочем, что я и одна справлюсь. Я так гордилась тем, что переняла мастерство шитья у старой портнихи, так гордилась тем, что выжила, что... что когда пришел Мелунас и, избив меня, назначал дату моей смерти, я просто... просто не выдержала. Вся моя жизнь, вся моя борьба показалась мне бесполезной тратой времени. Я столько старалась, так надеялась на долгую и счастливую жизнь. Думала, что рано или поздно в меня кто-нибудь влюбится, я выйду замуж и мы будем вместе строить свое счастье. Думала, буду обшивать до старости знатных дам. А тут вдруг — жить осталось всего несколько лет. Я просто поняла, что все то, о чем я мечтала, не сбудется... и мне стало... все равно...

Лада закусила губу, чтобы не заплакать. Граф покачал головой:

— Надо было бороться дальше.

— А как? — сказала она с отчаянием. — Бежать? Не выйдет, жрецы меня везде найдут. Перебраться через границу в государство поменьше? Так ведь я дальше города нигде не была, я и дня на улице не выживу. Что можно противопоставить богине?

— Не бывает непреодолимых препятствий, — загадочно сказал Аластр. — Я много лет потратил на то, чтобы найти выход и нашел. И то, то случилось в нашу неудавшуюся первую брачную ночь, было всего лишь маленьким шагом в осуществлении моего плана. А вот и Мери.

Из-за угла и правда вынырнула полупрозрачная девушка. Дойдя до двери, она проделала ровно те же действия, что Леда видела ранее, а потом начала спускаться по ступенькам. Аластр подтолкнул жертвенницу вперед, и она поспешила вниз. На середине Аластр заставил жертвенницу остановиться и указал на одну из ступенек. Леда недоуменно осмотрела ее, но ничего примечательного в ней не нашла. Призрак тем временем дошел до самого низа и заглянул в дверной проем. Какое-то время Мери смотрела внутрь помещения не отрываясь, а потом попятилась. Аластр сказал глухо:

— Подожди, я все объясню.

— Нет, не приближайся! — заверещал призрак.

— Мэри, это не то, что ты подумала, — так же глухо повторил, видно, свои прошлые слова граф.

— Не смей подходить ко мне!

— Ты ведь знала, ты слышала слухи. Да, это правда. Но я могу все объяснить.

— Я не знала... мне...

После этих слов она развернулась и кинулась бежать вверх по лестнице. Леда явственно видела, как она оступилась точно на той ступеньке, на которую указал ей Аластр. Каблук второй жены графа обломился.

«Вот Латенка дает, — подумала удивленно Леда, на секунду забыв о происходящем. — Угадала ведь!»

Призрак завопил истошно и, взмахнув руками, упал прямо на ступеньки. Хруста Леда не услышала, но поняла, что Мери сломала себе позвоночник. Нечто блеснуло и покатилося вниз по лестнице. Присмотревшись, Леда поняла, что это был призрачный медальон. Лицо покойницы застыло в самой глупой из всех посмертных масок — рот открыт на всю ширину, обнажая гнилушки зубов, глаза распахнуты. Туфля без каблука, убившая вторую жену графа, валялась двумя ступеньками ниже.

Закрыв лицо руками, Леда покачала головой. Ей было больно смотреть на призрака.

— Полно тебе, — сказал граф. — Она уже пропала.

«Что же там внизу, если она так испугалась? — подумала Леда. — Не может же быть,

что она испугалась какой-то книги про мятежного бога».

Отняв руки от лица, она глянула на графа. Тот кивнул ей, предлагая идти первой. Девушка вздохнула, собрала свои страхи и сомнения, запихнула их в дальний уголок сознания и зашагала вниз.

Пламя свечей тускло ответило маленькую комнатку с каменными стенами. На первый взгляд ничего примечательного в помещении небыло — слева посеревший от старости грубый письменный стол с разложенными на нем книгами, колбами, драгоценными камнями и какими-то непонятными инструментами. Рядом со столом — стеллаж, заполненный различными диковинками. Огромный череп какого-то рогатого животного соседствовал со старинной фарфоровой куклой, покрывшийся зеленью медный светильник — с усыпанной камнями диадемой, а чучело ворона мирно стояло на стопке писем. Слева же располагалось два книжных шкафа. Книги были ужасно старыми, огромными, некоторые даже в деревянных переплетах. Между этими книжными шкафами стояла черная статуя, вытесанная из черного гранита. Леда сразу поняла, откуда здесь взялось это изваяние. Оно наверняка ранее занимало самый первый, ныне пустующий постамент в храме.

Подойдя поближе, Леда удивленно разглядывала статую мятежного бога. Март широко улыбался, лицо его светилось веселостью и азартом. Худой, угловатый, с очень коротко стриженными волосами, он весь был покрыт конопушками — скульптор на их месте сделал небольшие углубления в камне. И пусть скульптуре не хватало цветов, Леда уже знала — он солнечно рыжий. Но что больше всего поразило ее — в нем не было и капельки злобы.

— Итак, — Аластр вытащил из-под стола притаившуюся там табуретку и уселся на нее. — Наверняка у тебя много вопросов. Задавай. Постараюсь ответить.

— Зачем? — спросила Леда решительно.

— Видишь ли, я все же граф, — сказал Аластр. — И, как бы отстраненно я себя не вел, меня заботит состояние моего графства, да и мира в целом. А положение таково, что мы медленно вымираем. Из-за холодного лета земля родит все меньше и меньше, животные гибнут зимами от холода. Королевская династия раз в десять лет проводит своеобразный «пересчет голов» — может, попадала под него?

Леда кивнула. По деревням и городам действительно ходили люди и считали, сколько где и кого. Эта процедура ее всегда забавляла — ну зачем?

— Хорошо, раз попадала, — хмыкнул граф. — Это действие проходит уже почти тысячелетие. После подсчета цифру гравировать на камне в королевском дворце. Так вот, я видел этот камень. И четверти людей не осталось от нас с тех пор, как пришла ко власти Январь. Это не очень заметно из-за того, что сокращение населения идет очень медленно. Однако знала бы ты, сколько у нас в графстве заброшенных деревень.

— И как это связано с поклонением мятежному богу? — спросила Леда осторожно.

— Я ему не поклоняюсь, — покачал головой граф. — Разве я говорил тебе такую ерунду? Да и зачем, если они все равно мертвы, кроме Январь. А по поводу того, зачем я все это собрал здесь. Что ж, отвечу тебе твоими же словами. Чтобы понять, что он за существо такое и решить для самого себя, стоит ли его ненавидеть. И знаешь... я все же решил, что не стоит.

— Но он ведь убийца! — запротестовала Леда. — Если бы не он, мы жили бы счастливо!

— Знаешь что, — Аластр нахмурился. — Слабо мне что-то верится, что он мог кого-то

убить. Но этого в двух словах не объяснишь. Если ты захочешь докопаться до истины — приходи сюда и читай. Ты быстро поймешь, о чем я говорю.

— Мало ли, что и где могли написать, — нахмурилась Леда, а потом задала второй очень важный для себя вопрос. — Что за медальон висит у меня на шее?

— О, это очень интересная история, — сказал граф. — Итак, мною было найдено писание одного жреца, если не ошибаюсь он поклонялся Февралю. Семьсот тридцать пять лет назад, если верить некоторым историческим документам, наступила годовая зима. Так вот, этот жрец писал в своей летописи о том, что в день начала годовой зимы небо прочертили две падающие звезды. Одна упала на западе от его храма так далеко, что он не смог точно определить место падения, вторая рухнула совсем рядом, пробив дыру в крыше старой колокольни. Причем, если верить его записям, «звезды» какое-то время летели высоко над землей по дуге прямо от северо-западных гор где, по преданию, находится Храм Двенадцати — место, где по легендам жили боги. И то, что висит у тебя на шее, это та самая вторая звезда.

Леда удивленно распахнула глаза.

— И... что же это значит? — удивилась Леда. — Если это... это что, личная вещь кого-то из богов?

— Не просто вещь и не просто кого-то, — прищурился граф. — На твоей шее висит, если верить некоторым записям, медальон Марта.

— Но с чего вы взяли, что он принадлежит ему? — удивилась Леда. — И почему, в таком случае, он не снимается? Если это личная вещь бога, то как я, простая смертная, могу его носить?

— Не имею ни малейшего понятия, — пожал плечами Аластр. — Однако опять же, если верить легендам такие медальоны были у каждого из богов. Есть даже предположение, что именно они давали им силу. А по поводу того, почему я уверен в том, что он принадлежал Марту — была еще одна запись у того жреца. Он подобрал медальон и спрятал его в своей келье. Ты бы знала, каких трудов нам с Ретео стоило попасть в то подземелье, чтобы раздобыть эту вещицу. Так вот, жрец писал, что спустя три или четыре года после годовой зимы медальон совершенно внезапно с ним заговорил. Жрец был так ошарашен этим, что не записал разговора, за что, честно говоря, я его буквально ненавижу. Однако он упомянул следующее. Медальон представился духом Марта и попросил жреца помочь ему воскреснуть. Однако жрец был так труслив, что предпочел спрятать украшение за камнем, чем помогать падшему богу.

— Так значит, со мной тогда говорил сам Март?! — удивилась Леда.

— Именно так, — кивнул граф. — И теперь мы подходим к самому главному. Я не один изучаю его. Есть люди при королевском дворе, которые считают, что если бы миром правил Март, нам жилось бы гораздо лучше. Однако эти трусливые твари только болтают, а я, как видишь, делаю.

— Каким образом? — испытывая плохое предчувствие, спросила Леда.

— Видишь ли, я уже говорил, что иногда ради благого дела нужно переступить и через закон, и через мораль, — нахмурился граф. — Однако знай я, что для пробуждения души Марта всего-навсего нужна была жертвенница, я бы не стал делать всех тех неприятных вещей. Я долго экспериментировал. Пытался каким-либо образом переместить душу из медальона в живое или мертвое тело. Увы, это требовало определенных жертв.

У Леды по спине побежали мурашки. Воображение услужливо нарисовало сцены

убийство людей. Ей пришлось помотать головой, чтобы прогнать эти мысли. Медальон у нее под сорочкой начал ощутимо нагреваться.

— Я перепробовал множество способов — законных и не очень, — продолжал совершенно спокойно граф. — Перепробовал почти все, что было написано в древних книгах по магии. Однако успеха так и не добился. И тогда у меня остался последний шанс. Он заключался в том, чтобы девушка, нося медальон, забеременела и родила ребенка. Был только один маленький нюанс — те, кто носил медальон, не могли его снять и умирали, не прожив и года от какого-нибудь несчастного случая...

К такому Леда оказалась не готова. Да, она знала из слухов, что граф мог убить своих жен, что он поклонялся Марту, но правда оказалась гораздо страшнее. Руки у жертвенницы сами собой сложились в кулаки, костяшки пальцев побелели.

— Единственным шансом было просто пробовать до тех пор, пока какая-нибудь из девушек не доживет до родов, — продолжал граф. — Однако тут возникла небольшая проблема — за мной начали пристально, очень пристально следить и проводить эксперименты в подвалах замка, как мы это делали раньше, перестало быть возможным. И тогда я, не намереваясь отступить от задуманного, рассорился со всем высшим светом и, начав жить затворником, решил осуществить задуманное женившись. Выбирал специально тех, кому недолго оставалось жить. Например первая моя жена была больна одной неприятно, но не заразной болезнью, а вторая...

Договорить он не успел. Злоба на него за то, что он так просто относится к человеческим смертям, переполнила Леду. Ей стало очень обидно и за себя, и за двух мертвых жен графа, и за тех несчастных, что умерли в этих подвалах. Еще никогда в жизни ни на кого она не была так зла. Ее бил Мелунас, но она сама никогда не смела поднять на него руку. Ее обижали в деревне мальчишки, и она никогда не смела даже пикнуть. Однако издевательство над другими всегда вызывало у нее жгучую ненависть. И эта ненависть вылилась в звонкую, заставившую графа удивленно округлить глаза пощечину.

Какое-то время они молча, с ненавистью смотрели друг на друга, а потом Леду будто бы прорвало:

— Да как вы могли издеваться над умирающими женщинами?! Им осталось всего ничего, а вы губили последний год их жизни! И вам не стыдно за это? Какое это благо, если оно делается злыми делами?! Неужели нельзя было придумать другого способа?

— У меня не было выбора! — разъяренно вскочил Аластр. — Кто дал тебе, смирившейся со своей смертью, право тыкать меня носом в мои дела?

— Я хотя бы никого не убила, — парировала Леда. — Уж лучше умереть, чем убивать других людей.

— Великие двенадцать, — закатил глаза Аластр. — Я так надеялся, что женюсь, наконец, на женщине, которой смогу открыть всю эту грязь и которая поддержит меня, а женился опять на какой-то дуре. Да пойми же ты, не было никакого другого выбора, кроме как пробовать и искать способы достигнуть желаемого. Я перепробовал все возможные гуманные варианты, а потом мне не оставалось ничего, кроме как попробовать негуманные!

— Выбор всегда есть, вы же сами сказали, — ответила ему Леда. — У меня этот амулет заговорил! Возможно у кого-то раньше он тоже говорил, кроме жреца. Нужно было раскопать эти данные и...

Звонкий хохот, вырвавшийся из медальона, заставил ее замолчать. Они с графом замерли, не смея шевельнуться. Какое-то время медальон от души хохотал, а потом, утих,

мерно пульсируя:

— Господин, вы проснулись? — отойдя от первого удивления, осторожно спросил Аластр.

— Так просто оправдать убийство благими намерениями, — прошептал медальон. — Однако принося жертвы на алтарь справедливости, не становишься ли ты похож на того, против кого борешься, человек? Брось... лучше найди гору Клык Соболя и проверь там, возможно...

После этих слов медальон замолчал, и в подвале повисла тишина.

КОНЕЦ ЧАСТИ 2

На следующий день за столом Аластр так и не появился, чему Леда была даже рада. Ковыряясь в своей тарелке с кашей, девушка размышляла о вчерашнем вечере. Только она к графу привыкла, только начала относиться к нему чуть лучше, как он дал ей новый повод для неприязни. Это ее угнетало. Она не могла поверить в то, что приличный, вроде, человек мог делать то, что делал граф.

Ретео — необычно тихий и явно не выспавшийся — так же как и она до сих пор не притронулся к еде. Бабушка графа не спустилось — в последнее время у нее совсем начали отказывать ноги, и она была вынуждена есть у себя в комнате. Горн, быстро съев свою порцию, удалился восвояси, не став спрашивать о причинах общего уныния. Только после этого казначей поднял на девушку измученный взгляд и сказал:

— Ты уж прости нас, хорошо? И меня, и Аластра. Ведь я тоже виноват. Я всю эту кашу с тобой заварил...

— Не думаю, что ты виноват, — насупилась Леда и, припомнив слова медальона, добавила. — Не ты же на мне женился, чтобы принести в жертву на алтарь своей идеи! Прав был вчера медальон — ничем вы не лучше Январь

— Мдам... в чем-то ты права, — тяжело вздохнул Ретео. Он закусил губу, будто борясь с собой. Явно ему было что сказать, но он все же смолчал, а Леда не имела никакого желания дознаваться.

— Так если я права, почему вы всем этим занимаетесь? — спросила она. — Это же ужасно!

- Я давно ему об этом говорил, — насупился Ретео. — Но попробуй разубеди Аластра. Если уж он во что-то уперся, то его не остановишь.

— Я вот только не понимаю, чего он мне рассказал-то? — фыркнула Леда. — Жила бы себе и жила спокойно. Я ведь уже почти смирилась с тем, что он меня недолюбливает, даже вроде хорошо к нему начала относиться...

— С чего ты взяла, что он тебя недолюбливает? — удивился Ретео. — Знаешь, Леда, если бы ты ему не нравилась, он бы совсем иначе себя с тобой вел. Не в любовном, конечно, плане, не думаю, что он на такое вообще способен. Но насколько я его знаю ты ему пришлась по душе. Ты бы видел, как он с прочими своими женами обращался!

— Не рассказывай, — закрыла лицо руками Леда. — Я не могу ненавидеть его еще больше, чем сейчас.

— Да ничего там такого нет, — пожал плечами Ретео. — Он просто с ними не разговаривал. Вообще. Ни слова, ни полслова. И за столом они с ним, как часть его семьи, не сидели. Первая попыталась, так Ал ее выгнал. И уж тем более он ни одной из них наши секреты бы не раскрыл.

— Так мне-то почему открылся? — тяжело вздохнула Леда. — Я-то чем такая особенная?

— Ну знаешь, — Ретео тяжело вздохнул. — У меня такое чувство, что он решил поискать в твоём лице союзника. Он сначала знаешь как ехать свататься к тебе не хотел? Брыкался, пинался, ругался, но... выбора другого у него не было. Медальон же висел уже у

тебя на шею. А когда он узнал, ну... и про то, как ты одна выжила, и про то, что твой отец сделал... он подумал, видать, что ты — такая же как и он. Что ты тоже Январь смерти желаешь и готова будешь ему помочь, бороться с ним плечом к плечу. К тому же ты так всегда к нему дружелюбно относишься. Черт возьми, я его таким веселым в последний раз видел в тот день, когда мы этот треклятый медальон из того засыпанного подземелья вытащили.

Леду очень больно кольнуло слово «мы». Все же Ретео нравился ей куда как больше хмурого и мрачного графа. Не хотелось даже думать о том, что они вместе измывались над людьми. Однако слова казначея ее немного удивили и самую малость обрадовали.

— Просто Ал всегда такой хмурый, — добавил Ретео. — Уж можешь мне поверить, я его чуть ли не с пеленок знаю. Мы оба родились и выросли в этом замке. Вы с ним на самом деле очень похожи, Леда. Оба боролись за свою жизнь все детство.

— Да какая борьба за жизнь может быть у графа, — поморщилась Леда.

— Ты не знала его отца, — нахмурился Ретео. — Не надо так пренебрежительно, красавица. Были моменты, когда мы думали, что Аластр просто умрет от побоев.

Ощувив стыд за свое пренебрежение девушка решила извиниться. Она слышала о жестокости прошлого графа, но как-то не предала этому значения. Только она открыла рот, чтобы высказать свои соболезнования, как дверь в зал распахнулась и вошел Аластр. Вид у него был всклокоченный и какой-то рассеянный. Ретео застонал, запрокинув голову.

— Великие двенадцать, когда же ты уже свалишься от усталости, изверг! — сказал он в потолок. — И так всю ночь искали этот чертов Клык, нету ничего о нем в наших записях, успокойся уже!

— Врешь, зараза! — граф, под глазами которого залегли темные круги, победоносно положил перед Ретео раскрытую книгу. — Надо было просто покопаться подольше!

— Если бы я задержался еще хоть на минуту, то вырубился бы, — нахмурился Ретео. — Ты хоть с Ледой-то поздоровайся.

— Да-да, доброе утро, — рассеянно глянув на жертвенницу, сказал Аластр, а потом снова уткнулся в книгу. — Вот здесь, смотри! Гора Вой!

— Ну да, старая сказка про воющую гору, чего такого-то? — почесал в затылке Ретео.

Леда скрестила руки на груди. Она думала, что граф хотя бы будет смущен ее присутствием, но он не обращал на нее ровным счетом никакого внимания. Видимо, их вчерашняя ссора забылась им, как и все его злодеяния.

— А того, — победоносно, широко улыбнулся Аластр. — Что гора эта была некогда в два раза выше и уходила под углом вверх. По легенде гора разозлилась на живущих под ней людей и обрушила им на головы град камней. Вечно эти сказочники все переврут до безобразия!

— Ну и что? — удивился Ретео. — Не понимаю, к чему ты клонишь?

— Да к тому, что в тех краях как раз был соболий промысел, — сказал Аластр. — Деревня даже так называлась — Соболевка. Покопавшись, я узнал так же и то, что гора начала выть именно после того, как обрушилась. Стало быть ее вполне могли переименовать. А самое приятное — она как раз далеко на западе от того храма, где мы с тобой нашли медальон. И датируются эти сказки примерно нужными нам годами.

— Поверить не могу, неужели нашли? — округлил глаза Ретео. — Ты кого-нибудь на разведку послал?

— Да, послал, — ухмыльнулся граф. — А еще отправил почтовым голубем письмо

Вадгриму. В общем как только вернется разведчик, я возьму с собой несколько толковых стражников и отправлюсь туда.

— Вот и славно, — улыбнулся ему Ретео. — А теперь иди-ка ты спать. А то выглядишь как живой покойник. Смотреть на тебя страшно.

И тут Леда не выдержала. Она поднялась со своего места и, с вызовом глянув на графа, сказала:

— Прекратите всем этим заниматься, пока еще кто-нибудь не умер!

«Хотел, чтобы я боролась, чтобы не была мямлей? — подумала она. — Так получи не мямлю».

Аластр, посмотрев на нее, скривился как от зубной боли, Ретео покачал головой.

— Ой зря ты это сказала, — пробурчал казначей, предусмотрительно отодвигаясь чуть дальше.

— А что ты мне предлагаешь? — вкрадчиво спросил граф. — Сидеть у себя в замке и надеяться, что ситуацию исправит кто-то другой? Ждать рыцаря в блестящих доспехах и на белом коне? Прости, Леда, но те времена давно прошли...

— Хотя бы не убивать людей, — парировала Леда. — Правильно вчера медальон сказал — ты...

— Это не одно и то же! — отрезал граф. — Январь забирает женщин, которые могли бы родить детей, а я убирал с улицы пьяниц и бездомных, выкупал из тюрем убийц...

— А они что, не люди что ли?! — еще больше разъярилась Леда. — Мало ли, из-за чего они могли оказаться на улице или спиться?! Вдруг их обманом туда вытурили, или у них, например, дом сгорел? А убийцы — мало ли кого они убили?! Может, такой человек убил бандита, пристававшего к его дочери? Вы об этом подумали?

— Лучше бы ты дальше оставалась тихой и покорной девушкой, чем несла такую чушь! — взвыл граф. — Подумай сама, эти люди гадят, воруют, убивают ради еды. Они уже и не люди вовсе, а помойные крысы! Да даже бездомные собаки лучше них!

— Ну хорошо, пусть так, хотя я и не согласна, — махнула рукой Леда. — Но ваши жены?! Они что, тоже хуже помойных крыс? Они могли бы прожить долгую и счастливую жизнь. А что получили? Глупую, бесполезную смерть ради осуществление странной идеи какого-то графа!

Аластр прикусил губу и посмотрел на девушку глазами, полными ярости. Ему явно нечего было сказать.

— Я бы еще поняла, если бы идея была хотя бы немножко хорошей, — продолжала напирать на него Леда. — Но воскресить мятежника, это же надо додуматься до такой замечательной мысли! А вдруг он после возвращения к жизни возьмет, и уничтожит мир? А вдруг он окажется еще хуже Января?

— Думаешь, я такой дурак? — поднял бровь граф. — Думаешь, я просто так собирал записи о нем, рискуя жизнью? Думаешь, если бы я узнал о том, что он — действительно жестокий злодей, каким его преподносят легенды, я бы стал пытаться его воскресить? Все гораздо сложнее, Леда. Во много раз.

— Да, ты просто не знаешь. О чем говоришь, — примкнул к графу притихший Ретео. — Я вообще не понимаю, как этот бог мог кого-то убить. Ты просто спустишь в подвал и почитай. Столько много нового узнаешь!

— А вдруг там все ложь? — нахмурилась Леда, ощущая, как ее уверенность дает трещину.

— Этим книгам более семи сотен лет, — пожал плечами граф. — Ты понятия не имеешь, как определить возраст книги, а вот я знаю. И я говорю тебе — они подлинные. Мы находили их вместе с кладами, в сундуках. Выкупали за бешенные деньги у опальных жрецов и староверов. Ездили за ними в другие страны. Порой нам их просто приносили — чтобы мы сожгли или передали их королю. И все они — подлинные образчики истории. Если ты не веришь мне на слово — я могу показать тебе, как определяется возраст. Посмотришь сама.

— Но это... дело не только в Марте, — вдруг добавил Ретео. — Дело и в Январе. Легенды о ней тоже явно были кем-то переписаны. Глянуть на старые — так кровь стынет в жилах от того, что она творила. Такое ощущение, будто после становления единственно богиней она постаралась переписать историю, чтобы к ней лучше относились.

— Но... — хотела еще что-то возразить Леда, однако граф прервал ее уже гораздо мягче.

— Давай ты спустишься в подвалы и почитаешь. Ты ведь любишь читать, Леда. Ты ведь как раз хотела понять, что Март за человек. Ну вот тебе шанс, можешь брать книги. Только, уж прости, выносить их оттуда нельзя.

— Хорошо, — тяжело вздохнув, опустилась на свое место Леда, а потом, ощутив укол стыда за свою вспышку, добавила. — Извините меня... просто... просто я так надеялась, что все, теперь-то моя жизнь в безопасности. А теперь я узнаю о том, что из-за этой... железяки, — она ткнула в медальон, — жить мне осталось чуть меньше года. Потому извините...

— Ну, — дернул плечами Ретео. — Я думаю, что когда Март возродится, то снимет его с тебя. Может, все обойдется?

— Можешь даже со мной в пещеру отправиться, если тебе не удастся его снять, — предложил Аластр. — Этот Соболиный Клык не так уж и далеко. Два с половиной дня пути на карете, если быть точнее.

— Нет уж, потерплю, — буркнула Леда. — Лучше проводите меня в подвал... я уже сыта.

Тяжело вздохнув, Леда отложила в сторону очередной увесистой томик.

Сначала, решив докопаться до истины, она думала, что просто просмотрит пару старых легенд и уйдет в свою комнату вышивать на платье узоры. Как же она ошибалась. Старинные книги оказались куда как интереснее всего остального. Из темной комнаты, украшенной скульптурой мятежника, она выбиралась только чтобы поесть и поспать. Впрочем, это того стоило.

За те шесть дней, что она изучала книги, у нее в голове проросло и крепко укоренилась одна простая истина. До переворота Марта все обожали. И было за что. Даже настроенная очень и очень скептически Леда прониклась к этому безобразнику неким подобием симпатии. У нее в голове не укладывалось, как такой веселый, помогавший в свое время беднякам бог мог вообще кого-то убить. К тому же в легендах он часто останавливал казни даже страшных преступников, проучивая их по-своему. Кто-кто, а Март всегда боролся против убийства.

Зато Январь в старинных сказках представлялась в совсем уж дурном свете. В тех преданиях, что Леда читала до этого, богиню рисовали как красивую, мудрую и справедливую леди. Да, она была строга, но не более того. В старых же сказках Январь напоминала больше чудовище, чем человека. Она убивала любого неугодного, выставя это как наказание за несуществующую провинность, она плела интриги и смешивала людей с грязью, она обманывала и подставляла.

«Неудивительно, что она заставляет приносить себе жертвы, — в какой-то момент подумала Леда. — Ей же нравится убивать!»

Этот контраст между победительницей Январь и проигравшим ей Мартом ощущался очень и очень хорошо. Март проказничал. Он проучивал воров, заставляя их сознаться в своих преступлениях и вернуть награбленное. Он подкидывал добрым беднякам карты сокровищ. Он, прикинувшись странником или менестрелем, примыкал в бродягам и помогал им найти свой путь в жизни. Он заставлял влюбляться друг в друга стариков, водил хороводы с бедняками и влюблял в себя девушек. Что же делала Январь? Она путешествовала по земле в карете, останавливаясь то в одном городе, то в другом. Если кто-то смел преградить ей путь, даже ненарочно — она безжалостно убирала мешавшегося ей человека. В городах она могла запросто разорить лавку, где ей продали подгнившее яблоко, или заставить замерзнуть бедняка, непочтительно попросившего у нее монетку. Она, будучи божественно красивой, влюбляла себя мужчин, уводя их от семьи, а потом бросала с разбитым сердцем. Она доводила слишком красивых женщин до самоубийства. А что самое главное — она не испытывала из-за этого никаких угрызений совести.

Дверь наверху хлопнула, и Леда, отвлекшись от очередного томика, обернулась. На лестнице послышались голоса Ретео и Аластра, они о чем-то довольно громко переговаривались. Мужчины влетели в тесную подвальную комнату так стремительно, будто за ними гнались, и Леда забеспокоилась — не случилось ли чего. Однако, как оказалось, они были не одни. За ними спустился парень, которого раньше жертвенница не видела — тощий, совсем еще молоденький, с только-только начавшими прорезаться усиками.

— Леда, знакомься, это Шур, он свой, — представил замешкавшейся девушке незнакомца Ретео. — Аластр отправлял его к горе Вой на разведку. Вот, приехал, и мы решили, что тебе тоже будет интересно послушать.

Девушка нахмурилась. Читать-то ей было интересно, но вот влезать во всю эту авантюру с воскрешение мятежного бога ой как не хотелось. Однако, смолчав, она поднялась со своего места и сделала книксен. Шур, заулыбавшись и покраснев, отвесил ей поклон чуть ли не до земли. Пялился он на нее с неприкрытым восторгом. Приметив это, Аластр дал парню подзатыльник.

— Бросай-ка ты слюни пускать на мою жену, — сказал строго граф. — К делу. Что там?

От слов «моя жена» Леда покраснела. Иногда она начинала забывать, что действительно является женщиной графа, ведь тот не касался ее и пальцем. Впрочем, они с Аластром почти не разговаривали. Леда была все еще зла на него и ничего не могла с собой поделать. Она отвечала на его вопросы, если он спрашивал, однако старалась ограничиться скухими «да» или «нет» и побыстрее скрыться от него в подвале.

— А, ну да... — почесав затылок, сказал парень. — Доехал я до того... до той горы. И, ну... ворота тама.

— Ворота? — удивился граф. — Какие такие ворота?

— Да я это... того, — замялся парень. — Приехал сначала, ничего не понял, начал кругалю вокруг нее давать, ну и вижу — пещера. Ну, я лошадь привязал, стало быть, полез туда. Прошел шагов сто вглубь с факелом, а там — ворота. А за ними воеет что-то, ходит, будто живое что.

— Как они выглядят? — спросил Аластр.

— Кто за дверью-то? — переспросил разведчик. — А почему мне знать? Я ж зрить сквозь стены не обучен, а зазора там нет, я искал.

— Да нет, дубина, ворота как выглядят? — спросил граф раздраженно.

— А, ворота, — хлопнул себя по лбу парень. — Стало быть большие, сверху полукруглые. Из металла какого-то. Толь медь, толь бронза — пес знает, я не кузнец. Запертые. Я как не дергал — даже не шелохнулись. А что самое чудное — нет никакого для ключа разъема. Я как только не искал. Думал, мож каким механизмом открываются — надавить там надо, иль еще как-то. Короче так я их и не открыл.

— Магия? — спросил Ретео с сомнением.

— Возможно, — поднял бровь граф. — Однако тогда у нас большие проблемы, ведь это магия богов. Может еще что-то припомнишь, парень? — повернувшись к разведчику, спросил он с надеждой. — Может, какие-то письмена или рисунки на воротах были? Или они просто гладкие?

— Не, там все в узорах, — сказал парень. — В разных всяких.

— Как выглядят? — заинтересовался граф. — Нарисовать сможешь?

— Не, я ж не всматривался, — пугливо чуть отступил парень. — Но так, всякое, что на гербах и флагах рисуют. Цветы какие-то, вроде лилий, звери.

— Цветы, говоришь? — удивился граф, а потом попросил Леду. — Достань-ка медальон.

Девушка вытянула ненавистное украшение из под сорочки и продемонстрировала его Шуру. Тот активно закивал.

— Да-да, и металл тот же.

— Золото? — удивился Ретео. — И ты, дурень, не знаешь, как выглядит золото?

— А с чего б мне знать? — пожал плечами парень. — Я ж в жизни в руках даже золотой монетки не держал.

— Слушай, Ретео, — нахмурился граф. — Возьми этого парня и иди, выдай ему золотой. Он заслужил. А потом распорядись, чтобы собирали для меня зимнюю дальнюю карету. Так же подготовь запас еды на двоих. И четырех стражников мне найди.

— Не маловато ли? — прикинул Ретео.

— Возьму больше — буду привлекать ненужное внимание, — нахмурился Аластр.

— И то верно, — улыбнулся ему Ретео а потом, панибратски обняв за плечи пребывающего в шоке парня, сказал. — Ну, пошли, приятель. Выдам тебе твою получку.

— Ваше величество, да я, да вы, да боги вас пусть благословят! — чуть очухавшись, кинулся на колени парень.

До Леды же вдруг дошло, что Аластр велел готовить еду на двоих, и спросила осторожно, испытывая нехорошее предчувствие:

— А вы с Ретео вместе поедете? Кто же тогда за главного останется в замке?

— Не с Ретео, — нахмурился граф. — Я еду с тобой. И будь добра, не заставляй меня тащить тебя силком в карету. Если мои предположения верны, то висящий на твоей шее медальон откроет эту дверь. А если не откроет, то будем торчать в ближайшем к этой горе трактире до тех пор, пока Март не скажет нам, как ее отрыть.

Леду прикусила губу. Ехать ей не хотелось, но и деваться было некуда. Она хотела уже поспорить, но, поймав умоляющий взгляд Ретео, тяжело вздохнула.

— Хорошо, я согласна, — сказала она. — Надеюсь, в карете будет тепло...

Следующие два дня прошли в суматошных сборах. Слуги сновали по коридорам, наполняя корзины едой и нужными в дороге вещами. Леда тоже собралась — правда, уже утром перед отъездом. Чувствуя себя заправской бандиткой, она сунула в сапог кинжал и прихватила книгу из библиотеки замка. Только после этого она вышла из спальни и, в сопровождении Лилы, отправилась во двор, где уже ждала карета.

Карета оказалось необычной. Вместо больших резных колес у нее были широкие полозья как у саней, а в окнах стояли двойные стекла. Леда забралась в нее по лесенке и уселась на обитое синим бархатом сиденье. Вслед за ней влез и Аластр. К удивлению девушки в просторном салоне оказалось тепло. Жар исходил от висящей над потолком лампы, внутри которой горел всего один уголек. Заботливые слуги подали графу шкуры, которые он разложил на сиденьях и полу.

Дверь закрыли. Оказалось, что она очень плотно подходит благодаря толстому слою войлока. Леда эксперимента ради подставила руку к предполагаемой щели, но сквозняка не ощутила.

- Не замерзнешь, — сказал ей граф со смешком. — Видишь эту лампу на потолке?

— Да, но разве уголь не остынет? — удивилась Леда.

— Это не уголь, это дары Июля, — сказал Аластр с некоторой толикой гордости в голосе. — Раньше, до воцарения Январь, бог лета дарил их хорошим людям, чтобы они могли пережить зиму. Такой камень всегда горячий. Кстати, ими отапливается часть комнат в замке. Может, замечала, что даже при потухшем камине в твоей комнате тепло?

— Замечала, — кивнула Леда. — Так вот оно что...

— Так что можешь не волноваться, не замерзнешь, — повторил свои слова граф, а потом, добыв из-под сидения книгу, уткнулся в нее. На улице кто-то свистнул, и карета плавно двинулась со двора замка.

На этом их разговор и закончился. Читая, Леда изредка, украдкой посматривала на графа. Она уже не злилась на него так сильно. Ей даже начинало казаться, что она переборщила, и в словах графа есть некое рациональное зерно. Но смириться с тем, что он убивал людей, она все равно не могла. От одной этой мысли ей становилось тошно.

Поездка оказалась чуть интереснее, чем она думала. Каждые несколько часов они останавливались у какого-нибудь трактира. Поили лошадей, ели сами, давали отогреться вознице и четверем сопровождающим их стражникам. Впрочем, на улице было не так уж и холодно. Все остальное время, пока они ехали, Леда читала. Больше заняться ей было нечем, и она уже жалела, что не взяла еще одну книгу — оставался последний десяток страниц.

Темнота настигла карету в пути, и читать стало невозможно. Отложив книгу, Леда закуталась в шкуры. Аластр уже давно дремал на своем месте. Во сне лицо его разгладилось, и Леде даже показалось, что он вполне неплохо выглядит, когда не хмурится. За окном уже какой час стоял сплошной стеной лес и падал с небес снег. Леда очень беспокоилась за возницу и стражников на лошадях — на улице наверняка сильно похолодало после наступления сумерек

Девушка устроилась поудобнее. Она понимала — скоро, скорее всего, они доберутся до

дома барона, где их ждет теплая постель и вкусная еда — но все равно решила подремать. Закрыв глаза, она припомнила свою старую жизнь. В это бы время она зажгла свечу и села шить очередное платье по заказу, или от скуки играла бы с Мурьской, которая теперь жила в хлеву замка. Почему-то вдруг Леде вспомнилась Латена. Интересно, как там она, как ее дети, как мать с отцом? Как там Аника и староста? Все это казалось теперь Леде таким далеким.

От мыслей девушку отвлекло ржание коней и чей-то крик. Карета вильнула, от чего Леда чуть не свалилась на пол. Аластр, проснувшись, вцепился в подлокотник сидения.

— Что эти дураки делают? — проворчал он сонно.

С улицы донесся еще один истошный крик, и карету опять замотало из стороны в сторону. Леда, не удержавшись, больно ударилась головой об стену кареты и свалилась на пол. Не растерявшись, Аластр быстро схватил ее, подтянул к себе и прижал за талию к своему боку.

— Что там, псы их раздери, происходит, — выругался граф. — Илир! Что там у вас!

Леда так поняла, что граф обращался к вознице, но тот не ответил. Карета начала разгоняться, часть звуков стихла.

— Илир?! — повторил граф. — Ты меня слышишь?

— Ваше величество, на нас напали! — отозвался возница испуганно. — Огромный черный пес. Возможно черный волк.

— Черный волк? — удивился Аластр. — Почему вы не расстреляли его из лука?!

— Зверюга оказалась умнее нас, — отозвался Илир. — Потому убега....

Вместо окончания предложения послышался сдавленный крик. Карету занесло вправо, и она крутанулась подобно волчку вокруг своей оси. Болтавшаяся как маятник под потолком кареты лампа с волшебным угольком упала и разбилась. Осколки стекла, вместе с вывалившимися из ящиков вещами, забарахтались в салоне кареты вместе с людьми. Аластр закрыл Леду своим телом и буквально втиснул ее носом себе в грудь. Будь ситуация менее патовой, Леда бы смутилась, но тут карета, видно, въехала одним полозом в канаву и начала заваливаться на бок.

— Держись, — крикнул Аластр. В тот же миг карета шумно, дребезжа стеклами, повалилась на землю. Пассажиров швырнуло к стене и все стихло. Леда прислушалась, и не услышала ни ржания коней, ни криков людей, лишь завывания начинающейся вьюги долетали до ее ушей.

— Все кончилось? — спросила она испуганно.

Что-то пробарабанило по противоположной, находившей теперь сверху дверце кареты. Изловчившись, Леда повернула голову в сторону окошечка и увидела два сапфирово синих глаза. Она вдруг вспомнила, что видела уже эти глаза перед самым сватовством.

«Вот тебе и хорошая примета, — подумала она отстраненно. — Лучше не бывает».

— Леда, — тихо шепнул ей на ухо граф. — Дай свой кинжал. Я видел его в твоём сапоге, когда ты поднималась в карету. За арбалетом тянуться долго, так что давай. А сама прикройся шкурой, чтобы эта тварь тебя не достала.

Не дослушав, девушка выудила оружие из сапога. Граф нахмурился, но кинжал — совсем небольшой, длинной чуть больше ладони — все же взял. Взял, выставил вперед, ткнув острием в дверь кареты. Потом припер боком к сидению накрывшуюся шкурой Леду и с силой, поморщившись, пнул дверь.

Какие-то пару секунд стояла пугающая тишина, а потом, насколько Леда могла видеть,

внутри кареты кинулся уже знакомый ей пес. Глаза его горели, из раскрытой пасти стекала слюна, морда была ощерена в беззвучном, злобном рыке. Он обрушился на Аластра, однако тут же заскулил. На лицо Леды брызнула кровь из горла животного, в которое угодил ее кинжал. Пес заскреб лапами и залаял, пытаясь достать до Аластра, но тому удавалось уворачиваться. Прошла пара мучительных минут. Кровь пса залила одежду графа и шкуры, однако животное все же затихло и обвисло в руках графа не подавая признаков жизни.

Леда заплакала — то ли от страха, то ли от боли в голове, которой она ударилась о стену. Ей было боязно смотреть на пса, но пугало ее даже не это. Она вспомнила отца, который бросился с топором на жрецов, и вдруг поняла — спустя много лет — почему он это сделал. Он защищался. Защищался так же, как защищались сейчас они с Аластром. Только нападала на него не собака, а люди.

Тем временем Аластр отпустил пса, и тот рухнул рядом с ними. Морщась, граф начал подниматься на ноги. Выглянул из кареты, выругался. Леда с ужасом покосилась на лежащий рядом с ней труп животного и отодвинулась подальше. Ей казалось, что он может в любую минуту на нее кинуться.

— Лошади разбежались, — сказал Граф. — Возница мертв. Съездили, называется, в гости к соседу-барону.

Он вылез из кареты, а потом подал руку Ледде.

— Давай, — сказал он. — Ты ведь не хочешь сидеть там, с этой собакой?

Кивнув, девушка приняла протянутую ладонь и кое-как выбралась из кареты. Кринолин ей отчаянно мешал, юбка порвалась, а на руках было множество царапин от битого стекла.

На улице валил снег и дул шквальный ветер. Единственным островком света на всей дороге являлась их перевернутая карета. Леда обошла ее и увидела, что у левого, находящегося теперь внизу полоза действительно притаилась подлая канава.

— Может. Попробуем ее перевернуть? — спросила отсторожно девушка.

— А потом сами впряжемся и поедем, да? — спросил раздраженно Аластр. — Какая разница?! Пускай валяется. Пойдем к барону пешком.

— По такому бурану? — с ужасом спросила Леда. — Да еще и в темноте?

Граф прикусил губу и промолчал. Потом обошел карету и уперся в нее руками, пытаясь пододвинуть к канаве. Улыбнувшись, Леда кинулась ему помогать. Кое-как, по снегу, они подвинули громадину к яме, а потом толкнули. Карета тяжело, дважды качнувшись из стороны в сторону и хрустнув полозьями, перевернулась. Граф убрал со лба несколько выбившихся прядей и довольно кивнул Ледде.

Пса на снег вытаскивал Аластр. Леда тем временем встрясла шкуры от осколков. Несколько особо запачканных кровью она выбросила на снег. Волшебный горячий камешек найти было не сложно, ведь он светился теплым желтым светом. Понимая, что дар Июля горячий, Леда поддела его тем, что осталось от лампы — небольшой железкой, в которой он и лежал ранее. Только вот по камню проползла от удара заметная трещина. Он перестал так ярко светиться, как раньше, и сильно остыл.

— У нас проблемы, — показав графу камень, сказала Леда. — Смотрите.

— Да, плохо дело, — вздохнул тот. — Придется как-то продержаться до утра. А утром отправимся в сторону баронского поместья пешком.

В карете царил ровно такой же холод, что и снаружи. Граф плотнее закрыл двери, внешнее стекло одной из которых украшала паутина трещин. Дуть перестало, однако температура почти не повышалась. Волшебный камень лежал в железном поддоне еле-еле

теплый. У Леды уже начинали стучать зубы, да и у Аластра, видно, тоже.

— Ладна, — сказал граф ворчливо. — Иди сюда.

С этими словами он освободил место справа от себя и похлопал по сидению рукой. Леда смущенно покраснела, но ей действительно было слишком холодно, чтобы отказываться от такого предложения. Смущенно опустив глаза, она присела рядом с графом. Тот подтянул ее за талию к себе, накрыл шкурами и, наклонившись, поставил жестянку с даром Июля ей под кринолин.

Постепенно Леда начала отогреваться, хотя смущение ее и не проходило. Граф, скинувший свой перепачканный кровью камзол, остался в одной рубашке и оказался на удивление теплым для своего прохладного характера. Он тоже, кажется, был смущен, и смотрел в окно, где бесновалась метель.

— Интересно, что это была за тварь, — вдруг пробормотал он, видно, пытаясь избавиться от напряженного молчания. — Собака с синими глазами... бред. Если бы я не знал, что боги мертвы, сказал бы, что нас решил остановить сам Февраль.

— Я его уже видела перед сватовством, — отозвалась Леда. — Но он тогда не на кого не нападал... будто просто пришел посмотреть. Может, он слуга Январь?

— Тогда дело плохо, — нахмурился граф. — Если богиня узнала наш с королем замысле, то так просто мы до горы не доберемся.

— Может, тогда вернемся назад? — осторожно спросила девушка. — Возьмем с собой побольше стражи...

— Не вижу смысла, — упрямо сказал граф. — Стражу можно взять у барона, там же одолжим новую лампу и камень. Я ждал этого так много лет, и теперь я не отступлю из-за какой-то там... собаки.

После этого граф отвернулся, будто пытаясь сказать, что разговор окончен. Леде же вспомнились слова Ретео о том, что если уж Аластр во что-то уперся, то его не остановить.

Проснулись они от лошадиного ржания. Леда дернулась в крепких объятиях графа, который тоже постепенно приходил в себя. Она не помнила, как уснула. Смущенно высвободившись из лап зевающего Аластра и ощущая стыд за то, что провела ночь в таком неловком положении, Леда выглянула в окно. Метель прекратилась, во всю светило солнышко, блестя свежим снегом. У кареты топтались четверо всадников на разномастных лошадаках. Один из них — старый, кажущийся очень толстым из-за пушистого волчьего полушубка — уже вылезал из седла.

— Ну кто это там, — проворчал граф.

Накинув на плечи шкуру и буркнув Леде, чтобы та закуталась потеплее, граф открыл дверь кареты пинком ноги. Пришелец остановился. Лошадь, которую он держал за уздцы, испуганно завязала ушами и сделала шаг назад. Граф пробежался своим цепким взглядом по незнакомцу и, видно, не признав его, спросил:

— Кого нелегкая принесла?

— Граф Аластр! — обрадовался мужчина. — Слава богам, вы живы! Барон Александр забеспокоился, когда вы не прибыли в срок и наутро отправил проверить ближайшую дорогу. Как хорошо, что вы целы. С вами все в порядке? Вы не ранены?

— Царапины, — отмахнулся граф.

— Что у вас случилось? — спросил неизвестный.

— В поместье расскажу, — отмахнулся Аластр. — Не могли бы вы дать нам пару лошадей и перебраться в карету? Здесь, правда, холодно...

— Думаю, быстрее вы доберетесь до поместья верхом, — ответил мужчина. — Вылезайте. Наши парни пригонят вашу карету в поместье, не беспокойтесь.

Граф, недовольно хмурясь, повернулся к Леде.

— Вставай, — буркнул он. — Пошли.

Выбравшись из кареты, Леда поискала глазами труп страшного черного пса, но нашла нечто куда как более странное. В паре метров от кареты был развороченный холмик снега. В центре этой кучки все пропиталось красным и замерзло. В голову Леды закралась предательская мысль — а вдруг Аластр не добил зверя и тот ночью очнулся и ушел в лес, чтобы снова следующей ночью на них напасть. Она мотнула головой. Нет, глупости, пес не мог остаться в живых.

— Леди Леда, если я правильно помню? — отвлек Леду от дурных мыслей незнакомец. — Рад видеть особу, о которой ходит столь много разных слухов. Я Бэйр, правая рука барона Александра.

Смутившись, Леда сделала книксен. Мужчина заулыбался, а потом крикнул троице другим парням — разномастным стражникам в синих полушубках с гербом баронства — орлом, летящим над пшеницей — и шапках-ушанках. Один из стражников спрыгнул с лошади и подвел ее к Аластру, передав поводья. Не успела Леда и пикнуть, как граф подхватил ее подмышки и одним легким рывком усадил боком на лошадь. Вслед за этим он влез и сам, обхватил девушку за талию чтобы она не упала и пустил лошадь вперед легкой рысью.

— А ей не тяжело? — спросила девушка осторожно.

— Ты такая легкая, что, думаю, не тяжело, — фыркнул от граф. — И перестань уже жалеть всех и каждого. Пожалела бы лучше себя.

Не успела Леда толком обдумать его слова, как они прибыли к поместью барона. Это было большое двухэтажное здание, выстроенное в форме буквы «П», приземистое и ужасно старое. Никакая побелка и лепнина не могли скрыть трещин в стенах, кое-где на крыше недоставало черепицы. Сам барон — толстячек, жиденькие волосы которого были зализаны назад — тут же заулыбался Аластру самой приторной из всех улыбок, какие Леда только видела. Граф спрыгнул с лошади, помог слезть своей спутнице, и только тогда, с неохотой, пожал руку хозяину дома.

— Аластр, рад тебя видеть, — неприятно высоким голосом буквально пропел барон. — Жаль, что ты почти нигде не появляешься. Таким дуракам как я всегда приятно пообщаться с теми, кто знает больше и воспитан лучше. Что у вас случилось? Выглядите так, будто вернулись с поля брани.

— Вы не далеки от истины, — сказал граф, хмурясь. — Я чуть позже вам, барон, все объясню. А пока позвольте мне представить вам мою жену Леду

— Что ж, заочно мы уже знакомы, — сладко улыбнулся девушке барон, однако в этой улыбке не было ровным счетом ничего приятного. — Маленькая жертвенница, ставшая вдруг графиней. Эта история всколыхнула весь высший свет, леди Леда. Я барон Александр рад приветствовать вас в моем поместье. Проходите, господа.

Аластр расправил плечи и гордо вскинул голову. Леда, как и полагалось взяла его за подставленный локоть и они вошли в поместье. Леда тут же принялась крутить головой. Наполнение поместья оказалось таким же бедным и старым, как и его внешняя часть. В небольшой гостиной горел камин, однако это мало спасало от холода. Посреди комнаты стояли два кресла и журнальный столик, на котором пылились стопки старых газет. Пол устилал старый, побитый молью ковер, на креслах валялись смятые овчинки а на стене красовалась похожая на ветвистое дерево трещина из которой ощутимо дуло.

Стоило им перешагнуть порог, как пред ними тут же появилась худощавая женщина. Ее ужасное розовое платье, усеянное оборками и рюшами, отчаянно контрастировало с заячьей губой и длинным массивным носом. Леда внутренне скривилась — ее всегда удивляло то, что графини и баронессы были сплошь такими страшилищами. Да и платье женщины больше подошло бы пятилетней девочке или фарфоровой кукле. Все стало еще хуже, когда обведя взглядом гостей, она без приветствия взвизгнула высоким голосом:

— Алекс, зачем ты пустил их в таком виде в дом! Мы ведь специально приготовили им баню на тот случай, если они замерзли. А они еще и грязные! Не позволю марать мои ковры.

Леда удивленно посмотрела на ковер, который лежал в каком-то метре от ее ног. Он оказался грязным и драным, ему давно было пора на свалку.

«Наверное, она чокнутая, — решила девушка. — Никто в здравом уме не стал бы стелить у себя в доме эти тряпки. Даже я бы постыдилась».

— Прошу меня простить, — барон от этого крика вздрогнул, а потом сладко улыбнулся женщине. — Кэт, милая, я все прекрасно помню. Сейчас я позову слуг...

— Мы справимся без слуг, — отрезал граф. — Не терпится отмыть с себя эту поганую кровь. Не будете ли вы так любезны, барон, одолжит мне какую-нибудь старую одежду? И, — он бросил быстрый взгляд на порванный подол Лединой юбки, — моей жене, пожалуй, тоже.

— Ой, я подберу вам такое замечательное платье, — взвизгнула Кэт. — Вы будете очень довольны, Леди! Не понимаю, как вы можете ходить в таких обносках? Они ведь давно вышли из моды! Ах, я все подготовлю! Слуги заберут вас как только вы помоешься!

После этих лов, не прощаясь, она тут же ушла, подметая длинным подолом юбки пол. Мысленно Леда содрогнулась. Она уже знала, во что обрядит ее сумасшедшая баронесса.

«Впрочем, я ведь могу отпороть лишние бантики в ближайшей таверне, — подумала Леда. — Может, все не так уж и плохо?»

— Это моя жена, — пояснил Леде барон. — Она немного не в себе, но, думаю, вы с ней подружитесь. Что ж, Аластр, вы еще помните, где у нас баня?

— Помню, — нахмурился граф, а потом пробурчал чуть тише. — Такое забудешь...

— Тогда милости прошу, — пропел барон. — Слуги принесут вам полотенца и одежду. И не будут подглядывать, это я вам обещаю.

Он сально подмигнул Леде, от чего той стало мерзко. Спас ее Аластр. Он подхватил девушку под руку и увел уходившим влево коридором. Коридор оказался узким, с низким, опутанным тенетами паутины потолком. На стенах висели портреты, которые Леда тут же принялась разглядывать. На них были дамы и господа в красивых одеждах — явно состоятельные. Дети, красивые дамы, представительные господа. Некоторые из картин потемнели от времени, некоторые блестели рамами с драгоценными камнями. Пройдя немного, Леда заинтересовалась, кто же все эти люди. Уловив ее интерес, Аластр пояснил:

— Барон коллекционирует портреты представителей высшего света. Он вообще немного странный. Правда, странный в его случае не значит глупый.

— Я заметила, — тихо сказала Леда. — А еще у него в поместье баня.

— Да, — скривился Аластр. — Самое мерзкое место на свете. Я как-то раз согласился съездить с ним на охоту. Охотник-то он неплохой, но вот тащить кучу мужиков после всего этого дела в тесную баню — это просто отвратительная привычка. Особенно если учесть, что эти ослы приносят туда пиво и начинают орать песни, а сам барон с самым нескрываемым интересом на все это дело пялится.

— Он что же, из этих? — удивилась Леда.

— Из тех, — нахмурился граф. — Он кастрат. И только ты меня сегодня спасла от созерцания всех его... даже вспоминать противно...

Баня оказалась небольшой бревенчатой пристройкой размером с избу Леды. Было очень забавно попасть из коридора с ковровыми дорожками в такого рода сооружение. В тесном предбаннике лежали на полках чистые полотенца, и очень приятно пахло липовым веником. В замке Леда вместо привычной бани принимала ванную, и успела соскучиться по этому приятному аромату. Так же здесь стояло несколько лавок и низкий потертый столик с резными ножками. На столике переливался в тусклом свете свечей графин с водой и поблескивало несколько стаканов.

И только когда Аластр, хмурясь, запер дверь, до Леды наконец дошло, в каком неприятном положении она оказалась. Она посмотрела на графа с сомнением. У него было полное право заставить ее раздеться и мыться вместе с ним, ведь она же была его, в конце-то концов, женой, хотя и не совсем состоявшейся. С другой стороны она помнила его обещание ее не трогать и надеялась на это.

— Ну, что встала? — поймав ее настороженный взгляд, хмуро спросил граф. — Думаешь, буду к тебе приставать? Больно ты мне нужна. Раздевайся давай, скромница. Обещаю, что отвернусь, и не буду подсматривать. Но все же приготовься к тому, что барон

уложит нас в одной кровати да еще и проследит чтобы легли.

Отмывшись, Леда почувствовала себя лучше. Остатки страха, пережитого ночью, утекли вместе с водой. Граф, как и обещал, сидел к ней спиной, пока она раздевалась, вытиралась и одевалась. Впрочем, одеваться было не во что — Леда не могла сама затянуть корсет, потому ограничилась панталонами и сорочкой, надев поверх них нижнюю юбку и платье. Кринолин же и корсет она отложила в сторону, ощущая себя приятно от них свободной. Выглядело это, конечно, не как подобает приличной графине, однако никакого другого выбора у Леды не было.

Леда, отвечая ему той же монетой, не смотрела, пока он раздевался, хотя ее все же терзало любопытство. Граф проторчал, отмываясь, в бане почти час. Это стало для девушки настоящим открытием. Не думала она, что ее «муж» такой чистюля.

Стоило им выйти из бани, как Леду сцапала Кэт. Сумасшедшая баронесса выглядела донельзя радостной, видно, ей распирало от желания переодеть жертвенницу. От мыслей о том, во что она облачит ее, Леде становилось страшно.

— Граф, могу ли я украсть у вас вашу красавицу-жену? — пропищала уродина. — Я вижу, вы не стали помогать ей с корсетом и волосами? Что ж, мои служанки быстро приведут ее в божеский вид и мы вместе придем к столу. Вас это устроит?

— Вполне, — кивнул Граф, облаченный в принесенную слугами новую белую сорочку и светлые брюки. — А теперь прошу меня простить, меня ждет барон.

Кэт глупо хихикнула, а Леде вдруг подумалось, что Аластр умеет быть вежливым, когда хочет. Но, не успела она толком обдумать эту мысль, как баронесса цапнула ее беспардонно за запястье, и, напевая «Платье-платье-платье...» потянула ее дальше по коридору. Они взошли по лестнице и оказались в точно таком же узком коридоре, однако дверей здесь было гораздо больше чем внизу. Дверь в комнату Кэт сложно было не определить — она была розовой.

Покои баронессы походили на спальню маленькой принцессы. Комната была вдвое меньше покоев жертвенницы в замке, но зато здесь определенно было на что посмотреть. Леде замерла на пороге, не решаясь войти во все это «великолепие». Три стены покрывала противного оттенка розовая краска, четвертую целиком занимал барельеф, изображающий резвящихся на лугу среди цветов котят и кроликов. На постели с кипельно белыми простынями возлежал розовый плед, усыпанный бантиками, и сидела донельзя страшная кукла размером с пятилетнего ребенка. Даже пол здесь, в этой ужасающей спальне, покрывал розовый ковер с золотистыми кистями.

— Я знала, что тебе понравится! — взвизгнула Кэт. — Давай, снимай свои обноски! Сейчас мы оденем тебя как куколку!

Леде стало страшно. Она уже поняла, что без рюш и бантиков она из этой комнаты не выйдет. Баронесса же тем временем взяла с постели колокольчик с большим розовым бантом и позвонила в него. Тут же из соседней комнаты, соединенной с покоем Кэт дверью, вышло две служанки. Судя по их виду баронесса и с ними «играла в куклы».

Служанки в четыре руки споро раздели Леду, оставив ее в одних панталонах и сорочке. Кэт тем временем помпезно распахнула двери своего шкафа, занимавшего без малого всю

стену и покрытого все той же розовой краской. Мурлыча себе под нос, она принялась перебирать ткани. С надеждой приметить что-нибудь приличное, Леда заглянула туда, но была разочарована. Пестрые платья самых немислимых цветов: канареечно-желтые, нежно-фиолетовые, небесно голубые, ультрамариновые, салатные — перемежались с тряпками всех оттенков розового. К ужасу Леды Кэт достала из шкафа лазурного цвета платье и внимательно глянула на свою жертву.

— О, это буде чудесно! — взвизгнула она радостно. — Оно тебе пойдет. У тебя такой замечательный голубой цвет глаз, оно подчеркнет его.

— А можно мне лучше вон то, красное, — с надеждой спросила Леда. Она ненавидела синий и все его оттенки из-за того, что в эти цвета одевались жрецы Января.

— Это что ли? — Кэт всучила голубое платье служанкам, и вытащила красное.

Увидев платье, цвет которого ей так нравился, Леда передумала. Мастер, шивший его, явно оплошал, и декольте, по прикидкам Леды, уходило ниже груди, обнажая корсет и ворот сорочки. Юбка же была узкой, не под кринолин, и украшала ее сбоку разрез до самого бедра.

— Это платье я выкупила из одного очень знаменитого в столице борделя, — с гордостью пискнула Кэт. — Отдать не могу.

— Да, такую вещь просто так не отдашь, — как можно вежливее сказала Леда.

— Значит голубое! — заявила баронесса. — Хотя, может хочешь розовое, или желтое?

Решив для себя, что какое бы она платье не выбрала, все равно оно будет ужасным, Леда решила не копаться. Голубое платье, надо сказать, ей действительно пошло. Ей даже подумалось, что если бы срезать с него лишние полсотни бантиков и отпороть с юбки несколько кружев, то оно будет вполне себе приличным. Служанки Кэт расчесали волосы жертвенницы и заплели их в высокую прическу, украсив сзади уродливым голубым бантом в цвет платья. Леда сопротивлялась, но ее мнение в расчет не взяли. Потом Кэт подтащила девушку к зеркалу и буквально пропела:

— Ну смотри, какая ты красавица.

Ничего красивого в ее наряде и прическе не было. По мнению Леды в таком виде стыдно было бы выйти из комнаты, не то что пойти обедать с графом и бароном.

«Когда это ты успела начать думать о том, как ты будешь выглядеть перед графом? — подумалось ей. — Какая ему разница?!»

И, подстегнув себя этими мыслями, Леда попросила отвести ее в столовую.

Аластр подавился чаем, когда увидел вошедшую в столовую Леду. Он долго кашлял, и тут же прибежавший слуга тихонько хлопал его по спине. Барон же, не особо скрываясь, захохотал в голос, раздуваясь и хрипя. Казалось, что он вот-вот лопнет. Сама Леда страшно покраснела и мысленно пожелала баронессе поскорее излечиться от своих странностей.

— Кэт, ты просто волшебница, — утирая глаза от выступивших слез, надрывался барон. — Это же надо было так....

Столовая в поместье была отдельной небольшой комнатой. В центре стоял длинный стол, застеленный скатертью с плохо вышитыми котятками и зайчиками. От одного вида этих изображений у Леды мурашки по спине бежали. На скатерти же стояло блюдо с истекающей жиром целой свиньей, держащей во рту яблоко и четыре подноса с разнообразными закусками самых немислимых форм и расцветок.

— Присаживайтесь, леди Леда, — сказал, отсмеявшись, барон. — Мы тут как раз вас обсуждали.

Насторожившись, девушка присела к столу — как и полагается по правую руку от Аластра. Тот сочувственно на нее посмотрел, она ответила ему кислой миной. Слуги тут же поставили перед девушкой тарелку, заткнули ей за воротник платок, разложили столовые принадлежности и налили в высокий фужер на тонкой ножке вина.

— Ешьте, милая леди, — сказал добро Александр. — Ешьте не стесняйтесь. И рассказывайте, как вам удалось соблазнить нашего графа?

— Никто никого не соблазнял, — ответил за Леду Аластр с некоторым раздражением в голосе, а потом добавил более тихо, будто бы даже смутившись. — Это была любовь с первого взгляда.

— Охотно верю, — хохотнул барон. — Даже тряпки Кэт не могут скрыть ее красоту!

— Тебе не нравится, зайчонок? — спросила с претензией усевшаяся рядом с Александром уродина. — Я ведь так старалась!

— Нравится, нравится, — утешил ее барон, а потом снова повернулся к Аластру. — Чем я восхищаюсь — так это вашей самонадеянностью, граф. Конечно, являясь верным псом короля, вы обладаете некой защитой, но будет ли она длиться вечно?

— Угрожаете? — поднял бровь Аластр, отрезая от поросенка большой кусок и укладывая его себе в тарелку. — Смотрите, как бы я не налаял об этом Вадгриму.

— Да вы шутник, — оскалился барон, а потом продолжил в своей несерьезной манере. — Вы же знаете, я более всего радею за нашего молодого короля. В отличие от своего папаша он все же кое-что смыслит в управлении королевством. Однако сведущие люди напели мне такую занятную басню. Говорят в стенах замка, прямо под носом у короля, как нарыв зреет заговор.

— Вы меня удивляете, барон, — покачал головой с ухмылкой на лице Аластр. — Этой басне столько же лет, сколько нашей земле. Не видел мир еще такого короля, который был бы угоден всем. И никогда не увидит. К тому же заговор против Вадгрима зреет с тех самых пор. Как он женился на леди Вере Арстейн.

От этого имени Леда напряглась и решила повнимательнее вслушаться в разговор. Она

вспомнила, что имя этой женщины упоминал жрец на ее церемонии брака. До этого имени королевы она не слышала, а вот о самой ней ходили разные слухи. Люди судачили о ее божественной красоте и шептались о скверном характере.

— Да, леди Арстейн знает толк в дворцовых интригах, не то что мы, — завистливо сказал барон. — Кстати о королеве. Ходит слухок, что она поддержала вашу идею жениться на жертвеннице. Это правда? В жизни не поверю!

— Это так, — кивнул Аластр, кинув на Леду хитрый взгляд. — Однако у меня есть два предположения на этот счет.

— И какие же? — спросил с интересом барон, даже пододвинувшись поближе.

— Либо она хотела оставить меня в должниках, — сказал Аластр, отхлебнув из своей кружки какого-то парящего напитка, — либо на его светлость верховного жреца и правда снизошло видение.

— Мне кажется ближе к истине второе, — хохотнул барон. — Первая леди королевства потрясающе религиозна. Однако зная ее, она вполне могла очаровать верховного жреца и заставить его поверить, что на него снизошло видение. Однако знаете, что я вам скажу. Уж простите, Леда, — барон посмотрел на девушку у подмигнул ей, — что говорю это при вас, но вы, Аластр, зря на ней женились. Вы и так были в высшем свете не на лучшем счету, а теперь нажили себе множество врагов.

От этих слов Леда покраснела. Пусть она знала — не нужно бы это было для дела. Аластр бы в жизни на ней не женился — но она ощутила острый укол благодарности. Ведь он, по сути, рискуя своим положением в обществе, взял ее в жены, спас от смерти на жертвенном алтаре. Ей вдруг вспомнилось, как он закрыл ее вчера своим тело, как держал, чтобы она не упала и не поранилась, как обнимал, чтобы не замерзла.

«Может, не такой уж он и плохой? — подумалось ей. — К тому же у него нет больше причин для того, чтобы измываться над людьми. Может, он исправится?»

— Мне всегда было плевать на врагов, — ответил тем временем Аластр. — Вы мне лучше скажите, нашли ли ваши люди моих подчиненных? Со мной был возница и четверо стражников.

— Да, нашли, земля им пухом, — жизнерадостно закивал барон. — Всех пятерых погрузили на повозку и отправили к вам в графство. Мои ребята говорили, что у всех разорваны шеи. Что за чудовище такое на вас напало?

— Волк, — отмахнулся Аластр. — Обыкновенный волк.

— Слишком умный волк, подкарауливший вас в метель, — поднял брови Барон. — Да еще и, видно, ушедший от справедливого возмездия. Ведь его труп мы так и не нашли. Только смерзшийся, пропитанный кровью снег. Что ж, дальше в путь двинетесь завтра утром. Как раз мастер успеет заменить вам в карете стекло...

Ночью Леде не спалось. Положили их с графом в просторной спальне с небольшой печкой вместо камина. Слуги прибегали каждый час, чтобы подкинуть в нее дров и помешать красные угли. Их копошение ужасно Леду раздражало.

«Как же быстро привыкаешь к хорошему, — подумалось ей. — Совсем избаловал меня Аластр теплой комнатой с волшебными камушками. А ведь раньше чтобы не замерзнуть особо холодными ночами я сама вскакивала каждый час чтобы подкинуть в печь дров».

Лежали они на почтительном расстоянии друг от друга, благо, широкая постель это позволяла. Аластр какое-то время тоже ворочался, а потом успокоился и засопел. Поняв, что он уснул, Леда осторожно выбралась из-под одеяла и подошла к окну. За стеклом стоял освещенный светом полной луны лес. На ветках деревьев примостились пышные снежные подушки, норвящие то и гляди свалиться на голову незадачливому путнику. Какой-то зверь вынырнул из леса и потрусил по снегу — черный, безобразный, угловатый. Чем ближе он подходил, тем больше очертаниями напоминал собаку, и Леда забеспокоилась.

Вот зверь нырнул за угол и пропал из вида. Леда, влекомая своим страхом снова встретиться с псом, вышла из комнаты в освещенный свечами коридор и принялась заглядывать в окна, но тени нигде не было видно. Решив, что у нее просто шалют нервы, девушка остановилась посреди коридора и уже хотела уходить, как глаза ее наткнулись на одну из висящих на стене картин. С покрытого краской холста на нее смотрел Аластр. Леда так удивилась, что даже взяла один и подсвечников и поднесла его поближе к картине.

Правда, вскоре она поняла, что ошиблась. Выглядел мужчина иначе и гораздо старше. У него было квадратное, злое лицо с жестким волевым подбородком, но нос, карие глаза и кустистые брови несомненно придавали ему сходства с Аластром. Изобразил его художник в полный рост. Рядом с сердитым мужчиной стояла бледная, болезненно худая девушка на добрый десяток лет моложе его. Ее тонкая, будто выточенная из белого мрамора рука лежала на плече у маленького мальчика, очень похожего на отца. На мужчине был мундир с крупной золотой звездой и погонами, украшенными бахромой, на женщине — белое, с изысканными кружевами платье. Сына же благородная чета нарядила в белую сорочку со стоячим воротником, обнимающим худую длинную шею, короткие шорты на подтяжках, белые гольфы и черные, покрытые блестящим лаком туфли. Темные волосы, остриженные под каре, делали его каким-то игрушечно милым, хотя мальчик хмуро смотрел исподлобья. В одной руке он держал скрипку, в другой — смычок.

В голове у Леды промелькнула странная мысль — а что если этот серьезный мальчик вырос в знакомого ей графа? Она улыбнулась и покачала головой. Не верилось, что в детстве Аластр мог быть таким милым, да еще и играть на скрипке.

От мыслей ее отвлек какой-то шум. Прислушавшись, она поняла, что доносится он с первого этажа. Топот ног, приглушенные выкрики, какая-то возня. Эти звуки стремительно двигались в сторону лестницы, ведущей на второй этаж — прямо к Леде. Жертвенница попятилась. Вот шум взбежал по лестнице, и прямо в коридор вылетел, прижав к голове уши и сверкая синими глазами, черный пес.

Леда не помнила, как развернулась и побежала. Очнулась она только тогда, когда

захлопнув дверь спальни прижалась к ней спиной и ощутила упругий удар. Пес зарычал, завыл, но его преследователи настигли его. За дверью воцарился хаос. Кто-то кричал, ругался, слышался звон железа и звук разбивающегося стекла:

— Что происходит? — проснувшийся от шума Аластр непонимающе таращился на Леду, быстро поднимаясь с постели.

— Пес, — ответила жертвенница. — Тот самый.

— Не может быть, — покачал головой граф. — Я ведь убил его вчера ночью! Я думал тело оттащили хищники...

— Видимо плохо ты его убил, — растерянно сказала Леда, и о дверь кто-то снова ощутимо ударил.

Аластр сдернул со стены украшавший ее меч и попытался отодвинуть девушку, но та помотала головой.

— Не ходи, ты просто погибнешь! — взмолилась она. — Я ведь знаю, как ты плохо владеешь мечом.

— Отойди в сторону, женщина, — сказал ей граф, нахмурившись. — Каким я буду мужчиной, если отсижусь в своей комнате. К тому же эта тварь пришла за нами, и...

Договорить он не успел. В дверь толкнули еще раз, да так сильно, что Леда не удержавшись сделала шаг вперед. В образовавшуюся щель успел пролезть пес. Теперь он вовсе походил на чудовище. Белые клыки пестрели красными разводами, морда была мокрой от крови, шерсть на спине торчала дыбом. Ощерившись, он зарычал утробно и стремглав бросился прямо на Леду. Граф оттолкнул девушку и та, упав, оказалась у стены. По полу покотился страшный комок — Аластр, все еще сжимавший в руках меч и пытавшийся воткнуть его в чудовище, и перемазанный в крови пес.

Сердце бешено гнало кровь по венам Леды, и к его стуку примешивалась пульсация медальона. Вдруг ей вспомнилось, как в прошлый раз она откинула графа. Она сжала медальон в ладонях и в панике попросила:

— Помогите нам, пожалуйста... помогите...

Ее голос слился с неразборчивым бормотанием медальона и, к невообразимой радости девушке, неведомая сила швырнула пса о стену. Тот заскулил, неуклюже поднялся на лапы и, поджав хвост, посмотрел на Леду испуганно.

— Прекрати, — сказал медальон. — Чем грызть глотки направо и налево лучше бы помог им...

Каких-то пару секунд никто не двигался, все замерли, осмысливая сказанное. Первым пришел в себя пес. Он напрягся и, как-то растерянно, без рычания, прыгнул на Леду, окончательно повалив ее на пол. Увидев над собой страшную пасть девушка решила, что все, пришел ей конец. Она зажмурилась, но страшного укуса не последовало. Вместо этого что-то потянуло ее за шею. Испуганно открыв глаза она увидела что пес, сцепив зубами выбившийся у нее из-под одежды медальон, пытается снять его с ее шеи.

— Перестань, — прошептал медальон. — Ты не сможешь без них сделать то, что задумал. Просто помоги им. Смири свою гордость, Лаолет.

Пес заскулил, потом завыл, запрокинув голову. И тут на него обрушил сокрушительный пинок Аластр. Пошатнувшись, чудовище поджало уши и стрелой кинулось из комнаты — только его и видели.

— И что это было? — с удивлением смотря ему вслед, спросила Леда.

— Понятия не имею, — нахмурился граф, рассматривая разорванную на плече и быстро

пропитывающуюся кровью рубашку. — Однако голову даю на отсечение, мы не последний раз видим эту тварь.

— Она тебя ранила? — забеспокоилась Леда.

— Царапина, — нахмурился граф. — Однако ее нужно перевязать. Позови слуг...

Договорить он не успел. Дверь распахнулась и в комнату вкатился барон Александр в сорочке до пят и ночном колпаке. За ним ввалилась добрая дюжина стражников — сонных, испуганных, сжимающих в руках оружие. Обведя комнату цепким взглядом, он побагровел от злости, тут же растеряв все свое дружелюбие. Леда испуганно отползла к стене. На секунду ей показалось, что барон вот-вот взорвется от негодования.

— Что это такое?! — взвизгнул он. — Я подозревал, что за вами, Аластр, следую неприятности, но не настолько же! Эта тварь убила моих людей, привела в негодность имущество...

— Прекратите истерику, я все оплачу, — нахмурился Аластр. — Лучше пошлите слуг за бинтами и какой-нибудь останавливающей кровь мазью, если у вас она есть.

— Вы, видно, не понимаете, что сейчас произошло?! — пуще прежнего взвился Александр. — За вами охотится сам призрак Февраля! Что вы задумали, граф, что боги вернулись с того света дабы вас остановить?!

— Никаких духов здесь не было, — отмахнулся граф. — Скорее всего этого пса кто-то на нас натравил.

— Послушайте себя, вы же взрослый человек!

— Это вы послушайте, — вышел из себя граф. — У меня течет кровь и мне нужны всего лишь какие-то бинты! Я не верю во всю эту суеверную чушь про призрак давно умершего бога! Вы сами сказали, что у меня много врагов, и случившееся здесь — яркое тому доказательство.

Барон поджал губы. Видно было, что Аластр своим враньем его все же убедил. Леде же оставалось только поражаться, как же мастерски ее может говорить совершенную неправду с серьезным лицом.

— Принесите графу новую сорочку, бинты и мазь, — сдался барон нехотя. — И тазик с водой, чтобы он мог смыть кровь, — а потом, повернувшись к Аластру, добавил. — Перейдите с женой в соседнюю комнату. Она не такая шикарная и в ней холодно, но я прикажу слугам сразу же начать топить. А завтра утром убирайтесь из моего дома и никогда, слышите, никогда больше сюда не возвращайтесь.

С этими словами он развернулся и вышел, оставив Леду и Аластра одних.

Соседняя комната и правда оказалась не такой большой и достаточно холодной, однако слуги быстро ее протопили. Пока они суетились с дровами, поглядывая с ужасом на принесших в поместье неприятности гостей, Аластр и Леда умывались. Как только огонь в печи окончательно разошелся и служанка принесла им бинты, граф наконец повернулся к Леде. Та все пыталась заставить себя предложить помощь в обработке «царапин», но боялась получить грубый отказ.

— Помоги мне снять эту треклятую сорочку, — неожиданно попросил Аластр. — Если, конечно, от вида крови и открытой раны ты не упадешь в обморок.

— Не упаду, — упрямо сказала девушка засучивая рукава.

Опустившись перед Аластром на колени, она осторожно помогла ему раздеться. В предплечье у графа зияло несколько кровоточащих дыр от собачьих клыков, ключицу пересекала безобразная рваная царапина. К тому же сама кость под кожей вдруг показалась Леде какой-то странной. Справа от царапины красовался подозрительного вида бугорок, будто что-то выпирало. Подозревая перелом, девушка с паникой устала на графа.

— Успокойся, — сказал Аластр, поймав ее взгляд. — Все нормально. От таких царапин я не умру. Бывало и хуже. Что до ключицы — она сломана давно и просто неправильно срослась.

— Но... так много крови... — побормотала Леда, посмотрев на полный красной воды тазик.

— Все нормально, со мной бывало и хуже, — сказал граф. — Главное, что эта тварь не добралась до моей шеи. Хотя, видят боги, она изо всех сил старалась. Главное не нервничай. Ты раньше бинтовала кого-нибудь?

— Нет, — покачала головой Леда.

— Ладно, — нахмурился граф, кивая на бинты. — Придется тебя учить. Видишь стеклянную бутылку? Понюхай, это должен быть спирт. Если это действительно он, то обработай им раны. Если, конечно, можешь.

— М... могу, — запнулась Леда а потом, собрав все свое мужество в кулак, взялась за дело.

Осторожно она понюхала содержимое бутылки, потом налили немного спирта на свернутый бинт и, не зная, как это делается, прижала прямо к ране. Граф зашипел от боли:

— Дура, края сначала, — сказал он.

— Прости, — тут же покраснела Леда. — Ты лучше меня в этом разбираешься. Объясни, как нужно.

Следуя рекомендации графа она обработала его раны и даже более или менее нормально наложила повязку. С ключицей, правда, возникли некоторые сложности. Бинта еле-еле хватило, но девушка все же справилась. Довольная своей работой, Леда чуть отстранилась, рассматривая Аластра. И тут она заметила то, чего не замечала ранее из-за нервного напряжения.

Вдоль ребер графа тянулись длинные, старые шрамы. Неаккуратные, кое-где бугрящиеся, выглядели они ужасно. Испытывая какое-то нехорошее чувство, Леда осторожно

заглянула ему за спину. На спине не было ни единого живого места. Шрамы походили на беспорядочные прутья решетки, в которую заточили тело графа.

— Подарочек от отца, — заметив, что Леда разглядывает его, сказал Аластр.

— Чем это он вас? — спросила девушка, хотя была неуверенна, хочет ли знать ответ на этот вопрос.

— Кнутом, — поморщился граф. — Изредка палкой.

— Но за что... — опустила голову Леда.

— Не знаю на самом деле, — хмыкнул Аластр. — Он всегда находил повод, как бы я не пытался быть послушным...

Леда покачала головой и прикусила губу. Ей стало до смерти жаль своего несостоявшегося мужа, и она, в порыве чувств, чтобы утешить, попыталась его обнять. Однако Аластр вытянул руку и опустил лицо, отстраняя ее от себя.

— Послушай, не надо, — буркнул он. — Еще раны заденешь. Обойдусь без твоей жалости. Просто ложись спать. Нам завтра рано вставать и долго ехать. Не помешало бы выспаться перед дорогой.

— Может, повернем назад? — спросила она с надеждой. — Вернемся в замок, вы отлежитесь, раны заживут...

— Нет, — уверенно сказал Аластр, поднимаясь с пола. — Не такие уж это и серьезные раны, тем более ты теперь умеешь делать перевязку. Всего день-два и мы будем на месте. Мы и так задержались, а я хочу покончить со всем этим поскорее. Так что завтра мы едем дальше. И это не обсуждается.

В путь их отправили прямо на рассвете. Алаксандр не дал им ни единого стражника, зато отправил с ними возницу — до первой таверны, где граф должен был сменить его. Даже лошадей они получили самых плохих. Барон не дал им новой тепловой лампы, и Леде приходилось мерзнуть, кутаясь в шкуры. Однако сил сопротивляться или ругаться у Аластра, видно, не было. Он уснул сразу же, как они сели в карету. Лицо графа было бледным.

Рассматривая его: уставшего, раненного, разбитого, потерявшего много крови — Леда никак не могла определиться в своих чувствах. С одной стороны Аластр, несомненно, был негодяем. Вокруг него гибли люди — что до, что после появления в замке Леды. Даже те парни, стражники, что отправились с ними к горе Вой, были бы живы, не приди в голову графу мысль туда ехать. Что уж говорить о его принципе «все ради цели». Даже ее, Леду, он просто использовал. Иногда девушке казалось, что если она вдруг стала бы ему не нужна, то он просто бы отравил ее, списал со счетов.

С другой стороны она испытывала к Аластру щемящее чувство благодарности. Если бы не он, она бы умерла в конце прошлого месяца. Посчитав, девушка пришла к выводу, что граф спас ей жизнь уже трижды.

«А ведь живой я ему не нужна, — подумала она. — Ведь если бы я умерла, то он запросто снял бы с моей шеи медальон и продолжил путь в одиночестве».

К тому же ей было жаль графа. У него не было друзей кроме Ретео и, видимо, он прошел через очень тяжелые испытания в детстве. Порой граф казался ей очень одиноким, уставшим и несчастным. Жалость вперемешку с благодарностью заставляли Леду относиться к нему хорошо, но неприязнь к его делам не давала этой симпатии дышать.

Прервав размышления девушки, карета остановилась. Леда выглянула в окно и увидела, что они подъехали к трактиру.

— Аластр, проснитесь, — позвала она. — Пойдемте, погреемся.

— Уже приехали? — проворчал граф, тяжело поднимаясь. — Чертов жадный барон...

Аластр пошатнулся, и Леда, подскочив, попыталась ему помочь. Граф, к ее удивлению, не сопротивлялся. Девушка помогла ему выбраться из кареты, и они пошли в сторону таверны — двухэтажного здания из кирпича, увитого высохшими и потерявшими листья веревками плюща. На высоком крыльце девушка увидела довольно забавную картину. На двух поставленных друг напротив друга лавках набилось целых шесть человек в полушубках. Походили они на плотно прижавшихся друг к другу в мороз воробьев. Все шестеро сосредоточенно курили папиросы, тихо переговариваясь. Запах табака заставил Леду, не переносившую все это дело, звонко чихнуть.

Зато в самой таверне не было ни единого любителя подымить. Пахло свежей едой и пивом — запах всех таверн от северных морей до южных степей. Из-за раннего часа народа было не много — всего-то какой-то худой военный, вяло ковыряющийся в тарелке с похлебкой, да дядька с мечом на поясе, дремавший прямо за столом в дальнем конце зала. Трактирщик, высокий мужчина с длинными повисшими до самой груди усами и совершенно лысой головой, посмотрел на Леду с графом и еле сумел сдержать улыбку. До девушки вдруг дошло, что она все еще в том нелепом голубом платье с рюшами и бантиками.

Граф осторожно отстранил ее от себя, будто говоря, что теперь он справится сам. Вместе они прошли в сторону трактирщика и Аластр, облокотившись о стойку, попросил:

— Налейте доброго вина и дайте две тарелки похлебки.

— Присаживайтесь, — кивнул им трактирщик на зал. — Могли бы и не подходить, я бы послал к вам девчонку. Или вам нужна комната?

— Нет, комната не нужна, — покачал головой граф. — Зато нужен возница, пара лошадей на смену и наемник, готовый за деньги сопровождать нас. А лучше бы не одного, а сразу нескольких.

— И лошади и возница у нас есть, — кивнул трактирщик. — Это я вам предоставлю. О цене договоримся. А по поводу эскорта обратитесь вон к тому типу. Боги знают, как его имя, но здесь мы все кличем его Сорокой. Он со своими ребятами сопровождает телеги торговцев. Хороший мужик, надежный.

С этими словами трактирщик ткнул пальцем в дремавшего дядьку. Аластр поблагодарил его, оплатил завтрак и, не давая Леде себя поддерживать, поковылял в сторону наемника. Дверь распахнулась и в трактир ввалились сидевшие на крыльце люди. Гомоня, смеясь и ругаясь, они прошли сквозь зал и уселись рядом с наемником. Растормошили его, крикнули принести им пива. Леде стало страшно. Она до смерти боялась таких шумных, галдящих компаний. От них буквально исходила какая-то незримая опасность. Казалось, эти веселые люди вот-вот вскочат и возьмутся за ножи. Однако Аластр, видно, не чувствовал этого. Он подошел к столу и, упершись в него руками, наклонился чуть вперед.

— Доброго утра вам, уважаемые господа наемники, — сказал он хмуро. — Не желает ли кто из вас подзаработать?

Наемники замолкли, рассматривая графа с интересом.

— Ну желаем, че б не желать, — сказал их предводитель, которого трактирщик назвал Сорокой. — Че делать-то надо?

— Сопроводить меня и мою спутницу до горы Вой, — сказал Аластр. — И, по возможности, избегать лишних вопросов. Плачу золотом.

— Ну раз золотом, — усмехнулся Сорока. — Когда выдвигаемся, а, ваша светлость?

— Через час, — сказал Аластр. — Только утолим голод и в путь. За два дня доберемся?

— Доберемся и за день, — заверил его Сорока, хитро улыбнувшись. — Уж будьте уверены. Только возницу не нанимайте. Мои ребятки лучше с этим делом справятся.

— Вот и отлично, — буркнул Аластр, а потом кивнул Леде. — Пошли. Суп стынет.

Уселись они в противоположном конце зала, поближе к выходу. Перед ними поставили две тарелки с неприятного вида варевом, тем не менее, источавшего приятный запах мясной похлебки. Леда тут же наклонилась к графу и зашептала:

— Аластр, повернем назад. Вы ранены, а эти люди совсем не вызывают у меня доверия. Вы только посмотрите на них. Они же настоящие головорезы. Ничто не мешает им увезти нас поглубже в лес и там оставить, отобрав и деньги, и карету.

— Ты преувеличиваешь, — недовольно нахмурился Аластр. — Хватит бояться собственной тени. Все наемники выглядят как бандиты.

— Нет, — отрезала девушка. — Я знаю, как выглядят наемники. Пусть они готовы отдать свою жизнь за деньги, но...

— Прекрати это, — оборвал ее Аластр. — Я сказал, что мы едем, значит мы едем. И это не обсуждается, Леда. Я не поверну. Не отступлюсь. Не сдамся из-за какой-то... из-за каких-то маленьких неприятностей...

— Маленьких неприятностей? — удивилась Леда. — Граф, вы похожи на бледную поганку, у вас в лице ни кровинки. Вас шатает, вы еле выбрались из кареты и, видят боги, упали бы если не моя поддержка. Все верные вам люди мертвы, а на этих вы вряд ли сможете положиться. Что вы скажете им, если вдруг за дверью обнаружится все же... то что вы ищите? Даже если они честные люди, они ведь поднимут нас на ножи, если поймут, зачем мы туда едем.

— Прекрати это, — хлопнул рукой по столу граф. — Леда, я шел к этому семь лет, а мечтал и того больше. Семь лет я творил то, что было противно моей же натуре. Думаешь, приятно было ставить те эксперименты? Думаешь, я радовался смертям людей? Если я сейчас развернусь и поеду домой, то это будет похоже на бегство труса...

— Нет, это будет похоже на поступок благоразумного мужчины, правильно оценивающего свои силы, — тоже разозлилась Леда. — Никуда гора Вой не денется, никто все равно без медальона ее не откроет...

— Мы едем и точка, — отрезал упрямо граф. — Это не обсуждается. Заткнись уже и ешь.

Проглотив грубость, Леда уткнулась в свою тарелку.

«Как ребенок, — подумала он разозлено. — Видят боги, из-за его упрямства не миновать нам беды...»

Из-за отсутствия тепловой лампы останавливались они у каждого трактира, то есть практически каждые час-полтора. После самого длинного переезда, длившегося три часа, у Леды зуб на зуб не попадал. Но больше всего она беспокоилась за Аластра, который беспробудно спал. В одном из больших поселков она сделала графу перевязку и поняла, что раны его лучше выглядеть не стали. Стоило Леде осторожно содрать бинты, размочив их в кипяченой воде, как кровь пошла снова. На еще одну попытку уговорить графа повернуть назад он разлился, и она решила смириться.

Их новые провожатые, к огромному удивлению Леды, заводят их в лес и обворовывать не собирались. От осознания того, что они вроде нашли честных соратников, жертвенница немного расслабилась. Ехали они самым большим трактом, ведущим от города графа до столицы и сворачивать никуда не собирались. К тому же ехали на удивление быстро. Парни Сороки каждый раз подбирали на удивление хороших лошадок.

Забеспокоилась Леда когда стемнело, а они все неслись в бешеном темпе по дороге. Сердце ее сжималось в плохом предчувствии. Она опасалась, что черный пес, донимавший их последние две ночи, вот-вот выпрыгнет из-за угла и примется рвать плотки их сопровождающим.

Ей вдруг вспомнилась прошлая ночь и то, что сказал медальон.

«Лаоллет, — припомнила она. — Так он пса назвал. Значит, это вовсе не дух Февраля? Что же это тогда за собака такая? И что она задумала?»

В том, что это не простой пес, науськанный кем-то из недоброжелателей графа, Леда была уверена. Уж слишком странно он вел себя. То рычал и бросался, то пытался снять с нее медальон.

«Может, он как и мы хочет воскресить Марта? — подумалось Леде. — Медальон вроде что-то подобное говорил».

Устало вздохнув, она плотнее закуталась в шкуры и попыталась задремать. Из-за изматывающего холода и беспокойства за Аластра у нее это получилось. Не успела она глаза закрыть, как провалилась в тяжелый, полный пугающих образов сон. Ей чудилось, что едет она все так же в карете, только за окном, вдоль дороги, бежит черный пес, сверкая синими глазами.

Разбудило ее то, что они остановились. Девушка открыла глаза и прилипла к окну, надеясь увидеть приветливые огоньки трактира, но вокруг стоял освещенных светом факелов лес. Леда осторожно потормошила все еще спавшего Аластра, и он открыл глаза.

— Уже приехали? — спросил он. — Что за трактир?

— Это не трактир, — покачала головой девушка.

Граф нахмурился, и полез было за своим арбалетом под сидение, как дверь кареты распахнулась. Двое улыбающихся наемников схватили Аластра под руки и выволокли на снег. Следом за ними заглянул еще один и вытащил уже Леду, сцепив ее запястье своей мозолистой ручищей. На улице стояла ночь, луна запуталась в паутине мертвых ветвей деревьев. Наемники окружили их, скрутили дергающегося графа, и вперед выступил Сорока.

— Проклятье, что вы делаете? — выплюнул Аластр. — Я ведь заплатил вам!

— Да, заплатил, — сказал предводитель наемников. — И очень хорошо заплатил. Раз заплатил — значит есть деньги. А раз есть деньги — значит, их можно забрать.

— Я граф, меня будут искать!

— Ну и что? — пожал плечами наемник, подходя к нему ближе и беспардонно роясь в его карманах. — Ну поищут, ну выйдут на нас. Но мы же не дураки, граф. Скажем — на нас напали разбойники. Скажем — графа с девицей убили прямо при нас. Скажем — сами еле ноги унесли, спасать уже некого было. А что деньги у нас есть — так мы ж наемники. У нас часто деньги есть. А карету спрячем, и по весне через знакомых разбойников продадим.

— Чтоб тебя заживо похоронили, — глухо сказал Аластр. — Чтобы вороны склевали тебе глаза...

— Полно сыпать проклятьями, — ухмыльнулся Сорока. — А то на себя самого беду накличешь.

Повернувшись к своим парням, он спросил:

— А что, хорошая ведь мысль, ребята! Привяжем-ка мы их к дереву. Вроде и не мы убили, а Январь забрала. Девке, вон, туда и дорога.

Бандиты заржали, но Леда совершенно ничего от этого не почувствовала. Ей даже, к ее же удивлению, не было страшно, ведь случилось то, о чем она и подозревала. Зато Аластр явно был таким поворотом событий шокирован, и злился от этого.

— Какого лешего вы нас тогда весь день тащили по тракту? — спросил он зло. — Прирезали бы на месте, да и с концами!

— Прямо под носом у этого навозного жука Александра? — фыркнул Сорока. — Больно надо. Уж больно он, говорят, на расправу скор. К тому же кто ворует среди бела дня — тот ничего не понимает в жизни. Мы протащили вас по тракту, показав, что мы вам служим. Что скажут трактирщики? Везли, защищали. Что скажут в деревнях? Ехали эскортом за каретой. А что скажем мы? Разбойники напали. И нам поверят. Мы ведь не бандиты. Мы просто изредка, когда куш слишком велик чтобы отказаться, заводим людей в лес и бросаем. И знаете, сегодня мы сорвали с дерева под названием Северный Тракт самое спелое, самое жирное яблоко из всех.

С этими словами Сорока широко усмехнулся и вытащил из кармана графа мешочек с деньгами. Бандиты скрутили с пальцев Аластра кольца. Один из мужиков, дыша гнилью своих зубов в лицо Леды, попытался снять с ее шеи медальон.

— Эй, Сорока, не снимается, — сказал он, тщетно пытаясь перерезать острым кинжалом золотую цепочку.

Предводитель наемников глянул на медальон Леды и фыркнул.

— Игрушки богов? Ну и в пропасть, пускай остается. Мало ли, вдруг он проклят?

— Это ключ, — вдруг буркнул граф.

— Как-как ты сказал, ключ? — фыркнул Сорока. — Не смей меня. И что же он открывает? Неужто дверь в сокровищницу дракона, что прячется в горе Вой?

— Именно туда, — нахмурился Аластр.

— Ты сам-то слышишь себя? — хохотнул Сорока. — Даже если это и так, то в этой пещере сидит на этих самых сокровищах дракон. А я, не будь идиотом, не за что туда бы не полез. Хватит нам и того, что мы содрали с вас сегодня. Жадность — не мой удел. Эй, парни, привяжите их к дереву и сваливаем. Нам еще прятать карету и драться, чтобы нам поверили.

Не прошло и пары минут, как кавалькада всадников и карета, вместе со светом и

остатками тепла, умчались в ночь. Леда и Аластр, привязанные к дереву, остались совсем одни посреди холодного леса.

— А я ведь говорила, — первой начала Леда. — Говорила вам...

— Нас найдут, — оборвал ее Аластр. — Я посылая письмо Вадгриму, он обещал прислать людей к пещере. Мы должны были бы быть там уже сегодня вечером. Они забеспокоятся и отправятся нас искать. Увидят сворачивающую с дороги в лес колею. Найдут...

— Правда, к тому времени мы замерзнем, — сказала Леда почти весело.

— Ты так радуешься смерти? — огрызнулся граф.

— Нет, просто я знала, что все так и будет, — парировала Леда. — Я уже готова была к этому. Да уж... одно радует, что хотя бы пару недель перед смертью я пожила в теплом замке.

— Я не могу просто так здесь сдохнуть, — дернул веревку Аластр. — Я еще не закончил свое дело. Пес бы их всех разодрал, этих наемников. Если я выберусь отсюда, то лично всех семерых на кол посажу!

И тут Леда заметила горящие между деревьями синие глаза. Она не могла уже больше бояться смерти — и так стояла на ее пороге — но пса она испугалась до чертиков. Аластр что-то еще говорил, возмущался, дергался, шипел от отчаяния, а она, как зачарованная, смотрела, как пес подходит все ближе. Он шел опустил голову и неотрывно смотрел на нее, переступая толстыми черными лапами. Как волк. Подойдя почти к ее ногам он сел и уставился на девушку совершенно не собираясь нападать.

— Аластр, — позвала Леда. — Тут... посмотри сюда...

Граф за ее спиной зашевелился, а потом глухо проговорил:

— Только этого нам еще не хватало.

Пес склонил голову на бок, умно смотря на связанных людей. Леда вдруг вспомнила слава медальона, сказанные прошлой ночью.

— Лаолет? — позвала она.

От этого имени собака посмотрела на нее как-то даже удивленно. Леда плохо видела его в темноте, лишь глаза горели, но уловила некоторую напряженность. Пес подвинулся ближе.

— Тебя ведь так зовут, да? — продолжила тихо и осторожно Леда. — Тебе нужен мой медальон, так?

— Он не твой, — фыркнул Аластр. — Это медальон Марта...

— Но сейчас-то он на моей шее висит, — вздохнула устало девушка, а потом снова повернулась к собаке. — Ну, что скажешь? Он тебе нужен?

Пес кивнул и улегся на снег, положив голову на лапы. Девушку это удивило. Этот жест животного так походил на людской, что стало жутко.

— Ты хочешь воскресить Марта, да? — спросила Леда.

Заскулив, пес приподнял голову, еще раз кивнул.

— Но мы ведь тоже хотим этого, — сказала Леда. — Я и Аластр. Мы хотим воскресить Марта. Помоги нам, умаляю, иначе мы замерзнем здесь.

Собака покачала головой.

— Но почему? — в отчаянии спросила Леда.

Пес не ответил, только придвинулся ближе к девушке и лег у самых ее ног. Леде стало очень обидно. Они на одной стороне, так почему же он не хотел им помогать.

— Я тут вспомнил одну сказку, — вдруг сказал Аластр, от чего пес приподнял голову и наострил уши. — Про Марта и Февраля.

— Сейчас не лучшее время рассказывать сказки, — сказала Леда.

— Да нет, ты послушай, — вдруг увлеченно оборвал ее Аластр. — Давным-давно был у короля наследный принц — редкостный негодяй. Он убивал слуг, порол служанок, казнил едва провинившихся людей. А еще он всегда отстреливал бродячих собак. У Марта в то время в столице был любимый уличный пес, которого он постоянно подкармливал и просил кормить прочих богов. Так вот, на стыке февраля и марта два бога встретились на земле чтобы выпить и повеселиться. После пьянки Март уболтал Февраля забрать любимую собаку во дворец богов. Они принялись искать пса, но нашли его труп со стрелой в боку. Тогда Март так рассвирепел, что, подловив наследного принца на следующей же день превратил его в черного пса и долго за ним с луком охотился. Он хотел превратить его в человека обратно как только тот осознает свою вину, но наследный принц не исправился. Напротив, он принялся кусать людей и нападать на детей. И тогда Март и Февраль решили оставить его таким до тех пор, пока он... ай!

Пес беззвучно укусил Аластра за ногу. Он не рычал и не щерился, скорее просто таким образом велел графу замолчать.

— Но это же было как минимум семьсот лет назад? — спросила осторожно Леда.

— Я воткнул этому псу кинжал в шею, а он все еще жив, — напомнил Аластр. — Чего же ты удивляешься, что ему около тысячи лет?

Леда глянула на собаку, и та глянула на нее.

— Так ты хочешь сам спасти Марта чтобы тот тебя расколдовал? — удивилась девушка.

Пес кивнул.

— Он этого не сделает, если ты дашь нам умереть, — сказал Аластр. — Так что господин Лаолет, будьте так добры, перегрызите веревки и помогите нам добраться до горы Вой. И тогда обещаем, мы уговорим Марта вас расколдовать.

Замерев в нерешительности, заколдованный принц заскулил. Леде вдруг стало жаль его — столько лет бегать собакой, да еще и не иметь возможности даже умереть.

«Наверняка у него в голове все перемешалось за тысячу лет, — подумала она. — Плохое Март для него наказание выбрал».

Зубы у девушки уже стучали, изо рта давно уже вырывались клубы пара. Тепло покидало ее тело, клонило в сон. Пальцы ног начинало покалывать. Она понимала — пес ждет, когда они умрут от холода. Март ведь запретил ему вчера нападать на людей, накричал на него. И Леда прекрасна знала — даже если Лаолету удастся вызволить бога, тот будет зол на него. Девушка закрыла глаза и решила уснуть, закончить все это наконец...

У ее руки что-то хрустнуло. Приоткрыв один глаз, девушка увидела, что пес грызет веревки.

«Значит, еще не конец?» — подумала она и к своему немалому удивлению испытала от этого некоторое разочарование.

Веревка щелкнула и ослабла. Аластр изловчился и сунул руку под кринолин Леды. Та охнула, но граф всего лишь вытащил из ее сапога кинжал, который бандиты не обнаружили, и перепилил еще один узел на веревке. Они оказались на свободе, однако вокруг стоял лес и

куда идти, у кого просить помощи, было непонятно.

— Надо выйти к тракту, — сказал Аластр, растирая замерзшие руки. — Может, удастся уговорить кого-нибудь подбросить нас до ближайшего трактира. Заложим твой кинжал и попытаемся добраться до кого-нибудь из союзников, или нас найдут посланные королем люди.

Пес схватил его за подол пальто и потащил, рыча, совсем в другую сторону от тракта.

— Да что ты делаешь? — вырывая у собаки из зубов свою одежду, спросил граф. — Нам не нужно туда...

— Нужно, — сказала Леда, вглядываясь в темноту леса.

Впереди, в какой-то паре километров от них, косым, длинным клыком уходила под углом в темное небо гора Вой.

Шли они долго. Леда вся измучилась, кринолин страшно мешал ей идти. Она проваливалась по колено в сугробы, а проклятая юбка тащилась по снегу, цепляясь за кусты. В какой-то момент девушка оглянулась и увидела тянущийся за собой след, похожий на тот, что оставляет улитка. Ей подумалось, что обнаруживший его будет очень удивлен. В сапожки Леды набился снег, пальцы ног кололо, хотя она и старалась шевелить ими. Пес прыгал впереди. Он тонул в лесных сугробах по самое брюхо. За ним следовал, тяжело дыша и сжимая руку на больном предплечье, Аластр. Замыкала шествие Леда, наступая в следы графа. Гора приближалась так медленно, а мороз щипал нежную кожу так сильно, что в пору взвыть от отчаяния. Но больше всего Леду занимал другой вопрос.

«Неужто я всерьез решила умереть тогда?»

От этого ей становилось страшно. Мысль о том, что она вот так запросто спасовала, отдалась смерти, заставляла ее испытывать жгучий стыд. Она не могла поверить, что сдалась.

«Ведь я столько уже пережила, столько сделала, чтобы вытащить свою жалкую жизнь из лап Января, — думала она, обиженная сама на себя. — И не только я. Аластр подставился из-за меня уже дважды, страдает от ран, а я вот так запросто...»

Гора приближалась. Прошел еще долгий час мучений. У Леды набился снег даже в штаны. Когда они достигли подножья, у Леды страшно ломили ноги. Однако они были живы, они справились, и от этого жертвенница испытала прилив эйфории. Она готова была танцевать от радости, понимая, что они добрались. Даже холод на какое-то время отошел на второй план.

«Вот и закончилось все, — подумала она. — Сейчас мы поднимемся в ту пещеру, отроем дверь, вызволим Марта и отправимся до...»

Додумать мысль она не успела. Гора вдруг задрожала, и из ее чрева донесся душераздирающий, подобный грому вой. Вниз по склону покатались камушки, спорхнули в воздух, испуганно крича, спавшие в своих гнездах птицы. Какую-то минуту нечто внутри горы выло и металось, а потом все снова стихло.

— Что это было? — испуганно спросила Леда.

Ей вдруг вспомнилось все то, чему она не придавала особого значения. Название горы, слова разведчика о том, что за дверью есть что-то живое, слава бандитов о драконе.

— Внутренние обвалы или ветер, — отмахнулся Аластр. — Драконов не существует, Леда. Да, когда-то, при истинном творце они населяли наш мир. Но ты же знаешь, что он всех их...

Гора снова затряслась, заглушив последние слова графа.

— Только не говори, что мы пойдем внутрь прямо сейчас? — ужаснулась Леда.

— Нет, мы замерзнем здесь, — съязвил граф.

И как бы Леде не было страшно, она с ним согласилась. Все же они замерзли, а в пещере можно попробовать развести огонь. Терзаясь плохим предчувствием, девушка поспешила за графом. Гора же будто бы угомонилась, притихла, притаилась.

Вблизи Вой походила на криво воткнутой в землю ребенком продолговатый камень.

Огромный камень. Путешественникам пришлось обойти ее по кругу, чтобы найти еле различимую лестницу. Выбитые прямо в скале ступеньки давно уже истерлись и кое-где их разбило осенними ливнями, однако ни льда, ни снега на них не оказалось. Лестница спиралью взбиралась по склону, соседствуя с практически отвесной пропастью. И с каждым шагом пропасть эта становилась все глубже и глубже. Стремительный ветер здесь, на высоте мечтал сшибить путешественников с ног. Он даже умудрился стащить с Лединой юбки парочку некрепко пришитых бантиков, против чего, впрочем, девушка не возражала. Одно радовало — идти по промерзшему камню было все же легче, чем по снегу.

Пещеру они нашли не сразу. Она оказалась узкой щелью в скале — темной и неприветливой. Леда еле-еле протиснулась туда со своим кринолином. Внутри было ужасно темно. Какое-то время Леда видела лишь глаза пса, поскуливающего то ли от холода, то ли от близости цели.

— Придется переждать здесь, — буркнул граф. — Странно то, что мы не встретили людей короля. Они должны были уже прибыть. Даже если бы они отправились нас искать, то оставили бы хотя кого-то на месте.

— Может они тоже задержались? — спросила осторожно Леда.

— Возможно, — согласился граф. — Возможно даже из-за той метели. А возможно я переоценил их скорость. Кто знает.

Медальон, который до этого не подавал признаков жизни, вдруг начал нагреваться. Леда вытащила его из-под меховой ротонды и увидела, что он пульсирует зеленым. Граф тоже заинтересовался.

— Бьется как сердце, — сказал он. — Хороший знак. Мы на правильном пути.

Медальон тускло осветил пещеру, выхватив уходящий вглубь горы тоннель. Граф замер, повернув нос в сторону провала, как охотничья собака, которая пытается унюхать дичь. Он еще ничего не сказал, а Леда уже знала — сейчас они пойдут туда. Потому она отряхнула юбку и, не дожидаясь приказа графа, двинулась по тоннелю. За ней потрусил черный пес.

— Читаешь мысли, — сказал Аластр.

— Просто вы, граф, как открытая книга, — сказала девушка. — И в этой книге написано всего одно предложение.

— Какое же? — насторожился граф.

«Я упрямый осел», — подумала Леда, а вслух сказала:

— Я очень хочу воскресить поскорее Марта.

Граф фыркнул, но, кажется, от удовольствия, а не от смеха.

— Знаешь, это не в моих правилах, но... — начал он вдруг. — Ты была права.

— Спасибо, — Леда удивленно на него оглянулась.

Граф улыбался — впервые за то время, пока она его знала. По-настоящему. Искренне, отчего толстая сухая кожа на его щеках сложилась гармошкой. Стоило Леде посмотреть на него, как на лице появилась некоторая рассеянность. Граф замаялся, а потом сказал уверенно.

— Знаешь что, когда все это закончится, и мы вернемся в замок, то можешь просить у меня чего хочешь. Имею в виду... ты была хорошей напарницей, и я тобой доволен. Если бы я чуть больше тебя слушал, то, может, все обернулось бы лучше.

— Граф, прекратите, вы меня пугаете, — смутилась Леда. — Станьте обратно хмурым и серьезным.

Колокольчиком зазвенел смех из медальона.

— Нет счастливее человека, стоящего на пороге своей мечты, — донесся из медальона

тихий голос. — Тебе не понять его, девочка. Ведь ты не можешь желать так страстно, как он.

— Вы проснулись? — спросил Аластр, тут же подобравшись.

— Да... — прошептал медальон. — Но сил у меня еще мало. Потому идите. Я попытаюсь помочь в случае чего.

Пес заскулил и, обогнув Леду, двинулся вперед с удвоенным энтузиазмом. Девушке же пришлось подбирать кринолин, чтобы проскальзывать в особо узких местах. Трещина то сужалась, так, что продвигаться в ней приходилось боком, то расширялась. Однако к немислимой радости замерзших путешественников с каждым шагом становилось все теплее и теплее. И Леда, как бабочка на свет, скинув в очередном проходе чертов мешающий кринолин, поспешила вперед.

К двери — огромной, золотой, усыпанной драгоценными камнями — они вышли совершенно внезапно. Она просто вынырнула из за очередного поворота коридора, и Леда подивилась, какая же она красивая. Медальон засветился еще ярче, позволяя рассмотреть диковинку.

— И как только ее не распилили и не растащили-то? — удивленно спросила она.

— Были попытки, — хмыкнул Граф. — Однако никто так и не смог на ней даже царапины оставить. Это как с медальоном. Невозможно цепочку не перекусить, ни разорвать, ни разрезать. Одно время я даже купал его в кислоте, надеясь, что уничтожив сам медальон я освобожу душу Марта и она уж как-нибудь сама найдет тело, но это оказалось бесполезной тратой времени. Божественные подарки, видно, неразрушимы.

Леда кивнула и принялась с интересом осматривать дверь. От нее буквально пышило жаром. Как нельзя «кстати» снова в памяти всплыли слова о драконе. Девушка пробежалась глазами по двери и увидела двенадцать геральдических символов — цветов — по шесть на каждой двери. Нашлась здесь и лилия — такая же, как на ее медальоне. Полукруглую же верхнюю часть двери украшал силуэт изогнувший спину кошки. Девушка припомнила, что в сказках Март всегда обращался рыжим котом, и сердце у нее дрогнуло.

— Передохнем немного, — сказал Аластр, опускаясь на пол и приваливаясь к стене спиной. — А потом пойдем внутрь.

— Может,ждемся подмоги от короля? — осторожно спросила Леда.

— К черту подмогу, — фыркнул граф. — Если они не приехали — значит застряли. Мы можем прождать здесь и день, и два, и три. Да, холод нам не страшен, зато у нас нечего есть. А умереть от голода мне не хочется.

— А что, внутри может оказаться накрытый стол? — удивляясь своей дерзости, спросила Леда.

— Нет, но внутри может оказаться бог, который поможет нам этот стол накрыть, — ловко парировал граф.

Крыть было нечем, и Леда тоже села к стене, прислонившись спиной к теплему камню. Пес, до этого обнюхивавший дверь, подошел к ней и лег, положив большую грустную голову на колени девушки. Леда осторожно коснулась его загривка, и собака подставила ей своя шею и уши, мол, чеши меня. Конечно, он не стал, как это обычно делают псы, валяться и подставлять живот, но от ласки не отказался.

«А ведь каких-то три дня назад я вздрагивала от одной мысли об этом чудовище, — подумала Леда. — Может, и в жизни моей все не так страшно? Может, просто стоит остановиться и разобраться? Поговорить уже наконец с графом, разобраться в том, как к нему относиться. Он ведь не плохой, на самом-то деле, человек. Одержимый, готовый идти

по головам, но не плохой. Был бы плохой — не стал бы жизнь спасать».

— Какая умная девочка, — прошептал тихо-тихо медальон. — Однако чтобы стать свободной мало просто смириться или подумать над тем, что ты делаешь не так. Надо сражаться, девочка. Сражаться до победного конца.

— А если не знаешь, что делать? — спросила тихо Леда. — Если враг огромен и страшен а ты — маленькая и беззащитная.

— Тогда надо просто сражаться с двойным упорством, — зазвенел колокольчиком смеха Марта. — Ведь нет такого врага, которого нельзя было бы победить.

— Но ты ведь проиграл, — сказала озадаченно девушка.

— Поражения тоже бывают полезны, — сказал голос. — Потому что однажды свернув не туда ты это запомнишь, и больше так делать не будешь...

— Так это все же ты убил их всех? — спросила Леда, ощущая укол разочарования.

— Никто никого не убивал, — еле слышно отозвался медальон. — Все лож...

— Постой, я еще кое-что спросить хотела, — позвала Леда, но Март не откликнулся. Видимо, силы его иссякли.

Зато за дверью нечто зашевелилось. Осторожно девушка убрала со своих колен голову задремавшего пса и встала. Она подошла к золотым воротам и прислонилась к ним ухом, прислушалась. Внутри раскатывался периодически какой-то странный звук, похожий на тот, с каким ломался тонкий осенний лед, стоит на него наступить. К этому звуку добавлялся еще один — скрежетание. Изредка что-то за воротами шевелилось, жило. И это что-то явно было огромным, гигантским, исполинским, такие громкие звуки оно издавало.

Дверь вдруг скрипнула. Леда заметила, что медальон, свесившийся с ее шеи, уехал в сторону и прижимается своим боком к золоту. Скрип усилился и створки поползли вперед, открываясь. Леда вцепилась в край одной из них, но остановить ее не получилось. Тогда она в панике замерла прямо на пороге. Проснулся Аластр, проснулся пес, и все они с ужасом смотрели, как в глубине огромного зала поднимается от ужасающего скрипа ужасающе красивое, но очень злое нечто.

Каких-то пару минут Леда с ужасом разглядывала красивый зал. Ничего богаче и прекраснее она в жизни не видела. Стены украшали сростки кристаллов драгоценных камней, похожие на ошетилившихся разноцветных ежей. Пол устилала малахитовые и бирюзовые плиты, отшлифованные до зеркального блеска. Потолок уходил куда-то вверх и с него, будто сталактиты, свисали длинные, огромные кристаллы всех цветов и оттенков. А в центре, на постаменте, к которому вели хрустальные ступени, стоял огромный прозрачный сросток, внутри которого изогнулось живое тело.

Сквозь драгоценность Леда увидела угловатую фигуру божества и поняла, что скульптор, сделавший статую, что стояла в подвале Аластра, был полной бездарностью. Даже издали было видно, как Март на самом деле красив. Смуглое лицо покрывали целые созвездия веснушек и родинок. Оранжевый простонародный кафтан, подпоясанный веревкой, только подчеркивал его красоту. Создавалось впечатление, что он спит. И сон его охраняло самое прекрасное чудовище на всем белом свете.

— Голем... — выдохнул Аластр.

Леда не сразу поняла, о чем он. Големов она раньше видела на рисунках в книгах. Человекоподобные гиганты из неотесанных каменных глыб охраняли замок богов. Но это существо на них вовсе не походило. Все оно состояло и сапфира, внутри которого текла подобно ручью белоснежная, полная вспышек и завихрений сила. Лисью морду увенчивали два уходящих назад изогнутых рога, лапы походили на кошачьи. Хвост ящерицы и горбатый хребет голема украшали острые, прозрачные пики. Чудовище поднималось, скрипя противно суставами, и звук этот был все равно что стеклом по стеклу. Под его лапами скрипела драгоценная, стоящая целое состояние алмазная крошка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не успели путешественники опомниться и ринуться прочь, как чудовище вскинуло голову и завыло — страшно, совсем не как живое существо. Откуда исходил этот звук, Леда так и не поняла — ведь ни языка, ни горла у голема не было. Гора затряслась и на голову девушки посыпалась каменная пыль с потолка. Еще пара минут, и позади них, там, где находился спасительный выход, что-то затрещало и, видно, обвилось. Чудовище склонило голову к земле и пулей бросилось в их сторону.

— Бежим!

Аластр дернул Леду за руку так резко, что она едва удержалась на ногах. Причем дернул не назад, а вперед, прямо на чудовище. На секунду Леде подумалось, что он сошел с ума, но граф вовремя свернул, и страшная, открывающаяся на шарнирах пасть пронеслась мимо вместе со всеми ее шипами и алмазными когтями, скользнув в открытые золотые ворота. Не теряя времени даром, Аластр потащил Леду влево, где темнеет еще один тоннель. Скрежеща, чудовище развернулось и припустилось за ними, со страшным скрипом царапая драгоценный пол.

«Вот тебе и сокровища дракона, — подумалось вдруг Леде, и она нервно хихикнула от этой мысли. — И это сокровище сейчас превратит нас в...»

— Соберись, — прикрикнул на нее Аластр, и они нырнули в тоннель.

Неожиданно их обогнул пес и, призывно лая, повел. Голем неся следом, изредка оскальзываясь на гладком полу или застревая когтями между драгоценными плитами. Он оказался куда как более неповоротливым, чем казалось на первый взгляд, и это давало призрачную надежду на спасение.

«Только бы найти расщелину, куда его голова не пролезет, — стучало у Леды в голове. — Нишу, комнату, щель, что угодно!»

Она начинала задыхаться, ноги путались в проклятой голубой юбке, порвавшейся слева до самого бедра. Голем выбросил вперед голову и, изловчившись, на зуб подцепил ее подол. Леда вскрикнула, чуть не повалившись наземь, однако Аластр потянул ее на себя. Юбка затрещала и порвалась, оставшись у твари во рту. Потрепав ее, как пес треплет старую тряпку, чудище чуть отстало, а Леда с Аластром успели протиснуться в узкую трещину в стене, за которой оказался довольно просторный каменный мешок.

Хрипло дыша и держась за ключицу граф привалился к стене. В щель заглянул большой, с крупное яблоко янтарный глаз, вращающийся в гладкой глазнице. Вслед за глазом в каменный мешок пробралась сапфировая лапа, по-кошачьи пошарила, поскребла по камню и убралась, так никого и не зацепив.

— И что нам с этой машиной прикажете делать? — возмутился Аластр.

— Еле ноги унесли, — вздохнула Леда, обессилено опускаясь на пол.

— Я бы мог ее обезвредить, — прошептал горячий, почти обжигающий кожу жертвенницы медальон. — Но без тела я не смогу.

— Откуда она здесь взялась, эта тварь? — спросил Аластр.

— Это кладовая Январь, — ответил Март. — А это — ее верный сторожевой пес.

— В кладовках обычно хранятся моченые яблоки да вина, — нервно фыркнула от смеха Леда. — Теперь я знаю, что маринуют на зиму боги...

— Очень смешно, — осадил ее Аластр. — Мне начинает казаться, что ты ненормальная, Леда.

— А что мне, плакать? — спросила девушка нервно. — Нет уж, спасибо, наплакалась. Я уже устала бояться за собственную шкуру...

- Тогда давай выбираться отсюда? — предложил Аластр. — Раз ты вдруг стала такой смелой, то давай придумаем, как отвлечь эту тварь и освободить Марта?

— Думаешь получится? — расхохоталась Леда, руки у которой страшно тряслись. — Скорее уж мы придумаем способ собственного убийства...

Не сильная, но уверенная пощечина оглушила ее. Она отшатнулась, прижимая руку к щеке. Перед глазами у нее пронесся весь прошлый месяц. Вспомнилось, как она ревела в самом начале, как подчинялась любому приказу, как смиренно молчала. И она вдруг поняла, как сильно с тех пор изменилась. Эта Леда, сидящая на каменном неровном полу и не думала плакать. Она была чуть сумасшедшей, даже склочной и язвительной. Эта Леда могла спорить. Но даже эта новая Леда не могла потягаться с големом. Она глянула опасно в трещину и увидела, как удаляется по тоннелю сапфировое чудовище размерами с ее крошечную избушку.

Граф тем временем подошел к девушке и, схватив за плечи, глянув прямо в глаза. Он не был зол, он не паниковал, не хмурился и не боялся. Пощечина просто была хорошим, действенным способом отрезвить запаниковавшую девушку. В его карих глазах Леда вдруг увидела то, чего так не хватало ей — решимость. Уверенность в том, что он может что-то изменить.

— Послушай, я знаю, что это чудовище большое и страшное, — сказал граф ей почти как маленькому ребенку. — Однако она не такое большое и страшное как Январь. К тому же мы точно знаем, как его победить. Я отвлеку его, уведу дальше в пещеры и постараюсь удержать. Сейчас я выйду отсюда и начну шуметь. Ты же в это время пойдешь к этому проклятому кристаллу и постарайся, всеми силами постарайся вытащить из него Марта.

— Но как? — спросила Леда. — Не ногтями же мне его из этой глыбы выковыривать...

— Об этом не беспокойся, — прошептал медальон. — Я сделаю все сам. Главное подойди как можно ближе. Чем ближе мои тела и душа, тем легче мне будет колдовать.

— А если... — Леда закусил губу. — Если это чудовище убьет нас...

— А какая, собственно, разница? — фыркнул Аластр. — Даже если люди короля и придут сюда, то они еще не скоро разберут завал. Если нас не убьет чудовище, то мы умрем от голода. Только вот во втором случае никакого шанса на спасение у нас будет. А так хоть попытаемся. И если умрем — то хотя бы с осознанием того, что мы умерли сражаясь.

Леда сглотнула. Граф был прав, и она понимала это, но ей все равно было страшно. Пес, пугливо жавшийся к стене, заскулил.

— Трус, — поругал его Аластр. — Так собакой и останешься.

Лаолет зарычал, но от стены все же отлип. Увидим, что даже пес справился со своим страхом, Леда приободрилась. Она кивнула.

«За жизнь надо сражаться, так Март сказал? — подумалось ей. — Ну что ж... страшно, но мы попробуем...»

Ей вспомнился вдруг призрак отца, бросившийся с топором на жрецов. Он попытался сразиться с тем, чего не мог победить. Теперь попытается она. Даже если это будет стоить ей жизни. Уловив, видно, это в ее взгляде, Аластр кивнул.

— Ну, я пошел, — сказал он, а потом, улыбнувшись, вдруг добавил. — Если что знай — ты была лучшей из моих жен.

— Ну и на том спасибо, — улыбнулась ему в ответ Леда.

Аластр кивнул, потом помрачнел, подобрал камень и принялся выбирать из расщелины.

— Эй, пугало драгоценное! — крикнул он, запустив камнем в горбатую спину голема. — А ну-ка давай побегаем еще немного!

Вытянутая лисья морда обернулась и уставилась на графа мутными янтарными глазками. Граф опрометью бросился дальше по коридору, а чудовище шустро и грузно понеслось следом, будто кошка за мышкой. Леда выжидала. Вот чудовище поравнялось с расщелиной, вот пронеслось мимо, вот удалилось вглубь коридора. Пес заскулил, прижавшись к ноге жертвенницы.

— И как я могла тебя бояться? — тихо спросила у него Леда, выбираясь в тоннель..

На цыпочках, но очень-очень быстро она побежала в сторону зала, где стоял прозрачный кристалл. В висках у нее стучало, поле зрения сузилось до точки прямо перед собой, в глазах темнело. Она еще не успела толком отдышаться от прошлого забега, а теперь вновь приходилось бежать. Не чувствуя ног, девушка влетела по ступенькам на постамент. Ее окатило волной горячего воздуха, и с каждым шагом жар усиливался. Она обессилено прислонилась к кристаллу, похожему на раскаленную печь, прижалась к нему медальоном. Кожу ей жгло, она то и дело отстранялась и потом приваливалась снова, золотая цепочка раскалилась и кожу под ней щипало. А потом началось.

Словно свеча, размякшая от огня, кристалл начал плавиться. Поток прозрачной, вязкой

жижи стекали с постамента, застывая причудливыми каплями. Из тоннеля раздался скрежет когтей, и Леда в отчаянии прижалась к камню плотнее. Пес у ее ног зашелся испуганным скулежом. Март потихоньку освобождался из своей темницы. Вот его голова оказалась на свободе, и он хрипло, болезненно начал хватать ртом воздух, как пловец, слишком долго пробывший под водой. Скрежет когтей по плитам стал громче, он приближался. Вот бог выдернул из растворяющегося прозрачного кристалла руку и, блестя глазами цвета первой листвы вцепился в свой медальон. Из тоннеля вылетел, как пробка из бутылки, голем и припустился вперед. Аластр бежал следом, закидывая его камнями. Вот бог высвободил другую руку и вытянув ее в сторону голема, что-то выкрикнул на неизвестном Леде языке.

Ничего не произошло. Еще один крик, и голем начал замедляться. Пульсировавшая в нем энергия начала угасать. С каждым шагом двигался он все медленнее и медленнее, все с большим усилием переставлял свои суставчатые лапы. И вот он застыл, заскрежетав по полу пузом и кроша сапфир, из которого сотоял. Только глаза все еще неистово крутились в гладких глазницах.

Март вытащил из киселя ноги и буквально повис на Леде. Они вместе сделали пару неуклюжих шагов вперед, а потом древнее божество обессилено сползло на пол. В тот же миг от дверей раздался странный, резкий грохот и из тоннеля вылетело облако пыли. Гора затряслась, посыпались с потолка кристаллы, но вскоре все стихло. Зато в распахнутые ворота влетело добрых два десятка воинов с мечами наголо, облаженных в военную форму короля.

КОНЕЦ ЧАСТИ 3

Стоило чуть улечься суматохе, Аластр отвел в сторонку десятника. Было видно, что граф очень и очень устал. Видно вымотала его вся эта беготня с големом. Потому Аластр прислонился к стене пещеры, выбрав место, чисто от сrostков кристаллов.

Десятник оказался совсем молоденьким — на вид ему было лет двадцать. Низкого роста, щуплый, с редкими волосками пробивающихся усов над верхней губой, он вызывал некоторое удивление. Таких «мальчиков» даже в стражу-то не брали, что уж говорить о командование десятком. Однако колючие темные глаза парня смотрели на Аластра как на мальчишку, который еще «не понюхал пороха», и это графа ужасно раздражало.

— По кой вы вообще сюда сунулись? — спросил десятник, не прибегая к такой полезной штуке, как почтительное обращение. — Король же вроде писал вам: пока не подоспеет подмога — не входите.

— Случайно вышло, — поморщился граф. — Леда зачем-то к воротам прислонилась. Видимо пыталась послушать, как шевелится голем. Кто же знал, что от одного прикосновения медальона ворота откроются.

— Что ж ты ее не предупредил? — продолжил отповедь парень.

— Слушай ты, — вышел из себя Аластр. — Давай-ка ты не будешь учить меня как жить. Что сделано — то сделано. Открыли, вошли в пещеру, победили голема. Что тебе еще от нас надо? Или ты самоубийца, мечтающий болтаться в петле? Уймись. А если тебе хочется кого-то отчитать — вон, иди, надавай по рукам своим парням, которые выковыривают из стен камни.

— Пускай выковыривают, — махнул рукой десятник, которого не разозлила и не испугала тирада графа. — Ладно. Пес с тобой, граф. Но только при мне — никаких фокусов. Вадгрим велел тебя доставить в целостности и сохранности, и чтобы ни волоска с твоей головы не упало, а ты весь исцарапанный и раненый. Вот где мы тебя лечить будем?

— Ишь ты, короля по имени? — удивился Аластр. — Кто ты такой, сукин сын?

— Ну Карлом меня кличут, — усмехнулся десятник. — Слышал может?

И только тогда Аластр заметил болтающийся на поясе у парня короткий меч. Высовывающаяся из ножен рукоять украшалась крупным рубином. Таких не носят простые десятники. Но Карл, настолько о нем слышал граф, простым десятником и не являлся.

— Слушал-слышал, — кивнул граф, еле заметно поморщившись. — Да только нос не задирай. Одно дело охотится на разбойников, и совсем другое — наше дело. Ни я со своими знаниями, не ты со своим прославленным искусством владения мечом этого голема бы не одолели. И перед Январем мы с тобой одинаково беспомощны.

— Знания? — фыркнул десятник. — Хорошее же оружие ты выбрал себе в этом сражении. Нет, парень, брал бы ты эту леди-в-бантиках и тащился бы в свою глубинку. Только мешать будете.

— Тем не менее никому до меня не удалось найти Марта, — закипая, процедил граф. — Уймись, ты ходишь по очень тонкому льду моего терпения.

— Хитро дело было найти, — махнул рукой Карл. — Дорога здесь одна — прямая. А то, что открывается дверь...

Договорить он не успел. Аластр — будучи почти на голову выше — схватил парня за грудки и притянул к себе:

— Я не славлюсь терпением, — прошипел он в лицо парню. — Так что заткнись, парень. Просто заткнись, пока я еще окончательно не разозлился. У тебя есть острый меч и тугой лук, но руки, держащие их коротки. Пусть у тебя могло создаться впечатление, что меня ненавидит весь свет, но поверь мне — это не так. И у меня есть союзники, которые могут запросто поймать за руку незадачливого охотника на разбойников на каком-нибудь пустячном преступлении и скинуть с тепленького пьедестала почета.

Карл на это только улыбнулся Аластру в лицо. Граф уже хотел стукнуть его. Позабыв обо всей своей усталости, но передумал. Отпустил воротник зимней военной формы, поморщился, будто держал в руках какую-то дрянь и глянул на постамент. Среди застывших потеков кристалла — что это за материал был Аластр так и не смог выяснить — сидела Леда. Справа от нее, прижимаясь к ее боку, лежал черный пес. Но это было не важно. Потому что слева, положив ей голову на колени, примостился так и не пришедший в себя Март. И Аластра то, как девушка перебирает рыжие короткие волосы, выводило из себя.

— Может, все же отправим ее домой? — спросил Карл. — Баба с возу, как говорится...

— Не получится, — покачал головой Аластр. — И сам хотел бы, да не получится. Медальон у нее на шее принадлежит Марту, но не снимается. Без него, боюсь, далеко мы не уедем.

— Погодь, а может срезать? — вытащил нож десятник. — Это же золото, оно мягкое. Раз-раз и все.

— Ты меня за идиота считаешь? — приподнял бровь Аластр. — Знаешь, сколько людей его носило? И ни один снять не смог до самой смерти.

— Так убьем ее и дело с концами, — Карл сказал это так, будто собирался вынести мусор. — Судя по ее платью, умом она не отличается. Ну да, красивая, но для дела...

— Еще слово, и я тебя на месте убью, а потом скажу всем, что тебя голем пришиб, — зашипел на него Аластр. — Я эту девушку уже спасал от смерти черт знает сколько раз. Только тронь ее, и тебе придет крышка.

— Какие мы злые, — ухмыльнулся Карл. — Неужто так хороша в постели?

И, наконец дав волю эмоциям, Аластр развернулся и все же дал ему — от всей души — по морде кулаком.

Часть 4. Ворон, пес и кот. Глава 1

Леду откровенно смешил вид этого потрепанного паренька, с которым подрался граф. Она недоумевала, с чего вдруг Аластр набросился на него с кулаками. Впрочем, десятнику досталось не сильно — он отделался большим фонарем под глазом, который спустя пару часов, как бы парень не прикладывал к нему снег, утвердил свои права на его лицо. Больше графа ее беспокоил только Март.

Бог спал почти мертвым сном. Сердце у него билось, дыхание было ровным, но в остальном Март не подавал совершенно никаких признаков жизни. Видно он так измотался, что не мог и пальцем теперь пошевелить. С другой стороны это было прекрасной возможностью его получше разглядеть, чем Леда и занималась. Высоченный, худощавый, угловатый и весь, весь в канапушках бог выглядел уже не таким таинственно красивым, как в кристалле. Желтоватые зубы, торчащие уши и длинный любопытный нос чуть портили общую картину. Теперь Леда уже не сказала бы, что он «божественно красив». Скорее Март был ярок и, что греха таить, хорош на любителя.

А еще от него исходил жар, вовсе не похожий на тепло человеческого тела. Это не походило даже на поднявшуюся температуру. Он был просто горячим.

— Пора двигаться дальше, — сказал подошедший к ней все еще злой и чуть встрепанный Аластр. — Мы едем королю. Вадгрим нас ждет.

— К королю? — забеспокоилась Леда. — У него не будет проблем из-за нашего приезда?

— Могут быть, и я не раз ему об этом говорил, — нахмурился Аластр. — Однако наше неугомное величество хочет обсудит какие-то очень важные дела с нами и еще несколькими союзниками, которые прибудут в замок герцога Лока. Он сам хочется удостовериться в том, что мы вернули марта к жизни. А если уж Вадгрим чего-то хочет, то он это получает. Так что, как бы я не хотел отправить тебя домой, в безопасность, придется тебе ехать с нами. По крайней мере до тех пор, пока Март не очнется и не заберет у тебя медальон.

Леда тяжело вздохнула. Она так надеялась, что после этой-то заварушки она наконец освободится от опостылевшего ей золотого украшения, но медальон все еще висел на ее шее и не хотел сниматься. Чуть помедлив, девушка спросила осторожно:

— Аластр... а почему вы подрались с тем парнем?

— Неважно, — поморщился граф. — Это Карл. Может, слухи о нем до тебя доходили?

— Доходили, — кивнула Леда. — Охотник на разбойников.

О Карле Латена — редкостная любительница собирать и разносить слухи — одно время все уши Леде прожужжала. Иногда жертвеннице казалось даже, что ее подруга была в него заочно влюблена. Карл под знаменами главной противницы разбойников Апрель истребил почти всех лихих людей на севере страны. Это не нравилось жрецам Январь — так как делалось не под флагом с белым медведем, это не нравилось разбойникам и людям, получавшим от них выгоду, однако это весьма нравилось королю. К тому же по слухам Карл далеко не метил — ему не сдались ни почести, ни награды, он просто собрал себе команду умелых лихих парней и стал своего рода бандитом на королевской службе. А уж о его

мастерстве владения мечом ходили легенды. И это при всем при том, что ему едва исполнилось двадцать.

— Может, охранник он нам и хороший, — поморщился Аластр неприязненно. — За ним и его ребятами мы будем как за каменной стеной. Да только вот человек он неприятный. Сгнильцой...

После этого короткого и несодержательного разговора подошли люди Карла и велели спускаться. Всего с Карлом прибыло человек двадцать. Одна половина носила королевскую военную форму, вторая была одета куда как лучше и теплее. Теперь Леда поняла, к чему было такое количество людей. Военные — добрый десяток — остались в пещере для охраны.

— Да, обогатился король в этот день, — пробормотал Карл, выходя из пещеры. — Даже я, не падкий на деньги, парочку камней себе наковырял...

Леду эта фраза удивила. Теперь она окончательно перестала понимать, за что он сражается.

В подсвеченной факелами тьме они спустились к подножью горы, и девушка с наслаждением увидела карету на полозьях. Она была меньше той, что угнали у них с Аластром бандиты, но внутри нее светилась ровно тепловая лампа. Аластр подтолкнул ее внутрь. На одну сторону усадили все еще спящего Марта и Леду, которая осторожно, как прикорнувшего ребенка, его поддерживала. На другую сели Аластр и Карл, недовольно друг на друга посматривая. Из под сидения достали корзину со снедью — булки, вяленое мясо, сыр, в общем то, что можно было купить в ближайшем городе и что не испортилось бы за поход.

Пока герои утоляли голод, карета дернулась и поехала, скользя полозьями по снегу. Когда Леда и Аластр наелись, Карл объявил:

— А теперь пришло время поговорить серьезно. Итак, Вадгрим велел доставить вас во дворец герцога Лока как можно скорее. Собраниа не будет, вы просто приедете, герцог даст вам дальнейшие указания и вы свалите в специально подготовленное для вас место.

— Что-то случилось? — нахмурился Аластр.

— Да, случилось, — нахмурился Карл. — Покушение случилось.

— Вадгрим в порядке? — спросил глухо граф.

— Да не на него, — отмахнулся охотник на разбойников. — У Вадгрима кроме его жены врагов нет, он даже с нашими грозными соседями умудряется мир поддерживать, что уж там о народе говорить. Ты же знаешь, как его все любят. Да и мы с тобой сами, собственно, в числе его обожателей. Не любил бы я короля, я бы здесь сейчас не сидел, а пошел бы чистить запаршивевшие всякими мразями западные горы.

— Тогда на кого? — спросил граф. — Неужто на леди Арстейн нож подняли? Не поверю!

— А ведь подняли, — почти с гордостью улыбнулся Карл. — Купили ее жизнь у наемного горлореза. Слышал, может, про Врача?

— Слушал, — удивился граф, а потом пояснил непонимающе изогнувшей бровь Леде. — Самый дорогой из наемных убийц в нашей стране. И самый лучший. Переворот в северо-восточном графстве Ньйорк — его рук дело. У графа Ньорка было трое сыновей, и они уже хотели перегрызться за отцовскую землю, но один из них, не будь дурак, позвал Врача. Правит теперь как граф припеваючи, а убийца затих на какое-то время, затаился.

— Говорят, он кучу золотом и камнями ему отсыпал, — хмыкнул Карл. — Еще бы Врачу не залечь на дно. Да вот только жадность его сгубила. Зря он на леди Арстейн полез.

— Я так понимаю, на королеве ни царапины? — спросил Аластр.

— Не правильно понимаешь, — усмехнулся Карл. — Разрезал ей горло от уха до уха. Да только злобные люди — они самые живучие. Не поверишь, но эта змеюка выжила. Да и не просто выжила — заштопали ее, и она, стерва, на второй день уже убийцу пытала.

— Погоди, как выжила? — удивился граф. — Хотя... смотря какая рана... должна была как минимум слечь с потерей крови...

— Королева никому ничего не должна, — усмехнулся Карл. — Будто ты ее не знаешь!

— Слишком хорошо знаю, — пожевал губу Аластр. — Сложно поверить, но... Хорошо. Что дальше было?

— Ну а что могло бы быть? — хитро прищурился охотник за разбойниками. — Орал этот Врач так, что два дня весь замок дрожал. Знатно она на нем отыгралась. Я сходил из любопытства посмотреть — даже меня проняло. Но своего она добилась. Узнала таки, кто заплатил. Нас с парнями послала — ну мы и повязали. На самом деле часть повязали, часть на месте кокнули показательно. Потому и задержались. Гнали к вам как ошпаренные.

— А что Вадгрим? — осведомился граф.

— Король-то? — хмыкнул Карл. — Посерел от гнева. Тех, кого мы ему в руки отдали, сам лично на площади в назидание казнил. Вокруг Веры буквально на цыпочках — лучших врачей ей нанял. Нянчился с ней, как с умирающей, а эта стерва бегаёт и ядом прыщёт.

— А кого повязали? — продолжил свои расспросы граф.

— В том-то и соль, что среди них были наши, — фыркнул Карл. — И честно я подозреваю, что некоторых откровенно подставили. Жалко было своих резать... но раз король велел. Мы их мирно, тихо, у себя дома, чтобы не светить как заговорщиков. На площади казнили же всякую дрянь. Трое купцов и один мелкий барон. Видел его, поди. Носатый токой, вечно гундосит и сопли у него текут. Не помню, как зовут.

— Знаю, — вздохнул Аластр, откидываясь на сидение. — Да уж... дела... вовремя мы с Мартом...

— И не говори, одно к одному, — вздохнул Карл.

Леда, с интересом слушавшая этот разговор, задумалась. Зачем убивать короля она понимала, но его жена-то здесь причем? Девушка попыталась припомнить все, что о Вере Арстейн слышала, но слухов вокруг нее ходило столько, что было непонятно, во что же верить. Говорили, что она поклоняется Январь и очень сильно поддерживает жрецов. Говорили, что нет красивее ее на свете женщины. Говорили, что она из семьи какого-то разорившегося барона, однако короля к ней привела сама богиня. Одни твердили, что Вера справляется с королевством лучше короля, другие — что она ужасающе властная интриганка, видящая сладкие сны о убийстве мужа. Однако Леда в чем-то была ей благодарная, ведь если бы не письмо леди Арстейн, то ее могли бы отправить к Январь.

За окном кареты началась метель. Пока они ехали, она все усиливалась и усиливалась, и вот уже она больше начала походить на ураган. Лошади как ошалевшие неслись вперед через буран, и их ржание едва просачивалось сквозь вой ветра.

— Ладно, вроде все рассказал, — заявил вдруг Карл, поднимаясь на ноги. — Нечего сидеть здесь, когда мои парни с метелью воюют.

— Ну что ж, иди, — равнодушно отозвался Аластр.

— Знаешь, — вдруг заявил охотник на разбойников. — Ты не подумай, что я тебя презираю или еще чего. Просто я парень простой, деревенский, манерам не обучен. Я на самом деле благодарен тебе за то, что ты нам дорожку веред протоптал и главный наш

kozyрь добыл. Однако твоя часть работы на этом закончилась, Аластр. Теперь настоящая война начнется. Кровавая резня, Аластр. И тебе на этом поле боя делать нечего. Может, только в стратегии или медицине ты можешь немного помочь, но не более того. Думаешь, просто так эта пурга началась? Нет. Это Январь разгневалась. И скоро она обрушится на нас, попытается смести и раздавить. И ты, граф, этого не выдержишь, как бы ты себя не обманывал. Уж прости меня за честность.

— Ну тогда и ты меня прости, — усмехнулся граф. — Но я не собираюсь сидеть в каменных стенах, когда в мире идет война. Пусть тактикой и медициной, но я помогу.

— Твое дело, — поморщился Карл, открывая дверь кареты. — Кстати, ваш пес бежит за каретой?

— Да, наш, — ответила за графа Леда. — Вы уж не обижайте его, пожалуйста.

— Ладно, раз леди просит, обойдемся без шашлыка, — нехотя и на полном серьезе сказал Карл. — Ну, бывайте.

Он коротко свистнул и ему подогнали лошадь. На полном скаку он запрыгнул на нее прямо из кареты и ногой закрыл дверь. Стоило ему уйти, как граф поморщился.

— До чего же противный тип, — сказал Аластр. — Хотя с другой стороны с ним мы под защитой...

Двеца вдруг снова открылась, внутрь кареты полетели хлопья снега. Показушно наклонившись с ровно идущей лошади, словно цирковой актер, Карл просунул в проем голову и, улыбаясь, добавил:

— Через час-два будем у барона Гедла. Вы уж приготовьтесь там как-то.

Часть 4. Ворон, пес и кот. Глава 2

Барон Гедл оказался худым, длиннолицым мужчиной. На вид ему было за сорок, однако он уже полностью поседел. Встретил он гостей не на пороге, а в просторной прихожей своего поместья — скромного, но гораздо более нового, чем дом барона Александра.

— Господа, рад видеть вас всех здесь, — расшаркивался он, боязливо улыбаясь. — Проходите. Вы наверняка все озябли. Я велю моим людям проводить ваших вояк в казармы. Там тепло и им нальют вина. Разумеется за счет короны.

Он еле-еле сохранял лицо, пытаясь игнорировать потрепанную одежду своих гостей и их чумазый вид. Леде было откровенно стыдно за то, как она выглядит — чтобы не щеголять в одних панталонах ей дали теплый плащ, в который она и закуталась. Кринолин оказался похоронен под завалом. У графа зияла в одежде пара дыр.

— О деньгах не переживайте, — отмахнулся Карл. — Лучше покажите, где нам лечь. Мы гнали всю ночь и страшно хотим спать.

— Вам, уважаемый Карл, лучше лечь со своими парнями, — хмуро сказал ему барон Гедл, а потом повернулся к графу. — Аластр, давно не видел вас. Ходил слух, что вы больны и потому не появляетесь на людях.

— Я бы не верил слухам, — сказал ему граф. — Они очень часто лгут. Я вот тоже слышал про вас много всего, да только язык держу за зубами. Впрочем, барон, у нас есть еще одна маленькая проблема. С нами сильно простуженный и спящий беспробудным сном посол с юга. Он, видите ли, нахлебался холодного эля...

— Понимаю, — нервно перебил Аластра барон. — Что ж, я попрошу прислать вам еще один комплект белья в спальню. Поднимите только его своими силами в комнату. Мне, право, неловко... но я боюсь, что от него заразятся мои люди, а за ними и я. Надеюсь, вы примете помощь врача?

— Нет, — отрезал Аластр. — Вы ведь знаете, медикам я не доверяю. Я займусь им сам. Дайте только лекарства. И еще, нам нужны будут бинты и свежая одежда... неудобно говорить об этом, но по пути нас поймали бандиты...

Пока они договаривались, и Аластр виртуозно врал, Леда осматривала небольшое помещение. Здесь было темно, горело очень мало свечей. Обстановка казалась девушке какой-то вовсе не баронской, бедной. Никаких гобеленов — лишь ровно оштукатуренные стены, никаких ковров — лишь простой деревянный пол. Никаких ваз с цветами, мечей на стенах, рыцарских доспехов или фигурных люстр. Ничего. Казалось, поместье только-только отстроили, и еще не успели наполнить его мебелью. В коридоре, куда их повели после разговора с бароном, оказалась та же история. Освещали путь они канделябром с одной единственной свечой, во многих комнатах отсутствовали двери, а мебель внутри была очень дешевой, у Леды и то дома лучше стояла.

— А я думал, что он только по слухам скряга, — пробормотал Аластр.

— Нет, что ты, — хмыкнул Карл. — Скупость Гедла давно стала излюбленной темой для анекдотов.

— У него что же, денег не хватает? — спросила осторожно Леда, позади которой двое парней охотника на разбойников тащили за руки за ноги все еще спящего Марта.

— Почему же, хватает, — хмыкнул Аластр. — Но по слухам он держит их в подвале. Каждую лишнюю копейку туда складывает.

— Я слышал, что он мечтает выплавить золотую статую в рост, — тихо сказал Карл. — Статую богини Июнь. И построить ей храм. Не зря же на его гербе прекрасная златогривая львица.

— Люди порой от религии теряют всякий рассудок, — фыркнул граф. — И все, почему-то, поклоняются именно богиням.

— Если ты обо мне, то мне ничуть не стыдно от того, что я поклоняюсь Апрель, — парировал Карл. — Как по мне в преклонении перед богами-мужчинами есть что-то ненормальное, неестественное и жалкое. То ли дело богиня. Перед прекрасной женщиной никогда не стыдно и на колени упасть, особенно если у нее из под юбки выглядывают стройные лодыжки.

Граф поморщился, а Леда задумалась. Что-то в словах охотника на разбойников определенно было. Прикинув, она решила, что будь ее воля, то поклонялась бы покровителю знаний Ноябрью. Его всюду изображали как статного старца с посохом и книгой. Даже зверь, в которого он превращался — барсук — был девушке очень приятен.

Думая так, она оглянулась на Марта.

«Вот бы кому я точно не смогла теперь поклоняться, — подумалось ей. — Когда понимаешь, что божество выглядит как обычный человек, даже пускай и красивый, как-то перестаешь верить в его власть над миром и твоей судьбой».

Выделенная комната Леде чем-то напомнила больничную палату. В больнице, правда, девушка никогда не лежала, и о палатах представление имела очень отдаленное, но представляла их себе именно так. Белые стены, дощатый пол, никаких ковров и украшений. Единственное, что чуть оживляло обстановку — горящий камин со сложенной справа от него поленницей. Кровати здесь было две — одна уже застеленная, над другой корпела худая, с ввалившимися щеками служанка. Трясущимися руками она аккуратно заправляла одеяла в белый, застиранный пододеяльник. Ткань была такой старой, что кое-где отчаянно просвечивала, обещая в скором времени порваться. Но, что было самым неприятным для Леды, так это то, что обе постели были узкими.

Девушка озадаченно глянула на Аластра и увидела, что тот хмурый как туча. Парни Карла положили Марта на уже застеленную постель и удалились. Сам охотник на разбойников улыбнулся и, прислонившись к дверному косяку, сказал, скабрёзно улыбаясь:

— Ну что ж, голубки, хорошо вам провести ночь. Только не занимайтесь здесь ничем непристойным. Эти кровати явно сделаны для умирающих, а не для активно размножающихся.

— Да пошел ты, — огрызнулся на него Аластр. — Иди в свою казарму уже.

— Я бы на твоём месте так сильно меня не гнал, — хмыкнул Карл, а потом повернулся к служанке, — Эй, девка, а ну выйди-ка. Умным людям о серьезных вещах поговорить надо.

Служанка от неожиданности выронила простыню, а потом, молча, будто ей язык отрезали, поклонилась и вышла из комнаты.

— Не нравится мне это, — стоило закрыться за ней двери, сказал Карл. — Поселить эскорт так далеко от объекта охраны...

— У барона есть своя охрана, — оборвал его Аластр.

— Да? — фыркнул парень. — Я вот что-то не видел. А! Ты, наверное, про тех двух доходяг, что как уличные коты жались к печи в конце коридора? Так какие же они

охранники. Так... закуска для вашего песика. Кстати о песике! Хорошая идея. Раз я не могу вас охранять, то хоть этого пса к вам пущу. Что скажете?

— Конечно пускай, — ввинтилась Леда, хотя Аластр явно был против. — Ведь пурга на улице. Жалко его там оставлять.

— Ну вот и решено, — улыбнулся весело Карл. — Только вы уж пожалуйста, я вас умаляю, поосторожнее тут. Барон-то вряд ли сунется что-то вам сделать, но уж такая у него хлипкая охрана, что сюда любая сволочь может забрести, от бандита до медведя. Я тишком все же выставлю караул у парадных дверей. Ну, добрых снов, голубки.

Карл ушел. Пытаясь не обращать внимания на хмурого и, кажется, начинающего злиться Аластра, Леда подошла к Марту и села на край постели. Бог все так же спал, даже откровенно посапывать стал. Она потрогала его лоб — уже не настолько горячий — и он неожиданно во сне приоткрыл губы.

— Хватит его трогать, — буркнул граф. — Что он подумает, если очнется?

— Ты прав, — Леда отняла руку. — Что это я...

Она смущенно глянула на графа, который уже уселся на их постель и теперь задумчиво взбивал подушки.

— Нет, спать на этом невозможно будет вдвоем, — фыркнул он, поднимаясь. — Какой бы не был скряга этот Гедл, а ему придется дать нам еще одну кровать. — Подожди немного, сейчас я вернусь.

И с этими словами граф устремился к двери. Леда ощутила благодарность. Правда, думалось ей, что он печется все же больше о своем удобстве, чем о ее.

Граф вернулся не один. Двое слуг-мужчин — таких же худых и бледных, как и все в поместье барона — втащили в комнату еще одну уже застеленную кровать. Шли они медленно, то и дело отступаясь. Граф вошел за ними следом, неся в руках большую плетеную корзину, полную снеди. Слуги то и дело нервно сглатывали — видно, до них добрался аромат мясных деликатесов.

— Что ж, отведаем угощений скупца, — сказал граф, садясь на поставленную слугами кровать и провожая их взглядом. — Надо бы рассказать Вадгриму о том, что здесь творится. Конечно прислуга это прислуга, но они ведь такие же люди, и кормить их стоит нормально.

Леда испытала к графу укол симпатии после этих его слов. У нее сердце щемило от одного вида худых, трясущихся бедолаг. Она под села к нему, однако есть ей не хотелось. Желудок был полон еще с кареты, да и грызло ее внутри какое-то смутное беспокойство. В дверь вдруг кто-то поскребся и, вернув обратно в корзину краюху хлеба, девушка пошла открывать.

На пороге обнаружился, виляя хвостом, черный пес.

— Здравствуйте, Леолет, — сказала девушка, пропуская его в комнату.

— Ты и к собаке на вы? — фыркнул граф.

Пес прошел к графу и принялся отряхиваться. В его черной шкуре блестели, словно роса на траве, растаявшие снежинки. Граф выругался, видно, до него долетели капельки воды. Пользуясь замешательством Аластра, пес ловко поставил лапы ему на колени и схватил из корзины здоровый кусок колбасы. Нервно, голодно порывивая, Лаолет отбежал в угол и принялся за свою «добычу»

— Вот вроде бывший принц, а собака собакой, — отряхивая брюки со следами собачьих лап, проворчал Аластр.

— Попробуй не стань псом, прожив в таком облике семь сотен лет, — улыбнулась Леда, а потом попросила. — Не могли бы вы отвернуться? Я хочу раздеться...

— Зачем? — удивился как-то невпопад граф.

— Ну, не спать же мне в таком виде? — удивилась девушка.

Выглядела она и правда не лучшим образом. Пусть Леда успела умыться снегом, когда они выходили из пещеры, но подозревала, что все равно выглядит очень чумазой. Как назло зеркала в комнате не было, и она даже не могла на себя посмотреться:

«С каких это пор ты, всю жизнь обходившаяся без зеркала, вдруг стала так в нем нуждаться? — спросила Леда у самой себя, а потом, не сдержав улыбки, ответила. — С тех пор, как начала самой себе в нем нравится».

Граф поднял бровь.

— Чего я там не видел... — пробурчал он, но все же тактично отвернулся.

Леду, впрочем, такие его слова не обидели. Она скинула с себя то, что осталось от платья и, заведя руки за спину, принялась искать завязки корсета. Шнуровка никак не хотела попадаться. Как могла девушка повернула голову, но попробуй увидь свою собственную спину. Видно, догадавшись о ее мучениях, граф спросил:

— Тебе помочь?

Покраснев, девушка решила — ну что ж, деваться некуда. С тяжелым вздохом она подошла к графу и повернулась спиной. Аластр фыркнул — то ли от смущения, то ли от вида заляпанного пылью корсета — и принялся ослаблять шнуровку. Леда покраснела и, как только поняла, что дальше может обойтись без помощи, отошла в сторонку. Аластр смущенным не выглядел. Он широко зевнул и пробормотал:

— Ты как хочешь, а я — спать. Вот, пса уже сморило.

Лаолет и правда спал, забравшись на постель к Марту и разместившись у того в ногах. Леду и саму клонило в сон. Пока граф укладывался и накрывался старым, пахнущим клопами одеялом, девушка освободилась от корсета и подбросила в камин дров. Когда она ложилась, Аластр уже спал, и это ее успокоило. Она ощущала перед ним какую-то странную, непривычную ей неловкость.

«Даже не смей в него влюбляться, — подумала она. — Ты же знаешь, какой у него может быть отвратительный характер».

Она специально отвернулась от своего мужа, но сон не шел. О графе она окончательно забыла, и мысли ее потекли совсем в другое русло.

А ведь она победила. Стоило приложить чуть-чуть усилий, немного рискнуть, и она победила целого голема. Большого, сердитого и беспощадного. Эта победа казалась ей какой-то туманной, неестественной. Она справилась. Не струсилась, не спасовала, не убежала и не смирилась, как это бывало обычно, а собрала всю свою смелость в кулак и победила. Пусть ей помогали, пусть их спас Март, но без нее ничего бы не вышло. Эта мысль так удивила ее, что она не знала, куда деть неожиданно нахлынувшую радость.

Вдруг все ее прошлые проблемы показались ей надуманными. Она могла бы, как та самая уже давно забытая Ирки, сбежать из дома и попытаться пересечь границу королевства, за пределами которого жертвы не приносились. Теперь она четко понимала, что у нее получилось бы. И осознание того, что она похоронила, закопала сознательно свою жизнь, напугала ее.

«Я была как ходячий мертвец, — подумалось ей. — Только и делала, что плакала и всего боялась. Но что же мне делать теперь?»

Она немного поразмыслила. Бежать сейчас смысла никакого не было. Да и, в принципе, зачем? Граф в последнее время относился к ней очень хорошо, ехали они в безопасное место, к какому-то герцогу в сопровождении лучших воинов королевства. Что вообще могло случиться с ними в пути? Ну метель. Но метель не будет господствовать на улице вечно. Нападет кто? Но Карл — и Леда в этом почему-то не сомневалась — мог запросто остановить любого бандита своим мечом.

«Может, попробовать чем-то им помочь? — вдруг пришла ей в голову идея. — Хотя чем я вообще могу быть полезна, я же слабая, только и умею, что шить да вышивать».

Решив, что завтра же она спросит об этом Аластра и внесет свой маленький вклад в их общее дело, она закрыла глаза и уже хотела забыться приятным сном, но тут дверь в их комнату тихонько отворилась.

Часть 4. Ворон, пес и кот. Глава 4

Темный силуэт — худощавый, сгорбленный и темный — пробрался в комнату. Сквозь полузакрытые глаза Леда с интересом за ним наблюдала. Сначала силуэт ничего особенного не делал. Он обошел комнату, подкинул в камин дров. Жертвенница уже решила, что это слуга, как вдруг незнакомец подошел к Марту и повис над ним, чем-то шурша. Не понимая, что происходит, Леда тихо потыкала мирно сопящего Аластра локтем в бок, но тот не проснулся — лишь замычал во сне. На это мычание незнакомец обернулся.

Леда притворилась спящей, закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, незнакомец все еще нависал над Мартом, повернувшись к девушке спиной. Та потрясла Алстра за плечи. Она никак не могла понять, почему же он никак не проснется. В голове мелькнула предательская мысль — отравили! Девушка тихо, пытаясь не шуршать одеялом, прижалась ухом к его груди. Сердце билось. Леда с облегчением выдохнула.

Незнакомец тем временем достал из своей сумки веревку и принялся зачем-то связывать божеству руки. Леда запаниковала. Она понимала — нужно что-то делать, но что? Черный пес спал так же беспробудно, как и граф. Девушка оказалась единственной, кто способна была помешать злоумышленнику.

«Решила помогать, так уж помоги, — поругала она себя. — Давай, соберись? Что я могу сделать?»

Глазами она обшарила темную комнату в поисках какого-нибудь оружия. Ничего. Единственный предмет, которым она могла бы от души съездить незнакомцу по голове — полный воды кувшин — стоял на подоконнике далеко от нее.

«Надо попытаться неслышно прокрасться в коридор и поднять шум», — решила она.

Осторожно, стараясь даже не дышать слишком громко, девушка выбралась из под одеяла и встала. На цыпочках она начала продвигаться в сторону двери. Вся она сосредоточилась на своих ногах и на шуршании, с которым незнакомец связывал Марта. Шаг. Еще шаг. Еще два.

И тут, как назло, скрипнула половица. Человек внезапно обернулся, в руке его стремительно сверкнул нож. Леда опрометью кинулась к двери, но не успела. Злоумышленник поймал ее за косу. Голову будто обдало кипятком, девушка сдавленно вскрикнула. Ей вдруг вспомнилось, сколько раз она прищемляла эту треклятую косу дверь. Сколько она ей бед доставила, и вот теперь тоже подвела.

Незнакомец подтянул девушку к себе. Одной рукой он зажал Леде рот, другой приставил нож к горлу.

— Ишь ты, какая хитренькая, — сказал на ухо мужской голос с неприятными нотками безумия. — Милая девочка, а такая хулиганка. А шейка какая миленькая. Если бы мне не велели притащить тебя живой, куколка, я бы тебя прямо сейчас прирезал. Но увы. Однако если ты только попробуешь пикнуть, то я вырву тебе язык. Никто не просил доставлять тебя целой и невредимой, девочка. Так что будь хорошей и смирной. Сейчас ты сядешь на постель, и я свяжу тебя. Ну... давай...

Он толкнул Леду на кровать к Марту. Тот спал, хмурясь во сне. Искренне не желая лишиться языка, девушка села. Ей очень хотелось бежать, но она понимала — этот мужчина

не шутит, он и убить ее может «случайно» если только она шевельнется лишний раз. У нее нет никаких шансов.

«Он сказал доставить живыми, — подумала она. — Может, я смогу вырваться у самой двери и позвать Карла?»

Лицо злоумышленника, которое она наконец смогла рассмотреть, оказалось достаточно неприятным. Казалось, его кто-то расцарапал ногтями — всюду краснели подсохшие длинные болячки. Нос картошкой, гнилые остовы переломанных зубов в улыбке, окруженные гноем красные глаза — человек выглядел безумцем.

Пока она думала, мужчина, широко улыбаясь, достал из своей сумки белую тряпку. Он завязал Леде рот наподобие уздечки так, что ткань неприятно оттянула уголки губ. От тряпки отчаянно пахло спиртным и чем-то еще неприятным, приторным, но, что странно, вкуса она никакого не имела. После этого мужчина еще одной веревкой связал руки Леды вместе впереди, все еще грозя ей ножом. После этого он, будто бы и забыв о девушке, опять взялся за Марта.

«Да проснись ты уже, — зло подумала Леда, глянув на бога. — Хватит спать!»

И тут Март открыл глаза. В темноте они сверкнули двумя травянисто-зелеными фонариками. Леда удивленно отпрянула, чуть не свалившись с края кровати. Мгновенно оценив ситуацию, Март вытянул вперед связанные руки и сказал что-то на непонятном языке.

Человек застыл, бог застыл тоже. Леда фыркнула.

— Чертова магия, — буркнул растерявшийся Март... — Ну ладна....

И с этими словами он, резко подтянув к себе ноги, изловчился и дал ими в живот злоумышленнику. Руки у него все еще оставались связанными, но он быстро выпутывался. Незнакомец поднялся, достал нож и кинулся на божество, видно, позабыв, что ему велели доставить парня живым. Март не стал ждать, когда на него нападут, а кинулся на злоумышленника первым, буквально повиснув на держащей нож руке. Какое-то время на глазах у Леды они катались по полу, и, в конце концов, знакомцу удалось скинуть с себя бога. Видно, решив, что связать Марта уже не получится, мужчина дал задний ход. Он дернулся к двери, открыл ее, запихивая за пояс свой нож, и тут же напоролся животом на острый меч.

Леда закрыла глаза. Это было первое убийство, которое она видела в своей жизни. Однако какое-то страшное, мерзкое любопытство заставило ее растопырить пальцы и посмотреть, что же происходит. В дверях стоял расслабленный Карл с мечом в руке. Острие клинка торчало из спины злоумышленника, на пол стекала кровь. Карл небрежно пнул ногой свою жертву на пол, снимая со своего оружия. Тот упал, разбрызгав кровь, застонал, схватился за отлетевшим в сторону ножом. С непроницаемым лицом Карл наступил злоумышленнику на руку. Тот снова застонал, а охотник на разбойников наклонился к нему с сказал почти весело:

— Какое упущение. За каких-то две недели гильдия убийц нашей прекрасной страны потеряла двух своих главных бойцов. Надо уметь выбирать жертв, Язык.

— Койот, пощади — с ужасом попросил человек. — Пощади старого товарища...

— Нет больше койота, — поморщился Карл. — Бывай.

И с этими словами он воткнул убийце меч в шею. Леда зажмурилась, но не смогла скрыться от булькающего неприятного хрипа, вырвавшегося из горла мужчины.

— Проклятье, я не спросил у него, кто его послал, — раздался в темноте голос Карла.

Когда Леда нашла в себе силы открыть глаза, то увидела, как Карл беспощадно тормозит Аластра. Тот мычал, ворчал, открывал глаза и тут же закрывал их, но в конце концов Карлу удалось заставить его сесть. Выглядел граф несколько осоловевшим, и было видно — стоит Карлу от него отстать, как он снова закрывает глаза. Аластр болезненно держался за голову, видимо она у него раскалывалась.

— Что тут произошло, великие одиннадцать, — увидев труп, граф чуть оживился.

— Этот ты у жены своей спроси, — отмахнулся Карл. — И у его светлости Марта. Потому что когда я пришел, то убийца уже убежал.

— Леда, что случилось? — хмуро спросил граф.

Девушка вкратце, пытаясь не смотреть на труп, разъяснила ему ситуацию. По окончании ее рассказа Аластр, видно, окончательно расхотел спать и обратился уже не к ней, а к сидящему прямо на полу, прислонившись спиной к собственной постели, Марту:

— Ваша светлость, вы не пострадали?

Леду эти слова обидели. Разумеется, она понимала, что божество куда как важнее ее, но то, что Аластр не спросил о ее самочувствии, ее почему-то обидело. Ведь она пыталась задержать убийцу, явно намеревавшегося украсть их с Мартом и доставить какому-то неизвестному заказчику. И бог, будто вторя ее мыслям, сказал:

— Хороший же ты муж, граф, — улыбнулся Март. — Когда первым делом спрашиваешь о безопасности не жену свою, а того, кто вообще пострадать не может. Смири гордость, поблагодари девушку за то, что она нас всех спасла.

— Спасла? — нахмурившись, спросил Леду граф.

Это заявление удивило не одного Аластра. Леда посмотрела на Марта. Требуя объяснений.

— Твой страх разбудил меня, — улыбнулся ей Март.

— Ладно, хорошо, понятно, — вздохнул Аластр, а потом повернулся к Леде. — Но почему ты не разбудила меня?

— Я пыталась, — ответила девушка, чуть покраснев от слов Марта. — Но вы не просыпались.

— И не удивительно, — сообщил им Карл.

Он как раз добрался до полупустой корзины со снедью, и теперь с интересом нюхал копченую куриную ногу. Выглядело это довольно странно.

— Сон-ягода, — сказал он. — Не знаю, как уж она называется у умных людей, но убийцы и воры используют эту дрянь для того, чтобы усыпить кого-либо уже много веков. Спишь как дохлый, а у тебя из дома выносят мебель, жен и фамильные драгоценности. Не имеет вкуса, но имеет запах, который замечательно смешивается с запахом копченого мяса.

— Расслабился, — устыжено прикрыл лицо руками Аластр. — Должен был заметить, а я как дурак...

— Всякое случается, — пожал плечами Карл. — Меня удивляет другое. Леда, почему ты-то есть не стала?

— Не хотелось, — потупилась девушка. — Вот и не стала...

Прервало ее слова ржание коней. Карл кинулся опрометью к окну, выглянул в него и схватился за голову.

— Уйдет ведь! И как только мои парни его выпустили! Великая Апрель, ну я ему устрою!

И с этими словами он буквально выбежал из комнаты. Удивленные таким поведением, оставшиеся потянулись к окну. Выглянув на улицу, Леда поняла, что буран кончился. Темную улицу освещал лишь фонарь, который стоял на снегу у кареты. Барон Гедл как раз с чувством запихивал в задний ящик какой-то объемный мешок. Вот громадина скрылась в багажном отделении, Гедл подобрал фонарь и вошел в карету.

«Не успеет, — мелькнула мысль у Леды. — Уйдет».

— А кто он такой? — спросил обеспокоенно Март, быстро открывая окно. — И почему он не должен уйти.

— Это та гниль, что пустила в дом убийцу, — выплюнул Аластр. — Мне бы арбалет или лук, я вы подстрелил одну лошадь и никуда бы они не поехали. Но где же его взять?

— Погоди, так убийца же как раз нас спас? — удивился Март, вспрыгивая на подоконник. — Или ты хотел сказать, что он пустил вон того парня, что старательно красит красным полы? Ладно уж, неважно. Сейчас попробуем что-то сделать.

Кучер тем временем щелкнул кнутом, и лошади медленно двинулись с места, все прибавляя скорость. Март пинком открыл окно. В комнату ворвался пробирающий до костей ночной ветер. Март вытянул вперед руку и пробормотал какие-то слова, но ничего не произошло. Выругавшись, он пошарил рукой по шее и спросил озадаченно.

— А где мой медальон?

— Вот он, — сказала Леда, вытягивая украшение из-под сорочки. — Заберите его, пожалуйста.

— Так снимай, — нахмурился Март.

— Не может она, — ответил за девушку Аластр.

Март нахмурился, протянул руку и вцепился в медальон, попытался сдернуть его с шеи Леды, но у него ничего не вышло. Тогда он, пробормотав какие-то непереводимые божественные ругательства, подтянул Леду поближе к себе. Карета уже довольно далеко отъехала от поместья, и достать ее с такого расстояния казалось задачей совершенно невыполнимой. Тем не менее, Март все же вытянул руку, крикнул что-то. Сначала Леде показалось, что не сработало. Она сжала руки и всем своим существом напряглась, молясь, чтобы получилось. И вот, когда она уже почти отчаялась, карета дрогнула и ее колеса полетели в разные стороны.

— Черт, — пробормотал еле слышно Март. — Какого лешего...

С этими словами он начал заваливаться вперед, и если бы Аластр с Ледой не поймали его, то наверняка бы рухнул на улицу в сугроб.

— Слабый он какой-то для бога, — нахмурился Аластр. — Хотя кто его знает, что бывает с богами, проспавшими семь сотен лет.

Леда же его не слушала. Она вернулась к окну и с интересом наблюдала за тем, как Карл, выскочивший из конюшни на неоседланной лошади, буквально летит в сторону покалеченной кареты.

Кухня в поместье Гедла была такой же дешевой и не обустроенной, как и все остальное. В дальней от двери части располагался горячий очаг, в которого возилась старая повариха. Белый потолок покрывал чад от очага. На вытяжном отверстии для дыма снова разыгравшаяся на улице метель играла как на дудочке, выводя замысловатые рулады. Однако такое музыкальное сопровождение Леду не радовало — ведь оно несло с собой сквозняк и промозглый, сырой запах снега. К тому же оно сопровождалось весьма неприятными, пусть и приглушенными множеством стен криками.

— Я так надеялся, что за семь сотен лет люди забудут, что такое пытки, — пробормотал сидевший за столом напротив Леды Март. — Но, видно, правление Январь накладывает на нравы свой отпечаток.

Девушка была с ним полностью согласна — при жестоком правителе — жестокие и порядки. Но вслух это сказать постеснялась, ведь все же Март был богом, и вряд ли бы его заинтересовало ее мнение. Они обедали в напряженном молчанье уже пару минут, и тарелка Леды не опустела даже на четверть. Причиной тому являлся еще и ужасающе противный суп, который явно был сварен из плохо промытой картофельной кожуры. На зубах откровенно скрипел песок. Девушка, что удивительно, не была особо голодна. Через силу она цедила треклятую похлебку, утешая себя тем, что в плохой год дома она ела и хуже.

Однако тревожило ее еще кое-что. Она все никак не могла смириться с тем, что видела убийство. Причем убийство жестокое и неоправданное на ее взгляд. Тот человек хоть и был гадом, но не хотел их с Мартом убивать — лишь похитить. Действия же Карла ее напугали. Если раньше она думала, что он просто зарвавшийся и наглый, то теперь она начинала его побаиваться. Невозможно нормально относиться к человеку, который так запросто с порога убивает человека, даже не разобравшись, кто именно перед ним.

«А если бы из комнаты пыталась выбежать я и напоролась на его меч? — подумалось Леде. — Интересно, что бы тогда Карл сделал?»

— Ненавижу таких людей, как эти двое, — вдруг сказал Март.

Леда удивленно посмотрела на него, и спросила осторожно:

— Из-за пыток?

— Нет, — поморщился бог. — Пытки, убийства, казни были и будут всегда. И то, что я предпочитаю другие методы, ничего не значит.

— Так почему же они вам не нравятся? — спросила Леда осторожно.

Ответить Март не успел. В кухню вошли хмурый злой Аластр в своей подранной еще после битвы с големом одежде, и беззаботно веселый Карл. На последнего Леда предпочитала не смотреть — ее удивляло то, как он может так спокойно улыбаться после того, как ночью убил человека, пусть и злого.

— Нет ничего лучше, чем пытки с утра пораньше, — сказал охотник на разбойников, однако в голосе его сквозил сарказм. — Ну, чего все какие смурные? Развеселитесь!

— Нечему веселиться, — буркнул хмуро Аластр, а потом кивнул Леде и Марту. — Доброе утро, хотя для меня оно совсем не доброе.

— Да ладна тебе, — хлопнул его по плечу Карл. — Подумаешь. В пыточных под

королевским замком еще и не такие трюки выделывают.

— Мне больше смущают не трюки, — поморщившись, как от зубной боли, сказал Аластр. — А то, что он ничего не знал.

— Да, только время зря потратили, — согласился Карл.

От его слов по спине Леды побежали мурашки. Пытали... просто так? Просто чтобы выведать информацию, которой не было? Спас ситуацию Март. Откашлявшись, он попросил:

— Может, кто-нибудь введет меня в курс дела?

Аластр глянул на повариху и махнул ей рукой, чтобы она покинула кухню. Та смиренно поклонилась и ушла. Только после этого граф тяжело вздохнул, уселся за стол, откинулся на спинку стула и буркнул:

— Не во что вводить, ваша светлость. Ничего мы не выяснили.

— Почему же, вполне выяснили, — утешил его Карл. — Убийца пришел, дал денег скупцу и велел выметаться, если жить не надоело. Пока убийца пытался стянуть Марта и Леду — кстати, мы так и не поняли, зачем последнюю — барон паковал в мешок свои сокровища из подвала. Кстати их оказалось на удивление мало, плохо, видать, копил. Ну и кто за все это заплатил, мы не выяснили.

— Мы бы узнали об этом, если бы ты не прирезал вчера ночью того убийцу, — пробурчал Аластр.

— А какая разница? — развел руками Карл, и в его улыбке Леда заметила какую-то хитринку. — Мы знаем, что есть шпион. Этот шпион может быть кем угодно, однако Языка мог нанять только человек с деньгами. С большими деньгами. А почему именно украсть, а не убить, мы не знаем. Скорее всего это должно было выглядеть так, будто Март ушел ночью сам, прихватив с собой Леду, а барон уехал по делам. Специально подстроили все так, чтобы оставить нас с носом. Другой вопрос — кому понадобился живой Март?

— Бросайте уже трепаться о таких важных делах посреди дома, — нахмурился Аластр. — Слуги могут работать на кого угодно. Поговорим лучше в карете.

— Хорошо, — кивнул Карл. — Двинемся дальше по тракту. Черт с ней с бурей. Будем чаще менять лошадей.

— Господин, мне бы переодеться, — скромно сказала Леда.

Она куталась в плащ, пытаясь прикрыть свою сорочку, и ей стыдно было бы в таком виде показаться на людях. У нее даже не было зеркала и гребня, чтобы привести в порядок волосы.

— Мы спрашивали у слуг, — сказал чуть расстроено Карл. — Нет у Гедла одежды нормальной. Ни женской, ни мужской. Так что в ближайшем городе сходим к портнихе и сообразим тебе что-нибудь. Идет?

— Хорошо, — вздохнула Леда, смирившись со своей судьбой.

На улице бушевала метель. Огромные хлопья снега метались в воздухе как вытряхнутая из шубы моль. Ветер гнул деревья, надувал одежды и всячески пытался насолить. Леда недоумевала — куда в такую погоду Карл собирается их везти, а главное — как. Ведь дороги замело, и сбиться с пути было легче легкого. Однако охотнику на разбойников, казалось, такая погода была нипочем. Потому они преодолели с трудом расстояние до кареты и двинулись в путь. Леде пришлось сесть рядом с Аластром, из-за чего она испытывала какое-то до этого незнакомое смущение. К тому же граф явно был не в духе.

— Итак, а теперь о главном, — сказал Карл, потирая руки.

— О том, как мы собираемся ехать? — ввинтился саркастически Март. — Наконец-то я узнаю ваш секрет. Каким образом мы собираемся продираться через эту пургу?

— Недолго придется продираться, дружище, — отмахнулся Карл. — Уж часа два лошадки и люди выдержат.

— Часа два? — удивился Аластр. — В двух часах отсюда по северному тракту что в одну, что в другую сторону ничего нет. Я часто ездил к королю, успел уже выучить...

— Планы изменились, — усмехнулся Карл. — Свернем с тракта и будем ехать некоторое время на запад. Если кто-то прознал про то, что мы везем тут...

— Точнее кого, — перебил его Март. — Не забывайте о том, что я — живой человек.

Леда нахмурилась. Она понимала его отчасти. Когда Аластр и Карл начинали говорить о своих делах, она обыкновенно чувствовала себя не живым человеком, а мебелью, которой и добавить-то нечего. Март же явно с таким положением вещей мириться не собирался. Однако его вступления казались ей немного... не свойственными богу что ли. Скорее они подошли бы капризному мальчишке.

— Простите, ваша светлость, — кивнул Аластр. — Карл, продолжай.

— А. ну так вот, — почесал в затылке охотник на бандитов. — Если это стало известно, то за нами могут еще где-то поохотиться. Засаду там устроить. Северный тракт — самая быстрая дорога до владений герцога Лока, и, разумеется, на ней нас могут поджидать. Потому нам лучше свернуть. Да, мы будем ехать дня на три дольше, но зато безопаснее. Не было бы еще бурана...

— Он уймется через пару часов, — сказал Март. — Скорее всего это — дело рук Января. Сейчас какой месяц?

— Февраль, — ответил на его вопрос Аластр.

— Значит она слаба, и не сможет поддерживать бурю дольше трех-четырёх часов, — пожал плечами Март. — Потом ей нужно будет отлежаться, и все начнется сначала.

— Отличная новость, — сказал Карл. — Будем ехать в промежутках. Как думаешь, дружище, как долго она будет это все делать?

— Зная ее упрямство — до тех пор, пока ей не принесут весть о нашей смерти, — поморщился Март.

Собравшиеся притихли. Карета свернула с тракта, ощутимо качнувшись, и поехала дальше куда-то влево. Леда плотнее закуталась в свой плащ, с опаской посмотрев на болтающуюся на потолке тепловую лампу.

— Итак, — сказал Аластр, прерывая молчание. — Не хотите ли вы, ваша светлость Март, рассказать нам о том, что же случилось семьсот лет назад?

— Не хочу, — честно ответил бог. — Однако две вещи все же поясню, чтобы вам было спокойнее. Во-первых, я никого не убивал. Богов вообще убить невозможно. Заточить как меня — можно, но не лишит жизни.

— Получается, боги живы? — оживилась Леда. — И их можно освободить как вас?

— Вполне, только не так же как меня, со мной все сложнее, — посмотрел на нее с какой-то приятной нежностью Март. — На самом деле чтобы остальные вернулись к жизни достаточно доставить меня в замок богов.

— Зачем тебе было их пленять, если теперь вы решили их освободить? — поморщился Карл. — Я один вижу в твоих действиях противоречие?

— Во-вторых, — упрямо сказал Март. — Я никого не пленял. Это сделала Январь. Зачем... что ж, есть у меня парочка идей, почему она это сделала, но они непроверенные.

— Парень, мы не такие дураки, как ты думаешь, — ухмыльнулся к недовольству Аластра Карл. — Хочешь сказать, что Январь тебя подставила? Тогда почему их она заточила десятерых одним образом, а тебя — другим? Почему их оставила в замке богов, а тебя — сбросила на землю? Мы хотим знать подробности.

— Как я могу рассказать вам подробности, если я сам их не знаю? — нахмурился Март. — Я вернулся с земли, куда отлучался по делам, вошел в замок — а там огромная ледяная глыба, в которую вмерзли десять из одиннадцати моих друзей. А помимо этого — сидящая на троне Январь. Довольная собой, как переевшая сметаны кошка. Вся из себя радостная, и предлагающая мне править вместе с ней миром. Разумеется, я отказался, разозлился и решил с ней драться. Но она быстро меня схватила. Дальше — только мои предположения. Так как я сам по себе очень горячий заточить меня в лед как прочих она не смогла, потому, чтобы уменьшить силу, разделила душу с телом. Но и это, видно, не помогло, и потому она поместила мое тело в кристалл и даже убрала из замка богов, чтобы исходящий от меня жар не растопил сковывающий моих друзей лед. Опять же — я не знаю, как все было на самом деле, это всего лишь мои предположения, так как я не помню ничего, что случилось после драки с ней.

— Неужели не было никаких предпосылок ко всему этому? — удивился Аластр. — Она не вела себя странно?

— Нет, — пожал плечами Март. — Пусть она была довольно жестокой порой, но не она одна. Не знаю уж, как люди сейчас рисуют богов, но раньше они стремились все приукрасить. Например Апрель во всех легендах изображали как героиню, но на самом деле она очень жестоко убивала бандитов, некоторые из которых и сами были бы рады свернуть с этого пути, да не могли. И Декабрь? Меньше ли он забрал людей на тот свет, чем Январь? Вряд ли. Такая уж у них работа, такая участь. Не всем же проповедовать любовь и процветание.

Последнее бог сказал с какой-то печальной, чуть наивной ноткой, и Леда поняла — тема для него болезненная.

— Хорошо, предположим, что мы тебе поверили, — отмахнулся Карл. — Вот что еще хотел спросить...

— На самом деле, какая разница, — перебил его на этот раз Аластр. — Любой бог, даже жестокий, был бы лучше Январь. Особенно бог весенний. По крайней мере прекратился бы этот треклятый холод и люди смогли бы наконец вырастить нормальный урожай.

— А еще прекратили бы приносить человеческие жертвы, — добавила Леда. — Девушки перестали бы умирать...

— Ну вы и смешные, — фыркнул Март. — А что, если бы я оказался еще похлеще Январь? Вот ты, — он повернулся к Карлу, — парень, у которого меч стоит первее мысли. Какой смысл тебе в божественном перевороте?

— Отмстить смерть Апрель, — сказал неуверенно Карл. — Ну, теперь уже освободить ее...

— Сам-то себя слышишь? — фыркнул Март. — Чего тебе моя подруга сделала такого, что ты ринулся за нее мстить? Признай, ты просто примкнул к той стороне, на которой будет больше крови.

— Даже если так — это мое личное дело, — нахмурился Карл.

Леда с удивлением поняла, что Март попал в точку. Невозмутимо веселый до этого Карл теперь выглядел хмурым и недовольным.

— Или ты, — тем временем продолжал бог, поворачиваясь к Аластру. — Дай угадаю, ты решил положить себя на спасение мира от злобной тиранши, предотвратить голод и холод. Правильно я понимаю?

— Так, ваша светлость, — с достоинством ответил Аластр.

— Знаете, а пойду ка я отсюда, — поморщился Карл. — Не хочу я выслушивать больше это копание в грязном белье. Какая разница, зачем? Главное, что мы хотим сделать правое дело.

— Конечно, убивать и пытаться направо и налево — очень хорошее дело, — улыбнулся ему Март. — Иди-иди. Скажи себе на лошадке и тешь себя мыслью о том, что ты — герой, а я — шут. Однако помни, как бы был не приятен был тебе твой самообман, он не отменяет того, какой ты внутри гнилой.

— Да, гнилой, — огрызнулся Карл, открывая дверцу кареты и свистом подзывая коня. — Однако и гниль иногда полезна.

С этими словами он пересел на свою лошадь и носком сапога закрыл дверь, да так громко, что Леда вздрогнула. Аластр выглядел как гордый еж, выставивший врагу все свои иглы. Марта же это не смущало вовсе, видно, его прорвало, и он решил высказать все свои мысли о собравшейся компании.

— Итак, как вам семейная жизнь, граф? — вдруг спросил бог.

Аластр опешил, и как-то немного сдулся.

«Может, Март просто хотел выгнать Карла? — подумалось Леде. — Не будет же он еще и графа до белого каленья доводить?»

— Вы же прекрасно знаете, зачем была эта свадьба? — сказал Аластр, как-то даже с опаской. — И вы прекрасно знаете, что я и пальцем ее не тронул.

— Да? — удивился Март, а потом глянул на Леду. — Это правда?

— Да, господин, — кивнула девушка.

— Ну ладна, — подозрительно глянул на Аластра Март. — Хорошо. Значит ты еще не полный козел, каким я тебя считал.

— Более того, я прошу вас, чтобы вы сняли с нее медальон, — кивнул граф. — Я бы хотел отправить Леду домой, в безопасность.

От этих слов у жертвенницы внутри потеплело. Граф заботился о ней, и от этого почему-то становилось приятно. Они вместе прошли через многое, и теперь девушка гораздо больше уважала своего мужа. Пусть он и был упрямым, пусть не слишком хорошо дрался,

зато всегда бросался спасать ее, даже если получал из-за этого тумаки. Отступило куда-то в тень принятое решение предложить свою помощь, уступив место желанию отправиться в замок, в тепло и уют, к камину и книжкам. Отступило, но все еще подозрительно пищало о том, что гораздо интереснее было бы поучаствовать в путешествии к королевскому дворцу.

— Не могу я его снять, — ошарашил размечтавшуюся Леду Март. — Пока еще не понимаю, почему, но не могу. Потому вам, леди, какое-то время придется путешествовать с нами. По крайней мере пока я не придумаю, как его с вас снять.

До таврены они добирались долго. Лошади выглядели изможденными, одна из них упала прямо у дверей таверны. Леде, которая вылезла из кареты вместе со своими спутниками, было жалко животных. Однако она не видела другого выхода. Либо двигаться наперекор всему, не щадя ни себя, ни лошадей, либо стоять на месте. И это ее угнетало.

Трактир оказался захудалым и стоял почти посреди чиста поля. За ним темнели в буране несколько покосившихся домишек, но свет ни в одном из них не горел, и дым из труб не шел. Дорожка у трактира была замечена снегом, но в дверях уже стоял худощавый мужчина и махал им рукой. Аластр помог Леде выбраться из кареты и довел до крыльца, за что удостоился благодарного взгляда и доброй улыбки.

— Добро пожаловать, гости дорогие, — кланяясь в пояс, сказал трактирщик. — Вам комнаты, или просто поесть желаете? Лошадок ваших покормить?

— Нам бы комнат на четырнадцать человек, — сказал Карл, доставая из кармана своего плаща мешочек с монетами. — У вас, разумеется, столько не будет, но хоть как-то нас разместите?

— Почему же не будет, еще как будет! — радушно заулыбался мужчина. — Сообразим что-нибудь. А если что парни ваши могут взять дров да расквартироваться в тех домишках, что за трактиром моим. Печи протопить только надо, а так они крепкие.

Леда удивилась про себя — куда же подевались люди? Однако встревать в разговор не стала. Карл приобнял панибратски трактирщика за плечи и отвел куда-то в сторону, обсуждая, видно, денежную сторону вопроса. Аластр крикнул ему вдогонку:

— Дайте нам ключ и лекарства, если есть. Мне раны перебинтовать надо.

— Я пошлю к вам служанку, вы располагайтесь пока что, — сказал почтительно трактирщик. — А ключ, добрый господин, с гвоздика возьмите любой какой вам нравится. У нас тут так заведено.

Не прошло и получаса, как Аластр с Ледой разместились в небольшой комнатке. Неровные деревянные стены украшали дыры, которые проели в них насекомые, большая постель была застелена желтым от многочисленных стирок жестким бельем. Служанка — женщина, на лице которой старость нарисовала первые морщины — принесла таз с теплой водой, чтобы они могли умыться, справилась о желании принять ванну и принесла так нужнее лекарства. Морщась, граф разделся по пояс и, повернувшись к Леде, попросил:

— Поможешь мне?

— Разумеется, — обрадовалась девушка.

Леде долго пришлось размачивать бинты теплой водой, чтобы отодрать их от присохших болячек, однако она с облегчением заметила некоторый прогресс. Раны уже не так сильно кровоточили, да и гноя видно не было. Граф морщился, но терпел, пока она наносила мазь.

— На вас все быстро заживает, — сказала Леда осторожно. — Это чудо, что при наших приключениях вы не занесли никакой грязи.

— Это не чудо, а медицина, — сказал граф отрешенно. — Однако в чем-то ты права. Порой врачи похожи на волшебников. И далеко не добрых.

— Я рада, что хоть чем-то могу вам помочь, — улыбнулась Леда, принимаясь за бинты. — Знаете, я даже тут подумала... раз уж я вынуждена путешествовать с вами, может, я могла бы быть еще чем-то полезна?

— Чем? — приподнял бровь Аластр.

— Ну, не знаю, — растерялась Леда. — Чем-нибудь. По крайней мере, если бы вы, граф, например, научили бы меня хоть немного сражаться на мечях, то я бы как минимум могла сама за себя постоять.

— Девушка с мечем, — фыркнул Аластр. — Ты и поднять-то его не сможешь. К тому же мечом владеть я и сам умею плохо. Учатся этому с самого детства. Да и зачем тебе меч, ты же не сможешь убить.

— И правда, — внутренне содрогнувшись, сказала Леда, а потом добавила менее уверенно. — Но я могла бы быть полезна в чем-то другом. Только скажите, что делать. Я быстро всему учусь.

— Обойдемся без твоей помощи, — ответил ей граф. — Лучше сиди в сторонке и не суйся. Ты слабая девушка, все что можно было бы сделать тебе не по силам.

— Но ведь я же была полезна, — обиделась Леда. — И в пещере, и прошлой ночью! Ведь если бы меня не было — у нас бы ничего не получилось! Разве я не доказала этим, что могу помочь?

— Да, разумеется, — фыркнул Аластр. — Тем не менее, если бы ты тогда не прислонилась медальоном к двери, то нам бы и не пришлось сражаться. А вчера нас вытащил Карл. Если бы он не услышал шум в нашей комнате, то тебя бы даже в сознании утащил тот головорез. К тому же ты каждый раз попадаешь в опасность. Чем меньше ты делаешь, Леда, тем больше нам помогаешь. Мне уже надоело тебя спасать!

— Но это было раньше, — сказала Леда. — Раньше я была безвольной тряпкой. Но теперь я хочу бороться вместе с вами!

Ее раздирали противоречия. Она понимала — в чем-то Аластр прав. Девушке даже начало казаться, что она зазналась, слишком много о себе возомнила и зря высунулась. Но ведь она хотела помочь. Она хотела отблагодарить его как-то за то, что он столько раз спасал ей жизнь. Быть полезной. Однако она спорила, и не могла остановиться. Впервые, за много лет у нее появилось хоть какое-то желание что-то сделать, и она не хотела от него отступить.

— Прости, Леда, но я бы предпочел, чтобы ты сидела дома, — разозлившись, Аластр выхватил у нее бинт и глянув на девушку волком. — Потому что пока что ты — обуза. Если бы не ты, мы бы пересели на лошадей и добрались до герцогства Лока за несколько дней, а не плутали в очень приметной карете. Но нам приходится мириться с таким большим и неудобным грузом как ты. Цени это и не мешай нам заниматься своими делами.

Девушка прикусила губу, засопела. Она попыталась молча забрать у Аластра бинт и закончить начатое, но он не отдал его ей. Ей стало очень обидно из-за того, что граф не может ее понять. Она хотела бы высказать ему все, что о нем думает, но вместо этого она молчала и пыталась сдержать злые слезы.

— Отдайте мне бинт, — попросила она. — Я не закончила.

— Я закончу сам, — сказал ей Аластр, хмурясь. — Ты все равно делаешь это никудышно.

— Ну и отлично, — сказала она зло. — Тогда один здесь и оставайтесь.

И с этими словами она, сжав кулаки, выскочила в коридор. Сердце у нее быстро

колотилось, слезы сдержать уже было невозможно. Она хлопнула дверью — чуть ли не впервые сама, со всего маха, вымещая на ней всю свою злобу, уткнулась в стену и беззвучно, обиженно разрыдалась. Эти слезы не были похожи на те, которые она проливала дома из-за своих обычных печалей. Это были не слезы боли, горя и отчаяния. Это были слезы обиды и разочарования в человеке, к которому уже почти прониклась симпатией, и который растоптал все твои добрые намерения, даже не попытавшись в них вникнуть.

— Эй, Леда, ты чего? — донесся до нее, как сквозь туман, голос Марта.

Часть 4. Ворон, пес и кот. Глава 9

Леда обернулась на голос почти испуганно, и увидела, что божество сидит у стены коридора прямо на полу, а рядом с ним стоит черный пес. Морда у Лаоллета, правда, была крайне недовольной, но Леда как-то не предала этому значения. Слезы тут же хлынули с удвоенной силой.

— Он что-то с тобой сделал? — вставая со своего места, грозно спросил бог.

Помотав головой, Леда попыталась перестать плакать. До нее вдруг дошло, что Аластр у Марта и так не на лучшем счету. Ситуация же пахла еще большим скандалом, чем устроила она графу. Нахмурившись, Март подошел к девушке, внимательно всмотрелся в ее лицо, а потом развернувшись открыл дверь в их с Аластром комнату. Леда кинулась за ним, вцепилась в подол кафтана, но было поздно. Вид у Марта был что ни на есть решительный.

— Неужели сложно быть хотя бы немного не такой сволочью?! — с порога спросил он. — Зачем вы довели девушку до слез?

Граф, как раз неуклюже пытающийся закончить перебинтовывать свои раны, поднял на него хмурый взгляд. Леда заметила, что на лице его отразился гнев, который он еле-еле в себе подавил.

— Ваша светлость, — очень вежливо и нарочито медленно проговорил он, — хочу заметить, что данная особа сама себя довела до этого состояния. Эти слезы не стоят вашего, да и моего внимания...

— Да? — поднял брови Март. — Значит, не заслуживает внимания? А что в этом мире вообще заслуживает вашего драгоценного внимания? Что у вас произошло?

— Не лезьте не в свое дело, — не выдержав, огрызнулся граф. — То, что вы бог не дает вам права...

— Да любой бы нормальный человек вмешался! — оборвал его Март. — Зачем вы ее довели? Что вы ей сказали?

— То, что она и так знает, — поднявшись на ноги, выплюнул граф. — То, что она бесполезная обуза, от которой одни неприятности. И я не намерен извиняться за эти слова. Из-за нее мы множество раз попадали в передраги...

— О, — закатил глаза Март. — Какое самомнение. А знаете, граф, я ведь видел кое-что из медальона. И знаете — можно поспорить, кто из вас еще бесполезнее. Если бы вы не гнали как сумасшедший, вас бы не поймали бандиты и не оставили на морозе в лесу. Вы называете ее обузой, а сами вчера спали как убитый, даже не заподозрив, что вам могли подсыпать снотворное, хотя вы увлекаетесь медициной. И после этого все, граф, все еще считаете Леду бесполезной?

— Если бы не я — вы бы до сих пор были заключены внутри медальона, — припомнил ему Аластр.

— Да? — поднял брови Март. — А ничего, что мою душу пробудила Леда, и я вас множество раз вытаскивал из передраг, расходуя последние силы? Все, значит, это ваша заслуга?

Они уставились друг на друга, упрямые и не желающие уступить.

— Я ненавижу тебя, — сказал прямо Март. — Всем сердцем ненавижу. Ты мне

противен всем, чем только может быть противен мне человек. Таких как ты я раньше только так гонял. Радуйся, что сейчас я не в пантеоне и почти не могу колдовать.

— Если бы вы не были богом, я бы велел вас выпороть, — ответил граф. — Тогда, может, с вас слетели бы эта ваша наивная глупость. Мир не так прост, ваша светлость. Не было бы меня — вы бы здесь не стояли.

— Я бы стоял здесь, но, возможно, меня вытащил бы человек поприятнее, — огрызнулся Март.

— Век рыцарей давно закончился, — покачал головой Аластр, почти со смешком. — Героев больше нет. Они все замерзли... вымерли...

— Единственное, что вымерло, это ваша совесть, — ответил Март, а потом вдруг обратился к Леде. — Иди сюда. Этот человек по-хорошему не понимает. Значит, будем по плохому.

Леда испуганно сделала шаг вперед, и божество тут же сцапало ее медальон своими длинными горячими пальцами.

— Итак, во что вас превратить, ваша светлость? — спросил Март, угрожающе вытянув руку в сторону Аластра.

— Вы не посмеете, — ухмыльнулся с вызовом Аластр. — К тому же без меня вас не пустит герцог Лок.

— Еще как пустит, — уверил его Март. — У нас есть Карл, который нас проведет. Буду говорить вашим языком, граф. Вы нам для достижения нашей цели не нужны. Будет битва с Январь. А воин вы так себе.

— Ну давайте, — пожал плечами граф, однако страх скрыть не смог, и голос его сорвался на высокой ноте. — Превращайте. Чего же вы ждете?

— Думаю, во что бы превратить, — ответил Март, будто чуть сомневаясь.

— Не надо... — попросила Леда.

— Не лезь, — огрызнулся на нее граф. — И так уже... вылезла.

После этих слов ощутимо сверкнуло. Леда зажала глаза руками, боясь, что вспышка ее ослепила. Сначала было тихо, а потом раздалось истошное, испуганное карканье. Открыв глаза, Леда увидела, что на постели, хлопая крыльями и извиваясь, лежит ворона. Она глянула на Марта. Его полный ненависти взгляд был прикован к графу.

— Будешь так ходить до тех пор, пока не научишься хорошим манерам, — сказал он. — Истинный творец нам свидетель, это пойдет тебе на пользу.

Осознание того, что случилось, накатило на Леду не сразу. Сначала все казалось каким-то нереальным, будто она спала и видела дурной сон. Но прошла минута, две, три, а «сон» не прекращался. Поняв, что она — а в своей виновности девушка не сомневалась — натворила, Леда кинулась к графу. Поймав несчастного, не способного совладать с новым телом Аластра, она прижала его к себе, а потом посмотрела с надеждой на Марта.

— Вы ведь пошутили? — спросила она умоляюще. — Вы ведь превратите его обратно?

— И не подумаю, — отрезал бог. — Пускай сначала угомонится.

— Но... он ведь... он ведь даже шевелиться нормально не может, — помотала в отчаянии головой Леда. — Как он есть будет?

— Ничего, привыкнет, — нахмурился еще сильнее Март. — Зачем ты заступаешься за него? Он ведь вечно над тобой издевается. Минуту назад ты плакала из-за него, а теперь бросилась защищать. Я чего-то не понимаю?

— Да, не понимаете, — ощущая, как отчаяние сменяется гневом, сказала Леда. — Да.

он плохо поступил, но в чем-то он прав. И то, что он сказал мне — не причина, чтобы превращать его... в ворону.

— Иногда я удивляюсь женщинам, — закатил глаза Март. — Что вы за люди такие?! Я не понимаю!

— Самые обычные, — заявила Леда. — Можете и меня превратить в ворону заодно, но я все же скажу. Мы за день нас всех перессорили.

— Я?! — поразился Март. — Да... да я ведь с благими намерениями...

— Да? — вскинула брови Леда, ощущая, как по ее телу струится незнакомый доселе жар. — Доводили Карла с благими намерениями?

— Он плохой человек, ты не понимаешь, о чем говоришь, — попятился Март.

— А вы-то сам хороший? — оборвала его Леда. — В конце-то концов, мы тут все пытаемся выставить себя лучше других, а за самими собой гадостей не замечаем. И знаете... вас бы тоже во что-нибудь превратить. В кота, например. Вы ведь уже были котом, да? Так им бы и оставались!

Сверкнуло второй раз. Леда удивленно моргнула. Какое-то время она ничего не видела, но когда зрение снова восстановилось, то она буквально рухнула на пол, больно ушибившись коленями. На месте Марта сидел рыжий кот. Очень растерянный, удивленный, что было видно по усатой морде. Ворон в руках девушки весело закаркал, буквально засмеялся.

Дверь открылась, и в нее заглянул Карл.

— Что у вас здесь творится, я не понимаю? — спросил он раздраженно. — Хватит устраивать феерверки. Вы внимание привлекаете. Я уже не знаю... как...

Он запнулся, а потом уточнил:

— А... где Аластр? И Март?

— Вот они, — нервно улыбнулась Леда, ткнув пальцем в ворону и кота. — И что с этим делать я не знаю...

Проснулась Леда рано, причем не по своей воле — ее нещадно разбудили. Пока служанка помогала ей умыться и привести в порядок волосы, она с ужасом рассматривала расположившихся на смятой постели ворона и кота. Жертвенница понятия не имела, что ей с этим делать, и надо ли делать что-то вообще. Если с Аластром все было понятно — его обратил в ворона Март, то к божеству у нее была куча вопросов. Она никак не могла понять, превратился ли он сам в кота чтобы ее напугать, или это она каким-то странным образом его превратила. Последнее казалось Леде совершенно невероятным.

«Не издевается ли он надо мной? — думалось ей. — Может, решил и меня таким образом проучить?»

Однако кот, казалось, не шутил. Мордочка у него была недовольная, он то и дело прижимал уши и шипел на старающегося клюнуть его ворона. Мстительный Аластр, за ночь совладавший с новым обличем, изредка важно каркал и постоянно махал крыльями. Служанка пыталась игнорировать факт появления зверья в комнате Леды, но все изредка бросала на них недовольные взгляды.

Одеваться было не во что, потому жертвенница вновь закуталась в плащ Аластра и, прихватив кота с вороном, спустилась завтракать. Самой себе она напоминала какую-то спятившую дрессировщицу — на одном плече ворон, на другом рыжий кот, а сама она в одной сорочке, панталонах да в мужском плаще. Естественно, стоило ей оказаться внизу, как обедавшие парни Карла замерли, с интересом на нее косясь. Охотник на разбойников махнул им рукой, а потом жестом позвал Леду к себе.

Усевшись напротив Карла, девушка ссадила несчастного Аластра на стол. Служанка тут же поставила перед ней тарелку, полную вареных картофелин и копченого мяса. Ворон первым неуклюже запустил свой клюв в еду, пытаясь поест. Кот лениво вытянул лапу, видно ему было лень слезать с плеча Леды и он таким образом просил себя покормить.

— Ну а что, в таком обличии они мне даже больше нравятся, — усмехнулся охотник на разбойников, щелкнув Аластра по горбатуму клюву. — Ишь ты, какой здоровый...

Граф обиженно каркнул и попытался клюнуть обидчика, но тот ловко отдернул руку и переключился на кота:

— Ну что, ваше сиятельство, больше не можете уже надо мной издеваться? Как ваше ничего? Блохи не замучили?

Кот чихнул, вид у него был обиженный.

— Прекратите, — попросила его Леда устало.

— Да ладна тебе, грех не поиздеваться, когда есть такая возможность, — хохотнул Карл, но все же от зверья отстал. — Ну а ты как, красавица? Что думаешь по этому поводу?

— Да ерунда какая-то, — вздохнула девушка, а потом добавила почти шопотом. — Не пойму, почему он не превращается... не могла же я его заколдовать...

— Ты давай не здесь... — зыркнул на трактирщика Карл. — Ешь давай. До ближайшего города часа три пути, как раз только-только буран улегся. Доберемся до него — попробуем платье тебе соорудить. А то ходишь как... не пойми кто.

— Спасибо, — вздохнула девушка.

— Благодарить будешь когда мы его на тебя оденем, — задумчиво буркнул Карл. — Ешь уже... а то этот парень все сейчас сожрет.

Леда отодвинула от своей тарелки Аластра, который все никак не мог справиться с большим куском мяса. Она немного поела, потом покормила с рук своих подопечных. К ее облегчению ворон все же умудрился отправить пищу в свой желудок размером с наперсток. Март тоже поел, правда, как-то лениво и без энтузиазма, и тут же погрузился в сон.

Стоило закончить с едой, как Карл утащил Леду в карету. Ей пришлось в деталях пересказать ему события вчерашнего вечера. Впрочем, рассказывать-то было нечего, и Леда довольно быстро замолчала.

— Знаешь что, — сказал охотник на Разбойников, — я более чем уверен, что все же ты его заколдовала.

— Но разве такое возможно? — потупилась девушка. — Я ведь не ведьма какая-нибудь...

— Но на тебе вот эта штуковина, — ткнул Карл в медальон Марта. — И этот рыжий говорил, что они дают богам силу. Он не снимается с тебя, не слушается Марта, так что, может, ты как-то умудрилась его использовать по назначению? Что скажете, ваша светлость бог весны?

Март, которого Леда устроила у себя на коленях, приподнял голову и кивнул. У девушки внутри все похолодело. Аластр возмущенно каркнул. Ппрыгая на своих ножках-палочках, он добрался до жертвенницы и потянул ее за подол сорочки.

— Не знаю я, как вас расколдовать, — с отчаянием сказала девушка. — Понятия не имею. Знала бы как — давно бы уже расколдовала.

— Ну, случилось-то это случайно, — пожал плечами Карл. — И, если ты можешь им пользоваться, то и боги бы с ними, с этими двумя. Не больно-то они нам и нужны. А там, может, научишься и расколдуешь.

— Да как же я научусь-то! — запротестовала Леда. — Какая из меня богиня?!

— Какая-какая, — зевнул Карл. — Нормальная. Ты хотя бы в душу не лезешь незнакомым людям. И графиня из тебя получше некоторых.

Март положил голову Леде на колени, вытянув шею, Аластр сунул клюв под крыло. Жертвеннице даже подумалось, что им обоим должно быть стыдно.

— Ну, может, они помирятся и превратятся обратно, — предположила она. — Март говорил что-то о хороших манерах...

— Вот и отлично, — махнул рукой Карл. — Мое дело маленькое — доставить вас троих в к герцогу Локу. А уж в каком обличье — все равно. Так что думай сама.

С этими словами он по обыкновению выбрался из кареты прямо на ходу, оставив девушку одну с ее заколдованными «друзьями». Посмотрев на них, правда, Леда подумала, что все к лучшему. По крайней мере, она ехала не в ужасной напряженной атмосфере, а в тишине.

Карета с трудом добралась до трактира. Ругаясь, Карл велел перепрягать лошадей. Леда надеялась, что он, уставший и весь мокрый от снега, отправится отдыхать, но не тут-то было. Охотник на разбойников буквально силком вытащил ее на улицу, во власть бурана.

Из окна Леда не могла толком рассмотреть город, в который они въехали. Единственное, что то и дело бросалось ей в глаза — мутные кляксы света за покрытым хлопьями снега окном. Стоило ей ступить на улицу, как она утонула почти по колени в рыхлую белую кашу. Она понятия не имела, как можно по такому безобразию идти, но у Карла были свои планы. Он махнул ей рукой, велел двигаться следом, и, бороня снег ногами, двинулся вперед.

Шли они долго. Мучительно долго. В сапоги Леды забился снег, низ сорочки и панталоны покрылись наледью, а плащ то и дело пытался сорвать ветер. Они пересекли улицу и двинулись вдоль домов, где намело не так сильно. Карл шарил вокруг глазами, хотя разглядеть что-то было невозможно уже на расстоянии вытянутой руки. Снег метался, жалил лицо, забивался за шиворот. Когда охотник на разбойников, наконец, дернул ручку какой-то двери, и они ввалились в помещение, Леда ощутила себя самым счастливым в мире человеком.

Дом, в который они вошли, оказался швейной мастерской, причем не самой качественной. Окинув профессиональным взглядом висящее на набитом соломой манекене красное платье, Леда заметила и кривую вышивку, и неровные стежки, и кое-где висящие хвостики ниток. Людей в тесном зале видно не было, из-за полутьмы за окном царил прохладный полумрак. На столе, правда, стояла свеча их дурного сала, распространяя неприятную вонь. Рядом со свечей кто-то разложил ткань, здесь же валялись ножницы, линейки, обмылки и веревки для снятия мерок.

— Эй, есть кто? — позвал Карл, громко постучав по столу рукой.

Не прошло и пары секунд, как дверца в дальней стене распахнулась, и в помещение вкатилась кругленькая женщина, держа в руках кусок хлеба. Судя про прилипшим к уголкам рта крошкам, они оторвали ее от еды. На Карла с Ледой женщина уставилась то ли как на призраков, то ли как на умалишенных. Она спрятала недоеденный хлеб в передник и спросила вежливо:

— Господа, чем могу помочь?

— Этой леди срочно нужно платье, — ткнул Карл пальцем в Леду. — Сколько это будет стоить?

— Готовых платьев у меня нет, — защебетала портниха, и глаза ее жадно сверкнули. — Впрочем, если вы подождете неделю, то за десять золотых...

— Неделю? — удивился Карл. — И как это у вас нет готовых платьев? А это что?

И он указал на висящее на манекене красное платье. Леда поморщилась. Работы оно было очень грубой, да и портниха нагло врала — самое простое платье с кринолином шилось около дня, а то и меньше, если умеешь.

— Это платье по заказу дочери барона Крона, — пропищала швея. — Оно не продается.

— А перед вами графиня Леда Инорих, — запротестовал Карл. — Графиня выше по

статусу баронессы...

— Тем более платье не шьется неделю, — решила добавить Леда. — Уж я-то знаю...

— Графиня? — глаза швеи забегали. — Но... я все равно не могу продать вам это платье! Оно уже заказано, и слуги барона должны вот-вот...

Договорить она не успела. Дверь распахнулась, и в помещение вошел хмурый, злой как черт высокий мужчина, запорошенный снегом. Выглядел он как шарик из шуб на длинных, тонких ножках. Карл и Леда удивленно переглянулись.

Жертвенница знала таких знатных дам, которые посылали и в буран, и в метель своих подчиненных за платьями. Бывало такое, что несчастные господа посыльные приходили к ней с отмороженными пальцами, щеками и носами. И вот тут ей везло не всегда. Такие люди либо принимали заботу, и она приводила их в порядок, либо вымещали на ней свою обиду. В последнем случае у Леды оставалось на память от них плохое настроение, а иногда и синяки, в первом — лишняя пара монет. И она прекрасно поняла, что вошедшего можно отнести скорее ко вторым. Леда уже хотела попросить Карла не ввязываться, но не успела.

— Где платье? — спросил пришелец, стряхивая с плеча снег.

— Уважаемый, а не могли бы вы нам его уступить? — став между манекеном и человеком, сказал Карл со своей наглой улыбочкой. — Мы хорошо заплатим. У вашей-то мадамзельки, небось, этих платьев целых два шкафа и еще один с такими, которые она ни разу не надевала, а у нас нет ни одного.

— Отойдите в сторонку, — нахмурился человек. — У меня приказ доставить это платье в поместье барона Крона.

— Ну так давайте отправимся туда вместе, — предложил Карл с зубастой улыбкой. — Наверняка услышав нашу историю, барон с радостью отдаст нам хотя бы одно платье.

— Да кто вы такие, чтобы вот так запросто набиваться в гости к его светлости барону? — вышел из себя незнакомец. — Как вы смеете, оборванцы, пытаться лишить его дочь... платье?

— Кто мы такие? — хмыкнул Карл. — Ты, приятель, поменьше бы глядел на платье, и побольше — на лица. Я — Карл Крапантур, королевский охотник на разбойников, а эта девушка — графиня Леда Инорих.

— Охотник? Леди? — переспросил ворчливо человек, пытаясь обойти Карла. — Тогда я — Вадгрим Второй. Отойти с доро...

Договорить он не успел. Карл молниеносно вытащил меч из ножен и приставил его прямо к кадыку человека, схватив того за шиворот. В охотнике на разбойников было почти на полторы головы меньше роста, но это не помешало ему склонить незнакомца к себе и проговорить жестко, страшно, прямо в лицо:

— Слушай ты, у меня есть разрешение от короля убивать любого, кто мне не понравится, — сказал он. — А ты начинаешь нравится мне все меньше и меньше. Сейчас ты, сукин сын, берешь это сранное платье, благодаря одиннадцать за то, что я просто не забрал его и не ушел, и отведешь нас к своему барону. Понял ты меня?

— Карл, прекратите, — попросила Леда. — Если мы задержимся здесь на несколько часов, то я сама себе в состоянии сшить...

— Вы не портниха, а графиня, — оборвал ее Карл. — Не забывайте об этом. А это дело — дело чести. Нам с вами по статусу положено брать то, что мы хотим. И об этом не должен забывать ни один смердящий пес, вроде этого.

— У вас есть, чем доказать вашу личность? — выдохнул испугано косясь на меч

человек. — Я не могу просто так взять, и привести вас...

Карл глянул ему в глаза, убрал меч и оттолкнул. Человек едва не упал, что Леду немало удивило. Она уже какой раз поражалась, сколько же силы и злости в таком маленьком человеке, как Карл. Охотник на разбойников слезал под плащ, и выудил чуть мятый лист бумаги, скатанный в трубочку и перевязанный бечевкой. Лист он отдал посыльному. Тот развернул, прочел, хмыкнул, поковырял чернила. Вернув бумагу Карлу, посыльный поклонился и сказал, пусть и не без раздражения:

— Рад буду сопровождать вас к барону, господу.

Швея засуетилась, снимая платье с манекена и укладывая его в картонную коробку. Вскоре Леда уже снова продиралась за мужчинами сквозь сугробы, направляясь в сторону особняка барона. Ветер чуть утих, снега стало гораздо меньше, и девушка наконец смогла осмотреться.

Улица была довольно широкой, но совершенно безлюдной. Одна цепочка следов — уже почти занесенная снегом — шла от трактира, вторая — более свежая — видно от поместья барона. Но удивила Леду вовсе не пустыньность. В этом-то как раз не было ничего противоестественного. Дым. В тех домах, что попадались им по пути, не шел из труб дым, и не было света. Двери кое-где занесло до середины. Кое-где дверей же не было вовсе, и снег заметал прямо в пустые прихожие. Леда принялась считать. Пока они мучительно долго шли к поместью, она насчитала тридцать домов, и только в семи из них теплился хоть какой-то намек на жизнь.

Это девушку напугало. Вдруг вспомнились пустые лачуги за трактиром и слова Аластра о том, как много в их графстве заброшенных деревень. Припомнились и стоящие на отшибе, не окруженные совершенно никакими городами баронские поместья, в которых она побывала.

«Но почему же в нашем городе все не так? — задумалась она. — Там много нищих и нет пустых домов вовсе? Там много людей и еды. Почему же в других местах иначе? Почему раньше я не обращала на это внимания?»

Когда они добрались до поместья барона и вошли в прихожую, ноги у девушки болели от холода. Все, чего она хотела — это побыстрее оказаться у огня, в тепле и больше не выходить на улицу. Растерянный пожилой дворецкий попытался преградить им путь, но посыльный что-то ему шепнул, и тот отступил.

— Подождите здесь, — раздраженно сказал он своим спутникам. — Сейчас я позову барона, и вы с ним обсудите ваш вопрос.

— Не намерен я на пороге топтаться, — скинув плащ и сапоги, Карл дернул за руку Леду. — Давайте, леди, разувайтесь. Мы заслужили посидеть у камина.

С некоторой благодарностью Леда разулась и поспешила за охотником за разбойниками. Обстановка поместья оказалась очень богатой — все красно-золотое, вычурное. Если замок Аластра дышал стариной вперемешку с простотой, то здесь даже стены казались подчеркнута дорогими. Задрав голову, Леда обнаружила на потолке фреску, изображающую танцующих богинь — Январь, Апрель, Июнь и Сентябрь. Они водили хоровод вокруг огромного, красивого цветка лилии. Леда попыталась припомнить, из какой же сказки эта картина, но ничего на ум не приходило. Потому она опустила взгляд, и подошла к камину, украшенному плитками из черного и белого мрамора. Карл уже отодвинул каминный экран, чтобы им было теплее, и присел на корточки, протянув руки к огню.

Стоило Леде немного отогреться, как в гостиную ввалился мужчина с густыми, похожими на два обвисших лисьих хвоста седыми усами. Он был коренаст, плечист, одет в белую рубашку и фрак, сшитый явно столичными модистками. Ремень брюк еле-еле сходил на объемном животике богатея. Леде вдруг вспомнилось, что мать Латены звала такое пузо «запасом на черный день».

— Кто вам позволил без приглашения вторгаться в мой дом и угрожать моим подчиненным!? — возопил он.

— А кто вам, господин Иллитрин Крон, позволил грубить гостям с порога? — возмущенно поднялся Карл. — Нам всего-то и нужно, что одно единственное платье. Мы и так перлись от самого дама швеи из-за этого.

— Поимейте совесть! — ошарашено застыл хозяин дома. — Я барон, а не торговец тряпками.

Леда тяжело вздохнула. Она прекрасно понимала этого человека, не понимала Карла и хотела побыстрее оказаться подальше от всего этого скандала, но приходилось терпеть. Чем дальше Карл ругался с бароном Кроном, тем больше она злилась.

— У вашей дочери куча платьев, нам нужно всего одно, неужели вам так сложно нам его продать? — наступал на хозяина поместья Карл.

— Эти платья принадлежат моей дочери, и только ей решать, отдавать их вам или нет! — гнул свое барон.

И тут Леда не выдержала. Внутри у нее все кипело от негодования и стыда. Она подошла к Карлу, подвинула его в сторонку. Удивленный охотник на разбойников послушно отошел, дав девушке встать перед бароном. Тот осекся, удивленно смотря на нее. У Леды же внутри все стучало, билось, колотилось. Впервые с тех пор, как она женилась на Аластре, она подумала, что имеет право говорить с этим человеком. Причем говорить совсем не так, как Карл.

Какое-то время она просто смотрела ему в глаза. Устало, пристально. Смотрела до тех пор, пока он не отвел взгляд. Она всегда так делала, когда оказывалась один на один со своими обидчиками из деревни. Парни, порой таскавшие ее за косу, никогда не могли выдержать ее тяжелого взгляда. Потом девушка развязала шнурок и скинула плащ. Барон покраснел словно мальчишка. Карл открыл рот, и кинулся было поднимать ткань, чтобы прикрыть сорочку и панталоны Леды, но та лишь махнула рукой.

— И вот в таком виде мне приходится ходить уже пару дней, — сказала она барону без гнева, без требований, без злобы.

Барон почесал пальцами свой подбородок, смущенно глядя на Леду.

— Прикройтесь, леди, — сказал он осипшим голосом. — Ваш муж убьет меня, если узнает, что я видел вас в таком виде.

— Тогда моему мужу придется убить еще много кого, ведь мне придется продолжать свое путешествие... вот так, — сказала девушка, опустив глаза.

— Куда же... делось ваше платье? — уточнил барон осторожно.

— Разбойники, ваш светлость, — соврал за Леду Карл. — Если бы мы с ребятами не

подоспели, то как пить дать изнасиловали бы и убили.

— Что ж... — неохотно сказал барон. — Хорошо, одиннадцать мне свидетели, хорошо. Только прикройтесь и пойдете. Я велю повару приготовить вам чего-нибудь горячего, и вы с моей дочерью выберете какое-нибудь платье, которое бы... подошло такой красивой леди, как вы. А потом мы сядем и мирно побеседуем. Только скажите вашему сторожевому псу уняться.

Леда озадаченно посмотрела на Карла, но тот только фыркнул и сложил руки на груди. Видимо «сторожевого пса» он благополучно принял как данность. Когда барон ушел, махнув рукой слугам, он наклонился к Леде и сказал:

— Великий дипломат, псы тебя задери...

— Ну, у меня-то меча нет, — кивнула Леда на оружие Карла. — Приходится языком.

— Уж прости, какой есть, — нахмурился он, накидывая ей на плечи плащ. — Я привык работать оружием. Мое дело, знаешь ли, убивать разбойников, а там переговорная наука ни к чему. И Аластру об этом не рассказывай. А то еще действительно ползет драться с этим бароном...

— Аластр? — удивилась Леда. — Да мне кажется, что ему все равно будет, даже если бы этот барон меня голой увидел!

— Это тебе только так кажется, — поднял брови Карл. — А теперь давай, иди уже за платьем. И смотри, больше не влипай не в каких передряги. Еще одно платье я тебе добывать не намерен.

— Выбирайте, леди...

Эти слова дочка барона — девушка лет шестнадцати, румяная и пухленькая — постаралась сказать как можно более учтиво, но не смогла. Ее голос так и сквозило раздражение, видно, расставаться со своими платьями она отчаянно не хотела, но велел отец. Они с Ледой находились в ее комнате, и жертвенница с некоторыми опасениями разглядывала содержимое огромного шкафа. Он занимал добрых полстены, и был набит так плотно, что казалось платьям вот-вот станет в нем тесно и они вывалятся наружу, как пружина, на которую перестали давить.

Комнатка оказалась на удивление взрослой и не отличалась от остального убранства дома. Все такие же обитые красным бархатом стены с портретами в золоченых рамах, все такие же лепные потолки с фресками, все такие же отполированные паркетные полы и красные коврики. Огромная постель под балдахином — Леда даже позавидовала, ей всегда такую хотелось — огромный шкаф, огромная люстра на потолке, свой столик и два кресла. Комната скорее подходила по размерам для замка, чем для поместья.

— Может, выберешь что-то, что тебе не нужно? — спросила юную леди Леда. — Не очень мне хочется тебя обирать.

— Правда? — удивилась девчушка. — А если они вам не понравятся?

— По мне так любое платье лучше, чем ничего, — добро улыбнулась ей Леда.

Девчушка задумчиво хмыкнула, а потом полезла в шкаф, доставая платье за платьем. Вытаскивая одно из них, она случайно захватила другое, и то валялось на пол. И вот, когда очередное платье попыталось совершить побег из шкафа, у Леды екнуло сердце. Она узнала его.

Много платьев она сшила за свою жизнь, но это было самым любимым. Красное, тяжелое, бархатное, с золотой и серебряной вышивкой и настоящими драгоценными камнями. Пока она его шила заказчик приставил к ее дому стражников, чтобы не дай бог драгоценности у нее не украли. Это платье было одним из тех немногих, которые Леда не удержалась и примерила. Даже без кринолина оно смотрелось потрясающе.

— Нравится? — спросила девчушка, поймав удивленный взгляд Леды. — Оно красивое, конечно, но уж больно вычурное. Отец постоянно заставляет меня надевать его на балы и когда приезжают особо знатные гости.

— Да-да, — растерянно сказала Леда. — Оно очень красивое. Где... где ты его взяла?

— Отец заказал его у одной швеи из вашего графства, леди, — сказала девчушка. — Я даже немного завидую. Наша городская швея шьет отвратительно, а у вас рядом есть такая хорошая. Если бы до вашего графства не надо было так долго ехать, я бы заказала у нее еще несколько. На свой вкус.

Помявшись, баронская дочка вдруг предложила:

— А знаете что, а давайте мы с вами договоримся! Я отдам вам это платье, а вы закажете у той швеи для меня два других!

— А твой батюшка не будет ругаться? — удивилась Леда.

— Неа, он меня обожает, — улыбнулась ей девчушка, а потом прижала платье к груди

Леды. — Надевайте! Я уверена, вам оно подойдет больше, чем мне. Как раз к вашим черным волосам.

Леда растерянно улыбнулась. Две служанки, до того стоявшие у массивной деревянной двери детского будуара маленькой баронессы, кинулись помогать ей одеться, но тут девчонка остановила их.

— А ну-ка давайте сначала вы принесете воды, — сказала она приказным тоном. — И чистую сорочку. И панталоны. И голову ей помыть поможете! Не престоало леди графине ходить в таком виде!

— Спасибо тебе, — нерешительно сказала Леда. — Это очень благородно с твоей стороны.

— За это с вас еще одно платье, — потребовала юная вымогательница, скрестив руки на груди. — Только не красное. Лучше зеленые, желтые или голубые.

— Идет, — согласилась Леда. — Если хочешь, можем их прямо сейчас и нарисовать, а потом я передам эскизы швее.

— А вы рисовать умеете? — обрадовалась девчушка. — Ну все, теперь я вам еще и волосы заплету! И не смейте отказываться!

Поджидавший Леду в столовой Карл выглядел раздраженным и сердитым. Впрочем, как и сам барон Крон, жевавший куриный окорок. Однако увидев Леду, Карл как-то растерялся. Поднявшись со своего места, он подошел к девушке, осмотрел ее внимательно и уточнил:

— Леди, где вы так долго были?

— Мы... волосы мыли... — смущенно пояснила Леда. — И заплетали.

— Да, вижу, — сказал он. — Ну что ж... присаживайтесь.

С несвойственной ему суетливостью Карл сопроводил Леду к столу и отодвинул один из стульев. Она присела, шурша юбками, и только тогда заметила, как смотрит на нее барон. Поймав ее взгляд, он положил обратно на тарелку куриную ногу и протер усы белым платком. Вид у него был какой-то растерянный и удивленный.

— Даааааа, — протянул он. — Много я думал, почему же граф Инорих взял вас в жены, да вот только теперь понял. Жаль было бы такую красоту отдавать в руки Января.

— Вы льстите мне, — смутилась Леда.

— Ничуть, — покачал головой барон. — Однако я хотел бы кое о чем спросить вам?

— Спрашивайте, — удивилась Леда, осторожно глянув на Карла.

Тот пожал плечами — выкручивайся, мол, как хочешь. Жертвенница украдкой вздохнула. Ей вдруг подумалось, что будь здесь Аластр, то она бы сидела, не смея и слова вставить. Она поняла, что до сегодняшнего дня и не чувствовала себя графиней. Скорее уж игрушкой или любовницей графа. Но то, что она так запросто может беседовать с бароном в его богато обставленной столовой, свободно есть что захочет с его стола и даже, возможно, что-то от него требовать придало ей уверенности в себе. Только воспоминание о несчастном Аластре, вынужденном сейчас сидеть в компании кота-Марта чуть остудили ее.

— Вот это платье мы заказывали у швеи из вашего графства, — сказала барон. — И я слышал, что ранее вы были швеей...

— Да, вы правы, — улыбнулась Леда. — Его шила я.

— Ого, да ты рукастая! — присвистнул Карл. — Ничего себе! Прости, что считал тебя просто графской подстилкой...

— Стыдитесь, — напустился на него барон. — Опошляете такую красоту! Наверняка, леди, вы еще и образованы?

— Не сказала бы, — с сожалением сообщила Леда. — К сожалению, у простых людей мало времени на образование. В замке меня обучали некоторым вещам, но я все равно остаюсь... немного неучем. Зато писать и читать я умела еще до своего замужества.

— Похвально, похвально, — погладил усы барон. — А история? География?

— Мне больше нравятся старинные легенды, — улыбнулась Леда. — Хотя я бы с удовольствием изучу и то, и другое, когда вернусь в замок. А то вот я путешествую, и даже толком не знаю, где нахожусь. И столько различных вещей удивительных вокруг...

— Это каких например? — удивился барон.

— Ну например, — начала Леда, — почему вокруг так много пустых домов? В вашем городе очень мало людей, как я заметила. А город, в котором стоит замок Аластра перенаселен. Отчего так?

— Так ты не знаешь? — удивился Карл. — Чему тебя только Аластр учил?

— Почти ничему, — смутилась Леда. — Я даже не знаю, как называется город, в котором я живу...

— А вот как раз это-то и неудивительно, — благодушно улыбнулся ей барон. — Ваш город лишили имени много лет назад. Не всем городам положено иметь имя. Наш вот город зовется Брег. А ваш некогда назывался Райдоми. Но было это довольно давно.

— А почему он потерял имя? — спросила осторожно Леда, перед которой уже поставили приборы для еды. — Может, вам не сложно будет рассказать мне? Вы ведь такой образованный человек, думаю, вы гораздо лучше мне это расскажете, чем какая-нибудь гувернантка.

— Что ж, — польщенно сказал барон. — С удовольствием. И тогда вы увидите, что ничего удивительного в описанных вами вещах нет. Итак, знаете ли вы легенду о сотворении мира?

— Разумеется, — кивнула Леда. — наших предков поселил на этой земле великий истинный творец, создатель.

— Именно так, — кивнул барон. — Люди плодились и размножались, и скоро у них возникла потребность в правителе. Тогда несколько из них захотели править, люди разделились на племена и долго воевали за власть. Но однажды появился Удгр — добрый король. Пусть его и звали добрым, но поначалу он был самым что ни на есть завоевателем. Он отвоевал всю обитаемую сушу, поработив или истребив племена. Он не желал получать дани, он хотел править всем. И Удгру это удалось. Говорят, уже в 50 лет он был властелином всего нашего мира. И было у него пять сыновей. Арстэйн, Инорих, Тентерд, Роре и Фредогест...

Леда удивленно вскинула брови. Она знала названия четырех великих королевств. Их королевство звалось Арст, и фамилия короля была Арстейн. Соседние королевства звались Роре — с ними, как говорили, наклеывалась война. Терт и Фред были более отдаленными странами.

— Но... как так? — удивилась Леда.

— А так, — улыбнулся ей барон. — Король поделил свою страну между сыновьями и оставил их править. Еще несколько поколений пять королей сажали на трон своего старшего сына, а между остальными дробили свою часть земли. Так появились бароны, графы и герцоги. Так вот, около трехсот лет назад наше королевство Арст пошло войной на Инор. Прадед нашего короля отбил у короля Генри Инориха те земли, что сейчас являются южной частью нашей страны. Его столицу — ваш город — позорно лишили имени, однако король решил не убивать представителя древнего рода. Они заключили некий союз, и Генри стал править частью своих земель как герцог.

— А потом батя твоего муженька разорил герцогство, — фыркнул Карл. — И, если я не ошибаюсь, Аластру пришлось продать часть своих земель за долги отца.

— Именно так, — кивнул барон. — Однако ваш город, бывший некогда столицей королевства, до сих пор населен более плотно. Да и Аластр, если мне не изменяет память, хорошо ведет дела и его графство процветает в отличие от многих других. Впрочем, радуйся, девочка, что Вадгрим первый вообще пощадил прадеда твоего мужа. В ином случае не было бы тебя сейчас здесь. Впрочем... то была довольно истощающая война. Оттого и пустые дома. Три сотни лет уже прошло, а страна никак не может встать на ноги после той катастрофы. И не встанет, если наш молодой король, Вадгрим второй, не утихомирит

К постоянному двору Леда вернулась озадаченная. Метель унялась, уступив место блаженному покою. Немногочисленные обитатели маленького городка, утопая в снегу, выбрались из своих домов, чтобы худо-бедно расчистить улицы. Карл велел Леде немного подождать в карете, пока он не уладит вопрос с лошадьми, но девушка осталась на улице. Прислонившись спиной к боку коляски, она переваривала полученную информацию.

Аластр никогда не рассказывал ей о себе, но теперь она заинтересовалась. Как вышло так, что он дружил с королем — ведь по ее разумению они должны были быть кровными врагами? Как вышло так, что ему пришлось продать часть земель, став из герцога — графом? Каким был его отец? Кто был его матерью? Она была замужем за этим человеком половину месяца, но совершенно ничего не знала о нем.

«Может, если бы я поинтересовалась, то лучше бы поняла его, — подумалось ей. — Например поняла бы, почему он всегда такой грубый и мрачный. В конце-то концов, все наши печали вытекают из нашего прошлого».

Однако в данный момент Аластр ничего рассказать не мог. Осторожно, с надеждой заглянув в салон кареты, Леда увидела лишь рыжего кота и ворона, сидящих друг напротив друга. Она тяжело вздохнула, повернулась к улице, и...

... неожиданно наткнулась взглядом на шута. Под новым платьем, подол которого уже успел намокнуть от снега, медальон вдруг стал холоднее льда, будто из него выкачали всю его магию. Перепугавшись, Леда вжалась спиной в карету, но человек в тонком пестром костюме лишь улыбнулся ей и, звякнув бубенцами, сказал:

— Добрый денек, высокородная леди! Добрый-добрый-добрый денечек!

— Добрый, — испуг сменился удивлением, и Леда даже попыталась улыбнуться незнакомцу.

— Как ваши делишки? — осведомился дурак.

— Хорошо, — растерянно ответила девушка. — А... вам не холодно?

— Мне? — улыбнулся шут, а потом похлопал себя по худому животу, звеня бубенцами на шапке. — О нет, нисколечко! Мой внутренний огонь меня греет! А вас что греет, леди?

Леда задумалась. Скоморохов и арлекинов она раньше видела, когда приходила на праздники в город с Латеной. Но этот как-то не походил ни на первых, ни на вторых. Его одежда состояла из ромбов разных цветов и размеров — широкие штаны, стянутые у щиколоток, рубаха чуть ли не до колен и шапка с тремя «рогами». Бубенцов на его одежде прищито оказалось что ягод на кусту поздней осенью — много, и рассыпаны они были беспорядочно. На каждом «роге» колпака висело по колокольчику, еще два крепились к загнутым в спираль носкам фиолетовых туфель. Лицо шута намазал белой краской, подведя губы так, чтобы их уголки смотрели вниз. На одной щеке намалеван голубой месяц, на другой — оранжевое солнце.

— Ну... не знаю, — замешкавшись, сказала девушка, на автомате сжимая свой медальон под одеждой чтобы его согреть.

— То-то и оно, что не знаете! — захохотал шут. — Три-тари-тари-рара, не знаете! А должны бы знать! Вот вам загадка, леди. Загадка простая, вы сразу догадаетесь. Встретились

как-то раз кот, пес и ворон. Что случилось?

— Кот съел ворона, а пес загнал кота на дерево? — удивилась такому совпадению Леда.

— Нет-нет! — замахал руками шут. — Не думайте же вы так просто! Будто ворон не может дать коту взбучки, а кот не способен цапнуть пса за нос.

— Они передрались, — буркнула Леда наугад.

— Bravo- bravo, — похлопал в ладоши шут. — А теперь скажите, что могло бы примирить пса, кота и ворона?

— Не знаю, — пожалала плечами Леда. — Понятия не имею.

— Ответ прост, — возвел палец к небесам шут. — Злой волк, который опасен и для первого, и для второго, и для третьего.

— Вы говорите очень странные вещи, — нахмурилась Леда. — Кто вы такой?

— О, я просто безумный шут, — пританцовывая, ухмыльнулся незнакомец, оскалив мелкие редкие зубы. — Простой старый шутник, шутки которого так же стары, как и этот мир. Но если этими шутками можно кого-нибудь рассмешить, почему бы не рассказать их. А как вам такая шутка? Жила была простая швея, а потом хоп — и стала вдруг графиней. Была простая графиня, а потом хоп опять — и стала она богиней. Стала-то она стала, да вот что делать не знает. И что ее греет она не знает, ай-яй-яй!

— Откуда вы знаете?! — поразилась Леда, подаваясь вперед и протягивая к шуту руки. — Вы знаете, как их расколдовать?

— Я все знаю, да вот только с чего должен говорить? — усмехнувшись, шут сделал шаг назад, отдаляясь от Леды. — В конце-то концов, ты ведь видишь в коте и вороне только кота и ворона, и не видишь людей. Вы, леди, сначала головой подумайте, а потом уж...

— Леда! — раздался окрик со стороны харчевни. — Я же просил тебя в карете подождать?!

Обернувшись, девушка увидела сердитого Карла, но ей было не до него. Она хотела уже повернуться к шуту, сцапать его и буквально вытрясти у него способ вернуть Аластра и Марту их обличие, но незнакомец пропал. Она осмотрелась, ища хотя бы его удаляющуюся, исчезающую за поворотом спину, но шут не оставил даже следов на снегу. Будто и не было его. Зато за сердитым Карлом протянулась в снегу глубокая борозда.

— Вечно ты самодеятельностью какой-то занимаешься, — сказал он сердито. — Чего в карету не ушла, как просил?

— Просите меня, — все еще ища глазами шута, сказала девушка. — Просто хотелось свежим воздухом подышать. Ведь еще несколько часов в карете трястись...

— Да уж, понимаю, — сменил гнев на милость Карл. — Я бы свою лошадку ни на какую карету не променял.

Он вручил ей корзину, полную дорожной еды — мяса, хлеба, вареных, все еще парящих картофелин. Леда посмотрела на него, и решила, что ничего не скажет. Только сейчас до нее дошло, что не стоило ей вообще с этим шутком разговаривать — он вполне мог оказаться шпионом. Однако что-то ей подсказывало, что это не так. Да и медальон на него странно отреагировал.

— Вот я ума не приложу, какого лешего Аластр на тебе вообще женился? — неожиданно спросил Карл. — Я ни разу не видел, чтобы он даже пальцем до тебя дотронулся, вечно на тебя огрызается. Вы с ним совсем уж разные. Ты мне скажи, только честно, он на тебя в жены взял только чтобы Марта вытащить?

— Видимо да, — просто пожалала плечами Леда, отщипывая хлеба от булки.

— Да уж, все эти браки по расчету, — фыркнул Карл, помахав рукой. — Никогда этого не понимал. Ну, в твоём-то случае ладна... меньшее из зол так сказать. А остальные? Герцоги, графы, бароны женятся специально на тех, что пострашнее, хотя сами тайком спят с симпатичными. А ведь вырождается из-за этого королевская кровь, детишки уродливые получаются.

— А зачем тогда женятся? — задала давно интересовавший её вопрос Леда.

— Да, многого же ты не знаешь, — грустно улыбнулся Карл, а потом полупшепотом добавил. — Королева у нас красивая. Этим все и сказано. Ладна, хватит болтать. Пора выдвигаться. Полезай в карету. Надо успеть хоть немного проехать, пока опять буран не начался.

И с этими словами он затолкал Леду карету, настороженно озираясь. Девушку это удивило. О леди Вере Арстейн она слышала множество разных слухов, и вот теперь это. Со всеми своими мыслями — о странном шуте, о королеве, о каком-то таинственном «том, что тебя греет», о коте, псе и вороне, она опустила на сидение и принялась кормить своих превратившихся в животных спутников.

В ту ночь жертвенница никак не могла уснуть. Она все пыталась выдворить из своей головы отяжелевшие за день мысли. Разумеется, больше всего ее занимали слова шута.

«Стала богиней, а не знаешь, что с этим делать, — повторяла девушка слова незнакомца. — То, что тебя греет».

Первое заявление объясняло, почему Март — который теперь уж точно не прикидывался — так и оставался котом. Бог не мог снять заклятье, видимо, из-за того, что его наложила Леда. Но сама жертвенница вовсе не хотела становиться богиней. С ужасом она подумала, что наверняка ей придется из-за этого сражаться с Январь! В голову закрадывалась паническая мысль — бежать. Если она богиня, то уж как-нибудь сможет скрыться. Беспокоило ее и другое. Если сила Марта теперь принадлежит ей, то почему же сам бог тоже может ей пользоваться?

«Одни вопросы и никаких ответов», — подумала девушка.

Если по поводу первого пункта разговора у Леды еще были какие-то догадки, то ко второму она не знала, как и подступиться. Сначала ей подумалось, что, может, это как-то связано с тем, что медальон нагревался, когда она нервничала. Она попыталась нагреть его об тепловую лампу, но тщетно. Он оставался холодным с тех самых пор, как она поговорила с шутком. Металл не принимал тепло. Тогда она решила попробовать иначе. Она припомнила, что медальон всегда нагревался в моменты, когда она особо нервничала или злилась. Тогда девушка начала припоминать все плохие вещи, что с ней случались. И вот тут ее ждал сюрприз.

Вместо гнева или страха ее обуяла гордость. Гордость за то, что она справилась со всем этим. Она помотала головой, пытаясь вернуться в русло плохих мыслей. Подумала об Аластре и том, как он порой плохо с ней поступал, но припомнила вдруг и хорошее. Попыталась разозлиться на заварившего эту кашу Марта, и опять не смогла — ведь он защищал ее. Попыталась припомнить убийство, которое совершил на ее глазах Карл, и опять осеклась — он просто делал свою работу, защищал их.

«Пес, кот и ворон, — подумала она. — Они очень разные, каждый делает свои дела. Но ведь они все здесь чтобы помочь друг другу. Почему же тогда они перессорились? Может, потому и перессорились, что разные? Мне ведь просто невыносимо смотреть, как они грызутся. Я просто хочу покоя».

— Послушайте, Март, Аластр, — позвала кота и ворона Леда. — Можете меня минутку послушать?

Ворон каркнул, хлопнул крыльями и повернул голову чуть набок. Кот приподнял голову, сонно взирая на Леду. Девушка вздохнула. Разговаривать с животными ей приходилось — с Мурыськой, например, она постоянно болтала. Но не на такие серьезные темы.

— В общем... — ощущая взгляд двух пар глаз, Леда поежилась. — Я бы хотела кое-что сказать. Вы делаете очень хорошее, но очень тяжелое дело. Сначала я думала, что вы, Аластр, делаете все это зря, но теперь понимаю — я ошибалась. Извините меня если что. Если у нас все получится, то в мире снова станет тепло и весело, может пустых домов поменьше станет... и еды будет больше...

Она замялась, не зная, как выразить то, что думает и чувствует. Освоившийся со своими крыльями Аластр неуклюже вспорхнул ей на колени. Посмотрел на нее своими черными маленькими глазками, утробно каркнул. Довольный Март вытянул лупу, лизнул ее, а потом, опомнившись, фыркнул. Собравшись с духом, Леда продолжила.

— Но если мы будем грызться друг с другом, то у нас ничего не выйдет. Я знаю, вы оба — очень важные персоны, но не могли бы вы немного... смирить свою гордость и помочь друг друга. Сейчас мы все примерно в одном и том же положении...

После этих слов она опустила голову. Внутри у нее было как-то пусто, грустно. Она сгребла Аластра, на минутку забыв, что он был некогда графом и ее мужем, прижала к себе и тяжело вздохнула. Март замурчал, и, плюнув на все предрассудки, принялся вылизывать свой хвост. Ворон дернулся в ее руках, вырвался, перелетел на сидение к коту и уставился на него с самым решительным видом. Отвлечшись от своего занятия, Март посмотрел на Аластра с интересом. Тот неуклюже оттопырил крыло, будто протягивая руку. Леда улыбнулась, так комично это выглядело. Лениво потянувшись, Март так же неуклюже тронул его крыло лапой. От этого молчаливого перемирия Леде полегчало. Сцена была ну очень глупая, но вселяла надежду, что они образумятся.

— Ладно, я спать, — сказала она, забираясь под шкуры. — Вот бы... вот бы когда я проснулась, вы снова были людьми. Мы бы добрались до замка, победили Январь и все такое прочее...

Эта мысль заставила ее улыбнуться. Мир без жестокой богини. Никаких жертвоприношений, страха, вечного холода, призраков и пустых домов. Поля полны крепких колосьев пшеницы, всюду цветы, летнее тепло. С этими думами она и уснула, мечтая о их счастливом будущем.

— Стоит ли у него останавливаться? Ему можно доверять?

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Герцог Лок Арстейн, брат прошлого короля, Вадгриму как второй отец. Если бы не его поддержка, то вряд ли бы мы зашли так далеко. Вадгрим ведь не может действовать открыто. А его светлость Лок готов пожертвовать всем ради избавления мира от Января.

— Что ж... хорошо. Но я бы все равно был осторожен. Все же... она проснулась?

Голова у Леды раскалывалась, а живот сводило так, будто она не ела несколько дней. С огромным трудом она разлепила глаза и, к своему удивлению и радости, увидела перед собой Марта и Аластра. Первый широко улыбался, шуря свои зеленые глазищи, второй озабоченно хмурился. Держась за затылок, который пульсировал болью, девушка с трудом села. Все мышцы у нее затекли, шея ломилась, а в правой ноге будто поселилась стая жужжащих, жалящих пчел. Такой разбитой она себя еще никогда не чувствовала.

— Доброе утро, — дружелюбно сказал ей Март. — Слава богу, ты пришла в себя. Первый осознанный раз девушкам, помниться, всегда тяжело давался.

— Что со мной? — простонала Леда.

— Ты проспала двое суток, — пояснил ей граф хмуро. — Мы уже начали бояться, что ты умрешь от голода.

— С ней бы все равно ничего не случилось, — пожал плечами Март. — Медальон не дал бы ей умереть, даже если бы она не ела и не пила две недели.

— Но я хочу есть, — потеряв глаза, в которых будто бы песка насыпали, сказала Леда. — И пить.

Аластр молча сунул ей корзину с едой и полную воды стеклянную бутылку. Жадно припав к горлышку, Леда жадно принялась пить. Опустошив стекляшку наполовину, она утерла рот и почувствовала себя гораздо лучше. Аластр и Март смотрели на нее очень и очень внимательно, правда, каждый со своим выражением. От этого жертвиннице стало как-то неудобно, но голод все же заставил ее сунуть в рот булку.

— В общем, я тебя поздравляю, — сказал Март. — Ты стала богиней.

Девушка подавилась. Задушено кашлянув, она постаралась проглотить побыстрее все то, что жевала и спросила очень и очень осторожно:

— А... можно ли как-то это отменить?

— Не знаю, — пожал плечами Март. — С этими медальонами вечные проблемы. Ноябрь предполагал, что они обладают собственной волей, пусть и непонятной нам, и сами решают, кого им выбрать. Всякое бывало. Порой они покидали богов и делали их простыми смертными. Порой они душили своих владельцев. Порой они просто тихо слетали с их шеи, позволяя их прошлым обладателям оставаться бессмертными и пользоваться их силой. Много чего с ними случалось.

— Подожди, но ведь в легендах об этом упоминаний не было, — нахмурился Аластр.

— Еще бы, дали бы мы об этом узнать летописцам, — фыркнул Март. — Представьте, какая бы началась суматоха. Мало ли людей, которые хотят получить нашу силу? Единственная магия, которая здесь возможна — это магия 12-ти.

— А как же алхимия? — еще больше нахмурился Аластр.

— Сожги все свои книжки, граф, — покачал головой Март. — В них сплошная самонадеянная лож. А то, что не лож относится не к магии, а к законам природы. Так что мой вам совет, не ищите больше способов превратить камень в золото и воду в вино. Но мы отвлеклись от темы.

Он повернулся к Леде и улыбнулся — осторожно, видно, понимая, что она растерянна.

— Все болит, да?

Девушка кивнула.

— Ничего... это только первый раз, — улыбнулся Март. — Второй будет легче, третий — еще легче, а потом ты будешь творить чудеса даже не задумываясь об этом. Махнешь рукой — и дождь пойдет. Махнешь другой — все расцветет. Поведешь головой — и поля взойдут. И будут о тебе говорить и там, и тут...

Улыбнувшись этому простенькому стишку, он глянул хитро на Аластра, потом на Леду и продолжал:

— В общем, теперь ты новый Март. А я честно сказать понятия не имею, что я теперь такое. То ли полубог, то ли человек, то ли еще какая-то неведома зверушка. Буду всем говорит — здравствуйте, я Рекка и я без понятия, кто я.

«Какой кошмар», — подумала про себя Леда, а потом осторожно глянула на своего мужа.

По лицу Аластра невозможно было понять, о чем он думает. Он был одновременно и хмурым, и задумчивым, и каким-то раздраженным. Поймав взгляд девушки граф невесело усмехнулся и сказал:

— Я извиняюсь.

Сначала Леда подумала, что ослышалась. Она уже хотела попросить его повторить, но потом решила, что это будет нетактично. Глянув на Марта, девушка получила кивок подтверждения — да, он действительно это сказал. Внутри у Леды все засветилось от радости и удовольствия. Она уже хотела сказать, что прощает его, но Аластр не дал ей и рта раскрыть.

— Мы почти добрались, — сказал он, переводя тему. — Через пару часов, если лошади не упадут от усталости, будем в замке герцога Лока Арстейна. Наконец-то можно будет переодеться. Впрочем, ты и так умудрилась найти себе хорошее платье.

От этого комплимента Леда порозовела. Слова графа можно было расценивать почти как комплимент.

— Пребывание в образе ворона явно пошло вам на пользу, Граф, — вклинился, весело улыбаясь Март. — Ведете себя как настоящий джентльмен.

— Заткнись, — огрызнулся Аластр. — Лучше бы ты котом остался.

И тут до Леды наконец дошло, что ее все это время отчаянно беспокоило. Они обращались друг к другу на «ты». Натянуто, перескакивая периодически на «вы», но все равно! Это открытие ее так потрясло, что она даже о еде ненадолго забыла.

— Карл рассказал нам, как ты того барона уделала, — похлопал Леду по плечу Март, за что удостоился недовольного взгляда графа. — Ну ты блин! А на вид такая тихоня.

— Вы что же это... подружились? — осторожно спросила Леда, проигнорировав похвалу.

— Нет, — буркнул граф.

— Но мы стараемся, да, парень? — дружелюбно глянул на него Март.

— Нет, мы не стараемся, — поморщился граф. — И не называй меня так. Почему некоторых людей хлебом не корми, дай как-нибудь мерзко обратиться к кому-нибудь? Парень, приятель, братан, красавица, граф. Неужели нельзя без этого?

— Не, нельзя, — заявил Март. — Мне так удобнее.

— Тогда я буду говорить тебе «ваша божественная светлость», — саркастически возвел глаза к потолку граф. — Посмотрим, как быстро тебе это надоест.

Леда улыбнулась. Слушая подтрунивания Марта и язвительные ответы Аластра, она принялась за корзину с едой. И жуя очередной кусочек сыра, она подумала, что в такой обстановке мир спасти куда как приятнее.

Часть 5. То, что греет. Глава 1

Замок герцога Лока оказался гораздо меньше, чем замок Аластра. Правда, теперь Леда уже знала причину и ничуть не удивилась. Стоял он, как и весь небольшой городок со звучным названием Куперт, на большом, видном издалека холме. Когда они подъезжали, метель уже начала утихать, и Леде удалось все хорошенько рассмотреть. Здесь было целых две крепостных стены и один длинный, скачущий по холмам поменьше частокол. За частоколом располагались деревянные, деревенского вида домики, из труб которых валил дым. Проехав пригород, карета нырнула в ворота первой крепостной стены. Прикинув, Леда решила, что толщина ее была бы сравнима с длинной тел двух лошадей, а может и больше. За ней оказалось нечто довольно странное.

Сначала Леда подумала, что они въехали в какой-то тоннель, освещенный чадящими факелами, однако потом, присмотревшись, в полутьме она увидела проносящиеся мимо фасады домов, открытые двери магазинов, торговцев и снующих по тротуарам людей.

— Видно, они натянули между крышами парусину, — удивленно отметил Аластр. — Гениально! Я бы до такого в жизни не додумался. Ну Лок, ну хитрец! Ведь так и улицы чистить не надо, и стужа не страшна! Интересно, как ему удалось закрепить ее так, чтобы она выдерживала снег?

— А ты глянь наверх, — мотнул головой Март. — Там сосульки. Ты только подумай, здесь же, под этой парусиной тепло. Снег подтаивает, а потом замерзает из-за холода снаружи. Наверняка над парусиной огромный слой льда. Да, этот ваш герцог молодец, до такого додуматься.

— Там так много нищих, — сказала Леда, взглядываясь в полутьму улиц. — Бедняги...

— Наверняка пришли из ближайших деревень, — пожал плечами Аластр. — Надо бы найти смелого гонца, который донесет эту идею до Ретео. Черт бы с ними с деньгами, только бы люди не перемерзли.

Сбивая крышей сосульки, карета какое-то время петляла по городу, пока не выехала наконец ко второй стене, вынырнув из городских коридоров. Здесь по сравнению улицами царило некоторое запустение. Краем глаза, когда карета повернула и поехала вдоль окружающего стену рва, Леда увидела, что по навесу из парусины бегают какие-то ребяташки. Они миновали храм богов — хмурое сооружение со шпильями, похожими по форме на колючки — и свернули к опущенному мосту. Несколько стражников в оранжевых форменных полушубках отсалютовали карете копиями.

Вторая стена оказалась еще толще первой — лошади в три, не меньше. Леду это немного озадачило. Безопасность безопасностью, но такая предосторожность казалась ей излишней. Она удивленно глянула на Аластра.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет-нет, — смутилась девушка. — Просто... они такие толстые...

— А ты не знаешь эту легенду? — удивился Март. — Эти стены построили осенние боги. Много лет назад его осадили варвары. Тогда еще замка толком не было, только поместье, кучка богатых домов и огромная деревня вокруг. Это было еще в те далекие времена, когда не пришел Добрый Король и не завоевал континент. Этот город был

столицей одного из небольших государств. Соседи решили разграбить местного богатого правителя, ну и... город уже тогда был обнесен очень добротным частоколом. Они оборонялись десять дней, и очень впечатлили своим упорством Октября. Он решил помочь им, и, призвав Сентябрь и Ноября, окружил городишко такой стеной, увидев которую соседи отступили. Если не ошибаюсь, он и назван-то в честь его тогдашнего правителя. Пока я был в пантеоне его так и не завоевали. Аластр, а потом? Никто не взял его приступом?

— До сих пор нет, — хитро прищурился граф. — Хотя я слышал, что здесь был мятеж еще при прошлом короле. Народ здесь свободолюбивый. Им не нравился местный герцог, род которого шел от сына Арстейна Кира. В общем, они выбрали лидера себе и организовали очень и очень страшный бунт. Пока люди на улицах бунтовали, подставные стражники увели герцога в темный подвал и там тихо спокойно убили. После чего бунтовщики попросили сюда кого-нибудь из истинных Арстейнов, из королевского рода. С тех пор Лок и правит.

— Так вот чего он такой изобретательный, — ухмыльнулся Март. — Бойтся повторения?

— Возможно и так, — прищурился граф. — А может он и организовал этот так называемый «Тихий бунт». Кто знает...

В пол уха слушая эту интересную историю, Леда рассматривала приближающийся замок, до которого от стены еще было довольно большое расстояние. Он походил на трухлявый пень, ошестинившийся вверх опятами башен. Круглые окна напоминали проеденные короедами дыры, а вокруг суетились кажущиеся крохотными издалика муравьишки солдат. Вокруг него располагались огромные метательные турели, вызвавшие у девушки неприятное чувство приближающейся войны. Будто этот город, этот замок, был всегда готов дать сдачи любому, кто додумался бы в него сунуться. Однако поразмыслив, она пришла к выводу, что от этого ей стало как-то спокойнее. За частоколом, двумя каменными стенами, доброй сотней турелей она наконец-то, впервые за долгое время ощутила себя в безопасности. Правда, ненадолго...

На огромном, высоком пороге, навес которого подпирали две стоящие на спинах горгулий колонны, путешественников уже ждали несколько стражников, высокий старик и мужчина неприятной наружности. К последнему Леда присмотрелась особенно тщательно. Она никак не могла понять, что ей в нем не нравится. Вроде самый обычный, непримечательный человек — короткие темные волосы, потрепанная, но дорогая одежда, стоптанные черные туфли, ничем не выделяющееся и ничего не выражающее лицо. Старик на его фоне казался личностью необычной, почти выдающейся. Он был высок, плечист, мускулист и поджар, держал спину ровно и смотрел гордо, почти царственно. На голове его не росло ни единого волоска, как и на квадратном мужественном лице.

Стоило Леде вслед за Аластром выйти из кареты, как старик распахнул объятия и переменялся, став вдруг исключительно дружелюбным здоровяком. Чем-то он вдруг напомнил Леде придворного начальника стражи графа — Горна. Но эта схожесть стерлась, стоило ему заговорить.

— Аластр, как давно ты не ступал на эту землю? — пожимая неожиданно тонкой рукой ладонь графа, сказал здоровяк.

— Кажется, будто целую вечность, — неожиданно дружелюбно отозвался Аластр. — Рад вас видеть, герцог. Более чем кого бы то ни было.

Март и Леда переглянулись. Графа будто подменили. С его лица сошла его вечная хмурая мина, и он вдруг стал каким-то рассеянным, разболтанным. Но удивительнее всего было то, что он улыбался. Пусть одними глазами, но зато искренне.

«Чудеса, — подумала Леда. — Может, после превращения в ворона он помутился рассудком?»

— Знакомьтесь, — повернувшись к жертвеннице, сказал Граф. — Моя жена Леда.

— Приятно, — учтиво кивнул девушке здоровяк. — Герцог Лок Арстейн к вашим услугам. Вижу, слухи о вашей красоте правдивы. А с вами...

— Рекка, — пояснил Аластр, кивнув на Марта. — Посол из-за океана. А с Карлом вы разумеется, знакомы.

— Мое почтение, — дурашливо поклонился Карл. — Рад созерцать вас без ножа в спине, герцог.

— Вашими стараниями, — хохотнул добродушно Лок, а потом кивнул на вход в замок. — Что ж, приглашаю вас в свою нескромную обитель, на нескромный обед. Кстати, Аластр, я задолжал вам денег, так что обед будет особенно нескромным.

— Мне? — удивился граф. — Простите, но я не помню, чтобы что-то вам одалживал...

— Все за столом, — махнул рукой герцог. — Прошу.

Аластр пожал плечами и подставил руку Леде. Та ухватила его за его локоть и позволила увлечь себя в теплый зал с выставленными в форме квадрата столами. Стены здесь состояли из черного камня, и, казалось, источали тепло. На потолке висело несколько кованых люстр, на полу пылились красные ковровые дорожки. Слуги, о чем-то переговаривавшиеся у камина, подняли глаза на гостей и тут же спешно удалились. В их взглядах Леда заметила какую-то странную тревогу. Она перевела взгляд на странного

человека, которого герцог так и не представил. Он последовал за ними словно тень, пытаясь не привлекать внимания, и его лицо снова совершенно ничего не выражало. Приметив, что Карл следит за незнакомцем очень пристально и настороженно, Леда напряглась. Улучив минутку, когда странный тип отвернулся, она приподнялась на цыпочки, спросила Аластра тихонько:

— А кто это?

— Не беспокойся, — сказал ей так же тихо граф. — Это местный начальник стражи.

— Почему же тогда Карл на него так смотрит? — удивилась девушка.

— А мы старые враги, — вклинился неожиданно сам охотник за разбойниками. — Чего шепчетесь-то? В этом нет никакого секрета, да, Георг?

Начальник стражи сделал вид, что ему все равно, лишь бровью неопределенно повел. На его лице Леда не обнаружила совершенно никакой эмоции, но почему-то по коже поползли мурашки. Его окружало какое-то странное, почти осязаемое ощущение опасности.

— Да, Георг не очень разговорчивый с тех пор, как мы с ним познакомились, — усмехнулся зло Карл. — Такая занятная история, я тебе как-нибудь расскажу ее, леди.

— Он немой, — пояснил Аластр.

Леда кивнула. Ей было интересно услышать историю, но она понимала — сейчас для этого не самое подходящее время. Да и ее больше занимала обстановка замка. Они миновали зал, и вошли в помещение совсем другого сорта. Стены здесь были ровно зашпаклеваны и окрашены в красный. Одну из них занимали четыре витража, повторяющее пейзаж за окном в разные времена года. На противоположной красовался огромный белоснежный горельеф, изображающий выступающее из стены на добрый метр дерево. С его ветвей свисали яблоки, внутри каждого из которых красовался небольшой овальный портрет. В центре же комнаты стоял круглый стол, окруженный резными стульями. Несколько слуг заканчивали расставлять на нем блюда.

И снова история повторилась. Стоило гостям войти в комнату, как слуги поспешили поскорее улетучиться. Конечно, насколько Леда знала, так было принято. Слуги испарялись при малейшем появлении хозяев дома и в их замке, но никто из них так пристально и испуганно не смотрел. Однако девушка не придала этому особого значения. Усевшись по левую руку от Аластра, она то и дело кидала заинтересованные взгляды на оказавшееся за спиной дерево. Видимо заметив это, герцог улыбнулся ей.

— Если хотите — пойдите, посмотрите, — сказал он покровительственно. — Там есть и портрет вашего мужа. Может, найдете еще каких-нибудь знакомых.

От такого предложения Леда просто не смогла отказаться. Взглядом попросив разрешения у Аластра и получив кивок одобрения, она поднялась и пошла к стене. Дерево уходило своими ветвями к самому потолку. Чем ниже, тем портреты становились меньше. На самом верху красовался овал с лицом представительного мужчины, чем-то похожего на графа Лока, только с копной темно-русых кудрей. Под его портретом Леда прочла витиеватую надпись «Удгр Добрый». Внимательные карие глаза Доброго Короля смотрели, казалось, прямо на Леду.

Ниже, приплетенные к его яблоку лозами, висели еще пять портретов. Очень похожий на отца Арстейн, черноволосый и чем-то напоминающий Аластра Инорих, рыжий узколицый Роре, беловолосый, божественно красивый Фредегост и совершенно некрасивый, горбоносый, с клочковатыми мышино-серыми волосами Тентерд. От них шло еще много плетей, сплетающихся иногда друг с другом, образующими связи. Сначала корона

расширялась, какое-то время оставалась неизменной, а потом начала сужаться. Некоторые фамилии пропадали. В самом же низу Леда увидел всего три знакомых лица. Одно из них принадлежало хозяину замка, второе — Аластру, а третье, к ее удивлению, барону Иллитрину Крону, у дочери которого она позаимствовала свое платье. Остальных двух знакомых ей баронов она найти не смогла, да и не помнила, чтобы кто-то называл их фамилию.

— ...переночуете, и поезжайте, — донесся до нее голос герцога Лока. — Я дам вам самых крепких моих лошадей.

— Что ж, как скажете, — отозвался Аластр. — Раз король так велел...

Вернувшись за стол, Леда как всегда оказалась не у дел. Есть она особо не хотела — все же только-только поела в карете — зато слушала с интересом. Она жалела о том, что пропустила такую важную часть разговора, которая касалась ее дальнейшей судьбы, но надеялась, что Аластр ей все расскажет после. Речь тем временем зашла о том, что творилось в городе.

— Как вы додумались развесить между крышами парусину? — спросил тем временем Аластр. — Всегда удивлялся вашей находчивости!

— Так ведь не я додумался, — улыбнулся герцог. — Увы, я бы гордился своим изобретением. Два дня назад ко мне прилетел гонец с письмом, в котором была высказана эта гениальная идея. Тот, кто прислал его, просил у меня за решение этой проблемы две вещи — парусину, ведь ее ткут в нашем славном городе, и разослать гонцов к прочей знати. И кстати, я действительно должен вам, Аластр. Ведь гонец был от вашего казначея.

— От Ретео? — удивился граф. — Не верю! Все, что умеет мой дурной приятель — считать деньги да ублажать девок.

— Ну, в письме значилось, что идею предложила его невеста, — развел руками герцог.

— Мир сошел с ума, — покачал головой Аластр. — Не мог бы я прочесть это письмо?

— Я знал, что вы заинтересуетесь, — сказал Лок, протягивая руку к своему начальнику охраны. — Там и для вас с вашей женой кое-что было. Георг, дай-ка мне конверт...

Хмурый тип порылся за пазухой и выудил оттуда толстенький конверт из коричневой бумаги. Лок забрал его и передал Аластру. Тот открыл, вытащил несколько листов бумаги, прочел. Лицо графа в процессе чтения постоянно менялось, и Леде стало до дрожи интересно, что же накатали Ретео. К ее удивлению, граф протянул один из листов бумаги ей. Подчерк у казначея оказался аккуратным, убористым, без лишних крючков и завитушек. Содержимое же заставило Леду улыбаться во весь рот:

«Привет, красавица!

Надеюсь, твой муженек не будет ревновать тебя ко мне из-за того, что я написал тебе письмо. На самом деле оно не от меня, а от твоих друзей из деревни. Твоя соседка Латена просила передать тебе привет и сказать, что очень завидует тебе. У ее семьи все отлично, а она сама ждет еще одного ребенка. Так же просила пожелать тебе удачи твоя подруга Аника. На самом деле я хотел бы попросить у тебя в каком-то смысле разрешения и поблагодарить, что познакомила меня с этой прекрасной особой. Она уже неделю живет в замке. Идею с парусиной придумала именно она. Вроде такая тихая мечтательница, а порой ей в голову приходят на удивление оригинальные мысли.

Вроде все написал.

Удачи в вашем путешествии. Ретео.

P.S. Ах да, твоя кошка в полном порядке. Когда ты уехала, она долго ходила по замку и

искала тебя, но сейчас уже успокоилась. Она тоже передает тебе привет».

Ниже этой записи стоял чернильный отпечаток кошачьей лапы. Леда, испытывая ни с чем несравнимую радость, прижала письмо к груди и посмотрела на задумчивого Аластра. Вывел ее из равновесия Герцог Лок:

— Леди, я хотел бы вас кое о чем попросить.

— О чем же? — удивилась она.

— Сегодня ночью закройте дверь на засов и никому не открывайте — ни своему, ни чужому, — сказал герцог улыбнувшись. — Ничего особенного, не волнуйтесь, просто у нас есть тут одно хитрое привидение, которое любит потешаться над гостями.

— Хорошо, — озадаченно кивнула Леда. — Я так и сделаю.

Комнату жертвеннице выделили странную. Обстановка казалась совершенно нормальной — кровать из темного дерева с тяжелым пыльным балдахином, пара кресел, столик, трюмо с оставленным на нем гребнем, тазик с теплой водой на табуретке, большой платяной шкаф. Вот только в ней отсутствовали окна, а на массивной деревянной двери красовался просто ужасающих размеров засов. Камина так же не имелось, однако было тепло. Под потолком в углу Леда заметила решетку вентиляции с очень толстыми прутьями. Если бы засов был не изнутри, а снаружи, комната сошла бы за очень удобную тюремную камеру.

Герцог, лично проводивший гостей по комнатам, что тоже показалось девушке странным, предупредил, что не может дать ей служанок вечером, но обещал прислать кого-нибудь утром. Все это настораживало, но Леда как могла гнала от себя плохие мысли. Кое-как расшнуровав корсет, девушка разделась, умылась и влезла под одеяло. Так как в комнате оказалось как-то даже чрезмерно тепло, она сняла и панталоны, оставшись в одной доходящей ей до середины бедра сорочке. Сон быстро забрал ее, не дав даже поразмышлять о том положении, в котором она оказалась. Однако поспать ей не дали.

— Эй, сестричка, проснись... сестричка!

Сначала девушке показалось, что этот голос ей снится. Но неизвестный не унимался.

— Сестричка, ну проснись же!

Сонно приоткрыв глаза, Леда испуганно взвизгнула. Над ней склонилась ужасная морда какого-то неведомого зверя. Маленькую голову со свиными ушами украшал длинный клюв аиста и два безумных вытаращенных глаза. Морда звонко захихикала девичьим голосом, что чуть отрезвило жертвеницу. Чуть присмотревшись, она поняла, что на нее смотрит маска. Причем совершенно прозрачная, как и ее обладательница. Ниже маски шла тощая детская шея и нежная сорочка с оборкой по вырезу и рукавам.

«Призрак, — удивилась Леда. — Разумный».

— Ты бы видела свое лицо, сестричка! — сказала прозрачная девчушка, все еще фыркая от смеха. — А ты смешная! Как тебя зовут?

— Леда, — ошарашено пялясь на столь редкое явление, проговорила жертвенница. — А ты?

— А я Василиса, — сказала девчушка, снимая маску. — Поиграй со мной, пожалуйста! Мне так скучно! Никто не хочет со мной дружить из-за того, что я умерла.

Под маской оказалось симпатичное личико сердечком с по-детски пухлыми щечками и чуть всклокоченными черными волосами. Это Леду удивило еще больше. Раньше она не видела детей жертвенниц, ну, кроме себя в зеркале. А с разумным призраком вообще встречалась впервые. Латена как-то рассказывала, что такие есть, и Леда тогда пожалела, что ее родители не остались в своем уме. С другой стороны девушка до сих пор думала, что разумные призраки — всего лишь придуманная подружкой байка.

— Ты что, язык проглотила? — спросила Василиса, повернув голову набок. — Или ты меня боишься? Ну так я не страшная! Я даже за косу тебя дернуть не могу. Смотри!

И она махнула рукой. Прозрачное запястье прошло через шею Леды, обдав кожу

неприятным холодком. Девушка вдруг припомнила, что герцог что-то говорил о привидении и успокоилась. Ей подумалось, что в этом замке все комнаты могут быть с такими засовами, и она зря испугалась.

— Нет-нет, я тебя не боюсь, — улыбнулась она девочке. — Просто удивилась. Может, дашь мне поспать? Мне завтра рано вставать...

— Ну поиграй со мной, жалко тебе что ли! — взмолилась девочка. — Хотя бы немножко!

— Пожалуй, даже немножко не получится, — зевнула Леда. — Прости.

— Тогда я буду громко кричать! — вскочив своими босыми прозрачными ножками на постель, сказала Василиса. — И не дам тебе спать до утра!

— Не надо, — тяжело вздохнула Леда. — Ну пойми же ты, я очень хочу спать. Это ты живешь ночью, а я предпочитаю день...

Не дослушав Леду, девчушка разразилась громким, истошным воплем. Жертвенница зажала уши. От визга призрака ей показалось, что она вот-вот оглохнет. Перекрывая крик ночной гостьи, в дверь кто-то громко забарабанил. Девочка замолчала и вместе с жертвенницей уставилась на дергающуюся дверную ручку.

— Леда, у тебя там все в порядке? — раздался голос Марта. — Открой, Леда!

— Все хорошо, — вскочив со своего места, девушка кинулась к двери.

Совершенно забыв предостережение герцога, девушка открыла дверь, и только тогда сообразила, что она предстала перед молодым человеком в одной лишь сорочке на голое тело. Даже в темноте было заметно, что щеки Марта покраснели. Снова взвизгнув, Леда закрыла дверь. Залившись ехидным хихиканьем, Вероника заявила:

— Леди опозорилась.

— Молчи уже, это все из-за тебя, — борясь со смущением, сказала ей жертвенница.

— Прости, я ничего не увидел, — донеслось из-за двери.

— Подожди, я сейчас оденусь, — сказала ему Леда.

— У тебя там все хорошо? — осведомился бог. — С кем ты разговаривала?

— С призраком, — крикнула жертвенница, хватаясь с свои панталоны и быстро их натягивая.

— С призраком? — удивился Март. — С каким таким призраком?

Хихикнув, Василиса побежала, не издавая звуков, к двери. Она прошла прямо сквозь нее, и Леда готова была поклясться, что слышала, как Март удивленно ойкнул. Пока она натягивала свое платье — прямо на сорочку, без корсета и кринолина — Март и призрачная девчушка невнятно переругивались в коридоре. Открыв дверь, Леда увидела, что Василиса дразнит бога, показывая ему язык.

— А вот и не скажу! — заявила она.

— А я все равно все узнаю, — хитро улыбнулся ей Март. — Он сам нам все расскажет завтра.

— А вот и не расскажет, это секрет! — издевалась девчушка. — Может папенька ему даже вашему другу не расскажет! Наверняка не расскажет!

— О чем это вы? — спросила Леда.

— Она говорит, что есть какая-то тайна, о которой мы не знаем, — пожал плечами Март. — Я понятия не имею, о чем она.

— Да врет скорее всего, — махнула Леда рукой. — Она же призрак. Ее даже выпороть, если что, не получится. Вот и ведет себя плохо.

— Бу, ты противная, сестренка! — надулась Василиса. — Но я не вру! Действительно есть секрет. Но я вам его не расскажу, пока вы со мной не поиграете. Ну пожаааалуйста!

— Вот видишь, — кивнула Марту девушка. — Она просто играть хочет. Это она визжала и не давала мне спать.

— Я буду еще визжать, если вы со мной не поиграете! — хитро улыбнулась девчушка, скрестив руки на груди. — Считаю до трех.... Раз...

— О одиннадцать, только не опять, — зажала руками уши Леда.

— Почему одиннадцать, ты Январь в расчет не берешь? — некстати заинтересовался Март.

— Два, — угрожающе проговорила девочка.

— Нет, вообще то не считают тебя, — брякнула Леда.

— Как не считают меня?! — поразился бог. — Правда? Но это же глупо! Я же есть!

— Один, — продолжала свой счет маленькая негодница.

— Тебя семьсот лет не видели, вот и перестали считать, — коряво пояснила Леда.

— Но ведь других богов тоже семьсот лет не видели, так почему не считают только меня?

— Потому что...

Договорить Леда не успела. Малявка разразилась таким громким, таким пронзительным криком, что они с Мартом снова зажали уши. Сначала жертвенница думала переждать, но потом поняла — Василисе воздух не нужен, следовательно, она могла запросто надрываться хоть до утра. Первым не выдержал Март.

— Хорошо, хорошо, я поиграю с тобой, только перестань кричать!

Тут же замолчав, Василиса зубасто улыбнулась. Леда утерла со лба пот и улыбнулась:

— Ну ладно, раз вы договорились, то я, пожалуй, пойду...

— Нет уж, ты тоже будешь играть, — сказала девчушка.

— Ну пожалуйста, нет, — взмолилась Леда. — Я устала и спать хочу...

Маленькая вымогательница опять разразилась криком, и жертвеннице пришлось сдаться. Василиса, ужасно довольная тем, что заполучила аж двух людей для игр, заявила:

— В общем, играть будем в прятки-догонялки. Я буду убегать и прятаться, а вы меня искать. Как только найдете и коснетесь — игра закончится. Если будете плохо искать — я буду визжать и пожалуюсь папе!

— Но как мы до тебя дотронемся, ты же призрак, — вздохнула Леда.

— Просто пройдите сквозь меня и все, — пожалала девочка своими маленькими плечиками. — А теперь отвернитесь и считайте до десяти.

Тяжело вздохнув, пленники маленького капризного призрака повиновались. Считал Март. Когда они повернулись, Василисы уже не было.

— Ну и где ее искать? — раздраженно спросил Март. — И много у вас тут таких призраков?

— Таких почти нет, — сказала Леда, широко зевая. — А вот обычных много.

— Обычных? — удивился Март.

— А тебе Аластр не рассказывал? — удивилась Леда. — Ну ладна... тогда расскажу я...

Сначала Леда и Март хотели разойтись по комнатам, решив, что девчушка не скоро их хватится. Они так и сделали, после чего получили еще порцию оглушающего, неизвестно откуда исходящего крика. После этого им пришлось покинуть свои комнаты и начать бродить в потемках по замку. Март хмурился, да и Леду терзало какое-то неприятное предчувствие. Они дошли до конца коридора, и вот там жертвеннице улыбнулась удача. За окном во дворе, среди метели, она увидела призрачный силуэт, нырнувший за какую-то неясную в ночной тьме постройку.

— Знаешь что, — сказал Март. — Это не так уж и плохо.

— Что именно? — удивилась девушка.

— Ну, то, что здесь так много призраков, — хмыкнул бог. — Это может значить, что Январь потеряла свою силу хотя бы частично. Хотя... вряд ли. Метель же она вызывает. Странно все это как-то на самом деле. Очень странно. Если она владеет силами, то почему не отпускает души в загробный мир?

— Не знаю, — пожалала плечами Леда. — А она должна?

— Должна, это ее прямая обязанность! — нахмурился Март. — Все зимние боги должны это делать. Весенние селят жизнь в тела людей, летние дают ей развиваться, осенние пожинают плоды, а зимние — провожают мертвецов за холодные ворота.

— Это все так сложно, — вздохнула девушка. — Поверить не могу, что я теперь обладаю такой силой...

— В этом нет ничего сложного, — улыбнулся ей Март. — Я буду рядом и научу тебя, как ей пользоваться. Ты быстро освоишься, ты смышленная. Быстро ведь сообразила, как нас с Аластром расколдовать.

— На самом деле мне помогли.

И Леда, чувствуя, что ее не поругают, рассказала Марту о странном шуте. Тот потер подбородок и крепко задумался. В молчании они добрались до лестницы и принялись спускаться вниз, надеясь найти выход во двор. Леда уже и не ждала от него ответа, когда он заявил:

— Возможно, это был кто-то из полубогов.

— А их много? — заинтересовалась жертвенница.

— Не очень, — хмыкнул Март. — Может, около двух десятков. Однако шутов я среди них не помню.

— Неужели боги так часто менялись? — удивилась Леда.

— Да, увы, — грустно улыбнулся Март. — Мало кто выдержал бессмертие. Когда тебе исполняется уже третья сотня и ты понимаешь, что умерли внуки твоих внуков, то начинаешь невольно сходить с ума. Кто-то переживал это и менялся, но большинство сдавалось на полпути. Из изначальных двенадцати осталось-то всего трое — я, Январь да олух Февраль. И то последний не скучал не по кому лишь по той причине, что у него родни не было и он много пил. Я не сломался, наверное, потому что привык во всем искать плюсы, ну а Январь... мне кажется, она просто больше всех гордилась тем, что стала богиней. Ей это представлялось великой честью.

— Разве это не великая честь? — улыбнулась Леда.

— Неа, — ответил ей такой же доброй улыбкой Март. — Это какая же работа, как и работа плотника или короля. Только работаешь ты раз в месяц и ответственности на тебе висит побольше. Но знаешь, как по мне — это самая веселая и самая замечательная работа на свете. Особенно моя. Пусть март — самый грязный, самый холодный из весенних месяцев, но зато он самый важный. Первое тепло будоражит кровь людей, толкая их на безумные поступки. Да, я буду скучать по этому...

Он погрузился, глянув на висящий на шее Леды медальон. В молчании они шли какое-то время, ища дверь на улицу. Леде стало грустно. Она не хотела быть богиней и с удовольствием отдала бы медальон Марту, если бы только могла его снять. Поначалу бог казался ей зазнавшимся и злым, но сегодня она неожиданно увидела его с другой стороны.

— Знаешь, с тобой легко, — решившись, сказала Леда. — Прости, что превратила тебя в кота.

— И ты меня извини, — улыбнулся ей Март. — Я был на взводе из-за всего этого, да и... заносит меня иногда. Мне не стоило лезть в ваши дела. Просто... знаешь...

Бог отвел взгляд и как-то смутился, видно собираясь сказать что-то, но тут они услышали доносящийся издали отрывистый голос Аластра. Он был еле различим в ночной тишине, но все равно упрямо пробивался сквозь стены, как вода пробивается сквозь породу.

— ...уехать... буран... опасно!

Леда прислушалась, Март тоже насторожил уши, забыв о том, что хотел сказать. Не сговариваясь, они пошли на звук и вскоре оказались у толстой дубовой двери, под которой пробивались лучики света. Из-за нее доносились голоса Аластра и герцога. И они ругались. Прислонившись к двери ухом, Леда замерла, слушая.

— ...не могу вас здесь оставить! — громко сказал герцог. — Здесь небезопасно для вас! Особенно для Леды.

— Еще опаснее ехать в замок! — ответил возмущенно Аластр. — О чем только Вадгрим думает.

— Я тебе сотый раз повторяю, леди Арстейн...

— Да она может просто симулировать! — выкрикнул Аластр.

— Но зачем?

— Вы лучше меня знаете, как мастерски она плетет интриги. Вся эта афера с покушением на нее может запросто оказаться ее рук делом, чтобы отвлечь внимание и заманить нас в замок! Я не поеду...

— Аластр, успокойся, — перебил его Лок. — Не забывай, что Вадгрим — твой король, и тебе придется подчиниться его приказу.

— Знаю... — сказал граф уже тише, с тяжелым вздохом. — Однако помяните мое слово, добром это не кончится.

— Но с вами же Март? Что вообще может случиться? Мы уже обсуждали это.

— Март... — буркнул граф. — Март без сил, они все у Леды... что с этим делать, ума не приложу.

— Кстати что ты вообще по поводу всего этого думаешь? Она справится? Все же она такая хрупкая...

Леда напряглась, сердце у нее подпрыгнуло. Какое-то время граф молчал.

— Не знаю, — ответил он. — Я понятия не имею, что из этого получится. Она добрая и вроде не глупая... не знаю... может из нее и хорошая богиня получится, но пока она ничего

не умеет. И я не уверен до конца, на нашей ли она стороне. Мало ли...

— Ты слишком много думаешь, — ответил ему герцог. — Брось искать убийцу с ножом в каждой тени.

— Если бы я их там не искал, то давно был бы мертв, — фыркнул граф. — Только благодаря моей бдительности несколько таких ребят вовремя отправились на плаху...

Дальше Леда не слушала. Она отошла от двери, ощущая себя обманутой. А она еще глупая, помощь свою предлагала. Новость о том, что граф видит в ней шпионку казалась даже какой-то смешной. Леде показалось, что ничего более абсурдного она еще никогда не слышала.

«Что он вообще за человек такой? — подумала она. — Сначала говорит — я хотел бы, чтобы ты боролась со мной вместе, потом говорит, чтобы я не помогала ему. Сначала открывает все свои тайные дела, а потом выясняется, что он не доверяет мне. И после этого мужчины еще называют женщин переменчивыми? Да он хуже маятника».

Она не сразу заметила, что Март все еще слушает и хмурится. Только через пару минут, когда Леда немного успокоилась, бог наконец отлип от нее и повернулся к своей подруге по несчастью.

— Пошли, — буркнул он. — Нам здесь больше нечего делать.

Они прошли немного по коридору, но нужную дверь, ведущую во двор, нашли только в небольшом закутке в самом конце. Март молча, с трудом отодвинул засов. В открытую дверь ворвалась, завывая, метель. Снежная крошка, больше похожая на град, больно обдала Леде лицо.

— Побудь здесь, — заслоняясь рукой от ветра, попросил Март. — Я сам ее поймаю.

— Нет уж, — заупрямилась Леда, хотя снаружи было очень холодно. — Давай вместе. Будет больше шансов.

— Ну хорошо, сама смотри, — буркнул он, и осторожно ступил в темноту.

Леда последовала за ним. Стуча зубами от холода, она задрала голову. Казалось, снежная крошка падает изниоткуда, из чернильно-черной пустоты, из темной пасти огромного злого чудовища. И тут Леде в голову пришла вдруг идея, о которой она раньше не думала.

— Послушай, Март, — позвала она.

Парень обернулся и округлил глаза:

— Лучше Рекка, а то вдруг кто услышит, — попросил он.

— Ладно, хорошо, — отмахнулась она. — Я тут вот о чем подумала! Эту бурую ведь вызывает Январь, так?

— Так, — согласился Март. — А что?

— А я могу как-то так сделать, чтобы она прекратилась? — спросила девушка. — Или то, что наложено другими богами, я снять не смогу?

— Можешь, — обрадовался Март. — А что, хорошая идея! Давай попробуем!

— Ну вы и скучные, — вдруг из-за сарая показалась девочка. — Мне надоело вас ждать! Я буду кричать!

— А с ней я что-нибудь сделать могу? — спросила, уперев руки в боки Леда.

— Думаю да, ты можешь просто напосто заставить ее уйти, — пожал плечами Март.

— А что ты молчал тогда?! — удивилась Леда.

— Так ведь ты же не хотела богиней становиться, вот я и подумал, что и предлагать не стоит... — замялся он. — Но теперь я понимаю, что из тебя и правда выйдет неплохая

богиня. Я... можно сказать неплохо разбираюсь в людях. Хоть чему-то научился за годы бессмертной жизни.

— Я нажалуюсь на вас папе! — сообщила девочка, видимо поверив в угрозу Леды.

— Жалуйся, — парировала жертвенница. — И тогда я не пущу тебя за страшные ворота.

Будешь вечно жить в этом замке.

— Ты плохая, злая и жестокая, — скуксилась девчушка, а потом повернулась к ним с Мартом спиной. — Ну и ладна. Пойду, поиграю с кем-нибудь еще.

И с этими словами она оставила ребят одних, и, гордо вскинув призрачный носик, удалилась.

Леда стояла посреди двора, трясаясь от холода, и ощущала себя как-то глупо. Инструкция Марта на счет прекращения метели оказалась простой и сложной одновременно. На самом деле Леда надеялась, что она будет проводить какой-нибудь ритуал. Читать заклинания там, совершать особые движения, пасы руками. Однако реальная магия оказалась куда как сложнее.

— В общем, начнем со сложного, — сказал Март, когда они отогревались в коридоре замка. — Объясню тебе так же, как мне объяснял творец. У магии нет, не было и не будет никогда никакой формы. Она — просто энергия, которая пронизывает мир. Обычный человек привлечь к себе эту энергию и использовать не может. И вот тут нам на помощь приходит медальон. С ним тебе не нужно заботиться о сборе этой самой невидимой силы — он сделает все за тебя. Тебе только остается понять, как именно ей пользоваться. Никаких заклинаний, никаких ритуалов нет.

— Но ты ведь пару раз выкрикивал какие-то слова? — удивилась Леда. — Я думала...

— Ну... — Март глупо улыбнулся. — На самом деле это были старинные ругательства. Однако ты не первая, кто приняла их за заклинания. Просто я был зол в те два раза, вот и... вырвалось.

— А руку ты зачем протягивал? — улыбнувшись этому глупому недоразумению, спросила Леда.

— Мне так удобнее, — пожал плечами Март. — У каждого из знакомых мне богов были какие-то свои оригинальные способы управления собственной силой. Как-то я подшутил над одним, сказав, что чтобы колдовать ему нужно обращаться со всеми почестями к высшему творце. Ты бы видела это зрелище! Он обрядился в одежды жреца и каждый раз, когда колдовал, размахивал огромным скипетром и пел молитвы собственного сочинения небу.

— Подожди, ты не о Августе-ли? — удивилась Леда. — По крайней мере в легендах о нем рассказывалось именно так.

— Да, но это был второй... или третий, — хмыкнул Март. — Однако в историю вошел именно он. — В общем-то, он и по сей день на этой должности. Мы ему, правда, потом рассказали правду, но он так привык, что без песнопений и скипетра колдовать не может. Ну, мы и пустили в народ слух, что он некогда был магом. Кто бы знал, что люди решат, будто они и сами могут колдовать...

— Так как же мне прекратить метель? — спросила его Леда, понимая, что они очень далеко ушли от темы.

— Захотеть, — пожал плечами Март. — У каждого это как-то по-своему происходит, так что в этом я тебе не советчик. Ты должна понять, что ты теперь можешь если не все, то очень и очень многое, и сама научиться желать так, чтобы желания тут же исполнялись.

На самом деле Леда очень мало что поняла из его пояснений. Они казались ей бессмыслицей. Просто захотеть? Но разве она не хотела много чего за это путешествие? Почему тогда желания не исполнялись как по мановению волшебной палочки? Однако уже стоя посреди двора и пытаясь собраться с мыслями, Леда поняла — желать-то она может быть и желала, да только не так.

«Наверное, это как размышления и приказы, — подумалось ей. — Раньше я просто размышляла: как бы было бы хорошо, если бы вот это вот случилось бы. А нужно, наверное, приказать. Причем зная, что мир подчиниться».

Размышляя так, она раскинула руки и начала раз за разом просить снег перестать идти. Однако уже через несколько минут она поняла, что просто напросто не может сказать это с полным осознанием того, что снег действительно прекратится. У девушки в голове не укладывалось, с чего это небо должно ей подчиняться. И как бы она не уговаривала себя, что она богиня, что она может все, внутри все равно оставалась какая-то маленькая частичка, шепчущая «ты не сможешь, ты не достойна, лучше бы богом остался Март».

— Нет, у меня не выйдет, — опустила в конце концов руки Леда.

— Но ты делала это уже дважды, подучится и в третий, — сказал Март ободряюще. — Пойдем, погреемся и попробуем еще раз. Может тогда... подожди, что это там?

Он ткнул пальцем в сторону крепостной стены, от которой их отделяли ряды турелей. Там, за снегом, виднелись какие-то теплые светящиеся огоньки. Сначала их было всего два, но с каждой минутой к ним прибавлялись все новые, и вот уже в сторону замка плыла целая процессия огоньков, похожая на огненную нитку. Леде вдруг вспомнился рассказ Аластра о тихом восстании и слова герцога о том, что им не безопасно здесь оставаться.

— Речка, пойдем быстрее в замок, — тихо попросила Леда.

Молча развернувшись, они поспешили к двери, однако здесь их ждал неприятный сюрприз. Вход в замок оказался заперт изнутри. Март опомнился чуть быстрее Леды. Схватив ее за руку, он потянул девушку вдоль стены в поисках другого входа. Они побежали вдоль ровной каменной кладки, утопая в снегу чуть ли не по колено. Стоило им завернуть за угол, как все стало еще хуже. Огни теперь были повсюду, они смыкались вокруг них в кольцо.

— Ох и попали же мы с тобой, — пробормотал Март. — Что же делать...

Он задрал голову и вдруг охнул.

— Смотри, — ткнул он пальцем вверх. — Не знаю, кому в голову пришла такая глупая мысль — открыть в буран окно — но я благодарен этому чудаку. Я подсажу тебя. Держись.

Чувствуя какой-то подвох, Леда влезла на плечи присевшего в снегу Марта. Тот выпрямился — осторожно, медленно. Перебирая руками по стене, Леда добралась до подоконника и ухватилась за него. Понимая, что она не подтянется, Март взял за ее лодыжки и толкнул вверх. Девушка согнула руки и легла грудью на подоконник. Легла и застыла в удивлении.

На нее смотрели слуги. Одного из них она днем видела — он накрывал на стол. Взгляды их были хмурыми, чуть напуганными. Откинув первый испуг, девушка попросила:

— Пожалуйста, помогите мне!

Слуги переглянулись. Не дожидаясь, пока кто-нибудь подаст ей руку, девушка принялась забираться в комнату, болтая ногами в воздухе. Один из слуг подошел к ней, и она с улыбкой протянула ему ладонь.

— Я знала, что вы... — начала она, ощущая невероятную благодарность, но договорить не успела.

Незнакомец, чьи черты было практически невозможно разглядеть в полутьме, с силой толкнул ее, от чего Леда вывалилась из окна и полетела в сугроб. Не разу в жизни — ни до, ни после этого — она не испытывала такого ужаса.

Девушка даже не ушиблась толком, только дух из нее вышибло, и какое-то время она никак не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Снег смягчил падение. Она провалилась в него довольно глубоко, и метель тут же остервенело принялась ее закапывать, будто пытаясь похоронить заживо. В чувства девушку привел голос Марта:

— Что вам от нас нужно? Зачем вы пришли?

— Мы хотим принести в жертву ту, из-за которой разгневалась Январь, — еле различимо в ночной тишине раздался мужской голос. — Прочь с дороги, посол, и мы не причиним вам зла.

Приподнявшись, Леда увидела людей с масляными лампами. Их были сотни. Казалось, весь город пришел на королевский двор. Чуть выступая из толпы, рядом с Мартом стоял высокий жрец в синих одеждах. У Леды подпрыгнуло сердце от страха. Она вспомнила, как в прошлый раз за ней приехал дилижанс. Из тела будто ушла вся сила, накатилась знакомая по прошлому разу обреченность. Будто она умерла. Перед глазами все поплыло.

«Ты так долго бегала от них, — подумала она. — Но они все равно тебя настигли. Может, это и к лучшему? Когда ты умрешь, Март сможет забрать медальон и они избавят мир от Января. Ты же оказалась здесь случайно. Ты лишняя. Обуза».

— Только через мой труп! — выкрикнул Март, заслоняя Леду.

— Ваша светлость, две жертвы лучше одной! — выкрикнул кто-то. — Давайте и его на алтарь.

— На алтарь! — загомонил толпа. — На алтарь!

— Что ж, — сказал жрец. — Возможно, вы правы. Ведь пособник еретика и сам еретик. Отдадим же этих свернувших не туда на своем пути детей богине, пусть сама накажет их за их провинности.

Леда закрыла глаза. Ее подхватили под руки и потащили куда-то. Она же сама ощущала себя безвольной куклой, которую решил для забавы выпотрошить не слишком умный ребенок. Март явно сопротивлялся. У нее из-за спины доносились крики жрецов, но, в конце концов, они сменились непонятной тарабарщиной. Март явно очень громко отчитывал жрецов на своем умершем, давно забытом наречии.

— Ишь ты, колдун, — сказал кто-то из жрецов, тащивших Леду. — Как бы не проклял нас всех.

— Да он пугает просто, — отозвался второй. — Хитрый, сукин сын.

— Леда, сопротивляйся! — донеслось до ушей девушки. — Ты ведь можешь! Леда!

Но жертвенница будто и не слышала этих криков. Ее мысли, как сумасшедшие, прокручивали в голове события последнего месяца. Театр ее памяти раз за разом показывал ей, как бесполезные были ее попытки сбежать от судьбы. Все ее победы казались ей теперь глупостью, ничего путного она сама не сделала. Слова же Аластра о том, как она им всем мешает, вдруг приобрели смысл.

Она открыла глаза только тогда, когда неожиданно оказалась в тепле. Март что-то кричал ей, звал по имени, но она лишь осматривалась. В храме пылали сотни свечей, чадя и чихая. Особенно много их было у алтаря — большого, белоснежного ложа из мрамора,

застеленного голубой тканью. Кто-то поднял Леду на руки и уложил на спину. Перед глазами девушки оказался разрисованный фресками купол храма. Изображения были такими старыми, что кое-где потерлись, однако одна деталь привела Леду в чувства. Богов было 13.

В центре купола, в центре изображения сияющего солнца, красовался силуэт истинного творца. Его лицо облупилось, глаза стерлись, но одну вещь Леде удалось различить. На одной щеке его красовался голубой месяц, на другой — оранжевое солнце.

«Где-то я уже это видела, — подумала Леда. — Но где?»

И тут она все вспомнила. Шут. Но быть такого не могло, чтобы сам творец вернулся, да еще и пришел учить ее. От одной этой мысли Леда очнулась. Ощущение было такое, будто она вынырнула из под воды. Она услышала жуткий галдеж, топот, крики Марта. Множество рук держали ее, множество глаз следило за тем, чтобы она даже шевельнуться не смела.

«Это не может так просто закончиться, — подумала она с отчаянием. — Глупая жизнь какая-то вышла. Была замужем, но даже ни разу не целовалась толком. Была графиней, но не участвовала ни в одном балу. Была богиней, но ни одного путного чуда не сотворила. И Марта из-за меня могут убить. Бесполезно я как-то умру. Вот бы напоследок хоть что-нибудь путное сделать».

В ту секунду ей показалось, что боги на потолке улыбнулись ей. Списав это на расшалившиеся нервы, девушка перевела взгляд на уже подходящего к ней с ножом жреца. Леда закрыла глаза и попыталась улыбнуться. Ей было страшно, горько, однако внутри росло какое-то странное тепло.

«Вот бы случилось чудо, — подумала она. — Тогда бы моя смерть хотя бы не была бесполезной».

И тут раздался чей-то удивленный вскрик:

— Смотрите!

Открыв глаза, девушка увидела нечто невероятное. С потолка на алтарь падали, словно снежинки, золотые невесомые искорки. Они осветили весь храм, и Леда вдруг увидела не темные силуэты, а людей. Истощенных, уставших, но удивленных и счастливых. Какая-то женщина, державшая вилы, вытянула руку и золотистая искорка коснулась ее первой. Она улыбнулась, как-то вдруг преобразившись.

— Люди, да что же мы делаем! — закричала она.

К ее голосу раз от раза прибавлялись все новые и новые выкрики. Леду отпустили, и Март тут же подбежал к ней. Лицо у него было взволнованное, испуганное.

— Ты цела? — спросил он. — С тобой все в порядке?

— Вроде да, — удивилась Леда, которой золотистая пушинка села на нос. — Это что, я сделала?

— Ну а кто же еще!? — радостно улыбнулся Март, помогая ей подняться. — Ты молодец! Ты только посмотри на них! Эти люди — счастливы!

Леда огляделась. Жители города, казалось, светились. Никто из них никогда такого не видел. Она задрала голову и увидела, что фреска на куполе изменилась. Изображение высшего творца в центре исчезло, и вместо него теперь там сияло рыжее, яркое солнце, от которого отходили двенадцать лучей. В каждом из них находился силуэт бога. Замазанный до этого Март тоже появился, однако на его месте теперь был другой силуэт. Ее.

Под удивленным взглядом Марта, Леда встала. Мокрая от стаявшего снега, она, наверное, представляла из себя жалкое зрелище, однако внутри у нее пылал огонь.

«То, что меня греет, — подумала она. — Моя уверенность в себе. Моя тяга к жизни. И я

больше не намерена сдаваться. На этот раз точно. Я дойду до конца этого пути, куда бы он меня не привел».

— Жители города Куперта! — привлекая к себе внимание, закричала она. — Послушайте меня!

— Что ты делаешь, слезай оттуда, — испугался Март. — Леда!

Люди повернули к ней головы, и богу пришлось отступить. Множество глаз смотрело на нее, ожидая, что же она скажет.

— Не устали ли вы от того, что вам приходится терпеть этот холод? — обратилась к народу девушка.

— Устали! — раздались неслаженные крики из толпы.

— Не жаль ли вам приносить в жертву ваших дочерей, жен и матерей?! — запелельчиво выкрикнула Леда.

— Жаль, жаль! — зашлась толпа.

— Надоела ли вам эта метель, которую капризная богиня устроила из-за того, что кто-то ей не угодил?!

— Надоела, надоела, НАДОЕЛА!

— Тогда разбейте эту гадость и больше не поклоняйтесь ей! — ткнула Леда пальцем в статую Январь.

Толпа потоком хлынула за алтарь. Краем глаза Леда увидела, что Март закрыл лицо руками и буквально давится от нервного смеха. Статую красивой богини подняли на руки, и тут опомнился главный жрец:

— Прекратите! А если наступит опять годовая зима...

— Не наступит! — перебила его бывшая жертвенница.

Глаза держащих статую богини впились в нее, ожидая чего-то.

— Ну давай, обещай им, — тихо сказал Март. — Давай, раз уж начала. Дай им надежду...

— Я, Леда Инорих, новая богиня, клянусь собственным сердцем, что до конца Марта я найду и убью Январь, или погибну сама!

Эти слова заставили толпу прийти в состояние полного безумия. Несколько мужчин подняли статую богини на вытянутых руках вверх, а потом с силой обрушили на пол, и еще долго били ее молотками, лопатами, вилами — всем, что притащили с собой. Леду подняли на руки и принялись подбрасывать в воздух.

И тут раздался такой оглушительный грохот, какого Леда никогда в жизни не слышала.

В дверях храма стоял Карл. В руках у него было нечто странное, такого оружия Леда еще никогда в жизни не видела. За его спиной маячили фигуры Лока и Аластра. Жертвенницу опустили, и она, вместе с Мартом, побежала к своим друзьям сквозь расступившуюся толпу.

— Аластр, у меня получилось, — сказала она, оказавшись рядом с графом и радостно улыбаясь. — Смотри, эти люди тоже хотят бороться! Они...

Договорить граф ей не дал, отвесив злую, жестокую пощечину, да такую, что девушка чуть не упала. Леда удивленно распахнула глаза. Она не понимала, почему он не радуется.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала? — спросил он сквозь зубы.

— Я... чудо... — рассеянно сказала девушка, и тут же получила вторую пощечину.

Этого она уже стерпеть не смогла, и ответила тем же. Лицо графа так исказилось от гнева, что он был готов накинуться на нее с кулаками, но его придержал Лок.

— Уймись, — сказал герцог, а потом повернулся к Карлу. — Вы знаете, что делать. У вас достаточно патронов?

— Да, хотя они мне не понадобятся, — поморщился Карл. — Идите. Я все сделаю сам.

— Что вы собираетесь делать? — ужаснулась Леда.

— Леди Леда, пойдете, — уцепил ее за локоть герцог. — Здесь нам больше делать нечего. Все после. Сейчас главное, чтобы вы оказались подальше от этого места.

Посмотрев на охотника за разбойниками, Леда нахмурилась, но все же дала себя увести. Двое стражников, хлопнули за ними дверь, оставив Карла внутри. Лок одернул девушку, чтобы она не оборачивалась. На улице метель прекратилась, занимался рассвет.

— Знаете, Леда, что меня в вас удивило? — спросил герцог.

— Что же? — насторожилась девушка.

— То, как безалаберно вы отнеслись к моей просьбе не выходить из комнаты ни под каким предлогом, — сказал Лок.

Девушке стало стыдно, она опустила глаза. Из-за ее спины вдруг раздался галдеж и еще один раскат грома. Вскинув голову, Леда обернулась. Она увидела, как от двери стражники оттаскивают того молчаливого парня, Георга, начальника стражи. Он бился в дверь, пытаясь открыть ее, но ему не давали это сделать. Герцог одернул Леду, заставляя повернуться к себе.

— Понимаете, мы с Аластром, который очень о вас заботиться, решили не говорить вам всей правды, — сказал Лок погромче, чтобы заглушить крики из-за спины. — Кто-то пустил по городу слух о том, что именно из-за вашей с графом свадьбы начались эти ужасные метели. Город у нас... специфичный, надо сказать. Может, вы слышали о тихом бунте? Наши люди умеют собраться и сами решить свою судьбу. Потому они и пришли за вами. Может, если бы вы оставались в замке, под охраной, в той комнате, всего этого бы не случилось...

— Отпустите меня, — дернулась Леда, не в силах больше слушать доносящиеся из-за спины крики. — Зачем вы это делаете? В чем они виноваты!

— Они слишком много знают, — сказал Лок спокойно. — И разнесут эти новости по всему королевству. И тогда мы больше не сможем вас защитить.

— Людей и так мало, а вы еще и убиваете тех, кто хочет бороться! — гнев захлестнул

Леду. — вы чудовища! Вы все чудовища! И вы, и Аластр, и Карл!

— Успокойтесь, леди, — нахмурился Лок. — Просто так надо... смириться с этим.

Но Ладе не стала слушать его. Она напряглась, и неведомая сила отшвырнула от нее гресога. Развернувшись, она, расталкивая солдат, понеслась обратно. Только бы успеть, только бы не дать Карлу убить всех, только бы хоть кого-нибудь спасти. Вышибив своими новыми, ставшими вдруг такими послушными силами дверь, Леда застыла на пороге. Мимо нее пронеслось несколько израненных, покрытых кровью людей — десяток, не больше. Пол же храма устлал трупы, и посреди всего этого стоял Карл с окровавленным мечом. Взгляд у него был такой спокойный, будто он не сделал ничего особенного.

От этого зрелища ноги у Леды подкосились. Она упала на колени, закрыла лицо руками, и завывала в голос. Она понимала, что ничего бы все равно не смогла поделать, да только ее это не сильно успокаивало. Ей ужасно хотелось, чтобы эти люди жили. Ее обдало холодом, будто все тепло из тела ушло.

— Не плачьте, леди, — вдруг раздался чей-то тихий голос.

— Вы тут не при чем, леди...

Отняв руки от лица, девушка застыла. Вокруг нее стояли призраки. Некоторых она видела в толпе буквально несколько минут назад. И они улыбались. Не все, правда, некоторые плакали над собственными телами и телами своих близких. Но те два десятка, что окружили ее, смотрели дружелюбно.

— Мы не умрем, — сказал призрак жреца, что хотел принести Леду в жертву. — И разнесем ваши слова по всему миру. Их тайно будут шептать люди, ожидая исполнения вашего обещания. Ко псам нашего любимого герцога, решившего принести нас в жертву во имя всеобщего блага. Мы сделаем так, чтобы весь мир восстал против Января вместе с вами, леди Леда Инорих. Спасибо, что дали нам надежду. Пускай и цена за нее была — наша смерть.

Всхлипывая, девушка кивнула. Карл покачал головой и сунул меч, не стирая с него крови, в ножны. Жрец глянул на него и улыбнулся:

— Каждый раз как вы появляетесь здесь, происходят что-то немыслимое, — сказал он. — Мы не злы на вас. Ведь если бы вы не сделал то, что было в прошлый раз, не было бы у нас такого хорошего и умного правителя. По крайней мере, все что не делается — все к лучшему. А теперь иди. Отмойся. И будь добр, исполни последнюю волю. Похорони нас всех как полагается сам. Может, хоть тогда ты поймешь, что смерть — это не так просто.

— Мне, я так полагаю, лучше уйти? — спросил, хмурясь, Лок.

— Можете остаться, только передайте бразды правления тому, что больше ценит жизнь людей, — ответил призрак жреца. — Вы славно правили нами многие годы, но, видно, забыли, что мы — не пшено, которое можно скормить скоту.

— Кого же поставить на мое место? — с тяжелым вздохом спросил Герцог.

— Его, — призрак ткнул в начальника стражи.

— Но он же нем! — выкрикнул Лок.

— Так вам следовало бы припомнить, почему он нем, — ответил призрак. — А теперь идите. Разговор окончен.

Леду переселили в другую комнату. Здесь жарко горел камин, и девушка, усевшись прямо на пол рядом с ним, долго приходила в себя. У нее в голове не укладывалось все, что произошло с ней за эти несколько часов. Перед глазами все еще стояла картина заваленного трупами храма. Она, то и дело подбрасывая поленья в огонь, пыталась как могла выкинуть это из своей головы.

— Эй, — позвал ее чей-то голос.

Повернувшись, девушка увидела Карла. Он уже отмылся, но выглядел очень уставшим.

— Уходи, — попросила его Леда. — Не хочу тебя видеть.

— Знаю, — сказал он. — Но уйти не могу.

Не дождавшись хоть какой-то реакции на свои слова, охотник на разбойников подошел к девушке поближе и тоже уселся на пол. Какое-то время они молча смотрели на то, как огонь пожирает поленья, превращая их в угли, а угли — в золу.

— Мне жаль, что тебе пришлось все это увидеть, — сказал Карл, обняв колени.

— Как ты вообще мог... сделать это, — выдавила из себя Леда.

— Ты очень мало обо мне знаешь, — понурился Карл. — Жизнь у меня была так себе...

— Никакие трудности не могут оправдать этого, — огрызнулась Леда.

— Давай я буду с тобой честен, — мягко сказал Карл. — На самом деле мне не стыдно.

От этих слов Леде стало как-то страшно. Она с ужасом посмотрела на Карла, и увидела какой он на самом деле сгорбленный, будто придавленный каким-то ужасающей тяжести грузом. Ей вдруг припомнились слова Латены — если ты что-то боишься, то познай это, и страх пройдут. Если знать, почему собака злая, она уже не будет такой страшной.

— Расскажи, — попросила, даже потребовала девушка. — Не понимаю, как может быть... приятным убийство.

— Люди разные, — пожал плечами Карл, посмотрев на нее взглядом побитой собаки. — Я такой сколько себя помню. Меня в детстве похитили бандиты. Они очень сильно мучили меня, убили моего отца, изнасиловали и убили мать. Я был худощавым, и они решили оставить меня чтобы обучить грабежу, я ведь много куда мог пролезть. А я взял и перерезал их в один день всех по очереди. Ночью. Зажимал им рот чтобы они не кричали и резал. Одного за другим. Их было не много, всего с десяток человек. И я получал такое невероятное удовольствие от этого, какого больше никогда не испытывал.

У Леды от этого рассказа мурашки по спине побежали. Карл криво усмехнулся, подкинул новое полено в камин и продолжал.

— Ну и... потом я подрос, все было вроде хорошо... а потом я убил снова. Из-за какой-то ерунды. Спрятал тело. Думал, конец мне. Но ничего не произошло. Потом еще убил, и еще. И еще. И каждый раз это было так приятно. Потом меня взяли в гильдию убийц, и я начал зарабатывать на этом хорошие деньги. Долго резал глотки богатеев, пока однажды мне не пришлось гоняться за своей жертвой по лесу. И там я напоролся, представляешь, на храм Апрель. Крыша кое-где обвалилась, но фрески на стенах и потолке все еще были целы. Я так удивился. Быстренько догнал добычу, убил ее и решил заночевать в этом храме. И вот там мне приснился сон. Ко мне пришла богиня и сказала что-то вроде: «приятель, то, что ты

делаешь — неправильно. Если уж природа создала тебя для убийств, то делай их во благо». Ну и я... решила, что она права. И стал охотиться на разбойников. К королю на службу попал. Вот как-то так. Ненавидишь меня теперь небось?

— Уже нет, — вздохнула Леда, хотя от этого откровения ей стало еще тяжелее. — Твой рассказ не оправдывает тебя. Однако я больше не боюсь и не ненавижу тебя. Пойми свой страх, и он перестанет быть таким уж страшным...

— Ну да, — удивился Карл, а потом, помолчав, добавил. — А Аластра? Егс ненавидишь?

— Нет, — нахмурилась Леда, потеряв все еще багряную от пощечины щеку. — Не он же дал приказ всех их убить... да и... я заслужила. Выкрикивала там какую-то ерунду, обещание это дала, статую Январь велела разбить...

— А по мне ты все делала правильно, — одобрительно улыбнулся ей Карл. — Если тебя это утешит — я был против этого убийства. Но я всего лишь меч короля. А меч не спрашивают, хочет он убить кого-нибудь или нет. Все же не такое уж я и чудовище... по крайней мере после встречи с Апрель я стал ненавидеть убивать невинных...

— Спасибо за то, что рассказал, — слабо, натянуто улыбнулась ему Леда. — А теперь иди. Я хочу побыть одна.

— Ладно, — со вздохом встал Карл. — Спасибо, что выслушала и поняла. И еще раз прости.

Он уже собирался уходить, когда Леда вспомнила еще об одном нерешенном вопросе.

— Послушай, а что случилось у вас с там немым парнем? — спросила она. — Столько разговоров об этом было...

— А, с Георгом-то? — почесал в затылке Карл. — Много лет назад, когда я еще был наемником, люди этого города наняли меня, чтобы убить герцога Лока. Я уже воткнул нож ему в спину, но, благо, ничего важного не задел. Тогда Георг поймал меня и какое-то время допрашивал. Разумеется, я, не будь дурак, договорился с ним, что он отпустит меня если я расскажу, кто заказал мне герцога. Это ставило на моей репутации убицы жирную кляксу, но моя чертова шкура мне была дороже. Однако Георг обещания не сдержал, хотя и не казнил нас. Лок рвал и метал, говоря, что изменников надо показательно пустить на плаху, но этот парень заявил, что лучше язык себе отрежет, чем даст такой приказ своим войнам. Мол, в куперте уже сто лет не было смертной казни. И ведь отрезал, упрямец такой! Показательно. Я тогда долго смеялся, а теперь, припоминая его слова, думаю, что он был прав. Он сказал, что лучше три живых изменника, работающие на каторге, чем три занимающих землю трупа. Может и хорошо, что он вернул к жизни старую фамилию. Все же сын прошлого герцога... пусть и бастард.

Леда натянуто улыбнулась.

— А, вот еще что, — вдруг вспомнил Карл. — Завтра мы выдвигаемся в сторону столицы. Король хочет, чтобы мы приехали. Мы получим там кое-какие инструкции, и он начнет потихоньку собирать армию. Скоро будет война с Январем, Леда. Надеюсь, ты все еще на нашей стороне?

— Только потому, что желаю освободить от нее людей, — потупилась девушка. — А не потому что вы все мне так уж нравитесь.

— А ты нам нравишься, — вдруг улыбнулся хитро Карл. — Таких людей как ты я еще не встречал, Леда. Ну, может, Георга только. Из тебя получится хорошая богиня. Придерживайся и дальше своих идеалов, и все у тебя получится. Ну и я постараюсь больше

не давать поводов для ненависти. Идет?

— Идет, — кивнула девушка.

— Кстати о твоём обещании... — осторожно просил Карл.

— Я выполню его, — сказала она. — Даже если мне придется драться в одиночку. Я уже решила.

— Ну и замечательно, — сказал охотник на разбойников. — Что ж... счастливо оставаться, красавица. Отдыхай. Мы пробудем здесь пару дней, прежде чем двинемся дальше.

И с этими словами он ушел, прикрыв за собой дверь, оставив Леду одну со своими мыслями и со своим страшным обещанием, которое она обязана была теперь выполнить.

В печи весело потрескивал огонь, поедая куски торфа. От кинутой в топку еловой ветки по дому расходился приятный аромат. Латена открыла задвижку, помешала внутри печи кочергой. Разыгравшаяся вьюга сильно подточила их запасы дров. Глянув на исхудавшую поленицу, сложенную за печью, девушка покачала головой. Нужно было идти в лес, валить деревья, колоть их, но буран все никак не унимался.

«В страшные ворота эту Январь, — подумала она. — Что же она никак не уймется!»

Приподнявшись на цыпочки, она погладила по светлым головкам дремавших на печи сыновей. Одному было три года, второму два. Третий же, угнездившийся внутри ее живота, только-только начал входить в силу. Она понимала, что это может значить, но гнала эти мысли от себя подальше. В конце-то концов, ребенок мог родиться и мертвым, такое с ней уже случалось. Такое со многими случалось. В последние пять лет мертвые дети рождались подозрительно часто.

В дверь постучали, и Латена удивленно вскинула брови. Она никого не ждала в столь поздний час — на улице уже стемнело. Она выглянула в окно, но никого не увидела. Тогда, кинув взгляд на дверь комнатухи, за которой спал муж, она открыла дверь. На пороге оказались двое пришельцев, однако странный их вид не смутил девушку, а напротив, обрадовал.

— Неужто, — улыбнулась она самой счастливой улыбкой из всех, на которые была способна. — Ты вернулся! Ну теперь я за этот мир спокойна. Проходите. Я налью вам чаю...

Больше книг на сайте - Knigolub.net